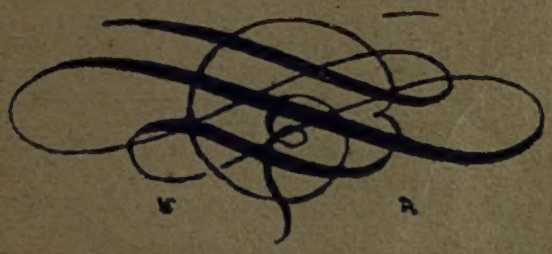
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВИ496
П722

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ

Р. ПУАНКАРЕ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВИ44Б
П722



ИЗДАНИЕ Т-ВА „МИР"

Издания Т-ва „МИР“, Москва, Арбат, Никольский пер., д. 10, кв. 11.
Телефон № 1-37-31.

Педагогика.

Проф. Н. Д. Виноградов. Педагогика. Основн. пробл. и принципы.
Проф. Н. Н. Ланге. Психология. Основные проблемы и принципы.
Проф. У. Джемс. Беседы с учителями о психологии.
Проф. Э. Мейман. Очерк экспериментальной педагогики. Ч. I.
Э. и Дж. Партридж. Как и что рассказывать детям в школе и дома.
М. М. Штейнгауз. Классы—лаборатории.
М. М. Штейнгауз. Слово, образ и действие.
Д-р. Л. Чулицкая. Дошкольный возраст и его особенности.
Е. И. Тихеева. Организация детского сада и детского дома.
Н. В. Чехов. Типы русской школы в их историческом развитии.
Н. А. Альмединген. Дошкольное воспитание и семья.

История и обществоведение.

Проф. Р. Ю. Виппер. Новая история. Кн. I. 1500—1789.
Проф. Р. Ю. Виппер. Новая история. Кн. II. От французской революции до Версальского мира.
П. П. Маслов. Крестьянские движения в России. Ч. I.
М. Н. Коваленский. Русская революция в суд. процес. и мем. Кн. I. Проц. Нечаева, 50-ти и 193-х. Кн. II. Дело В. Засулич.
М. Н. Коваленский. Путешествие Екатерины II в Крым.
М. Н. Коваленский. Русский ученый 18 в. (Из жизни Ломоносова).
Н. Д. Комовская. В стране великого хана.
П. П. Кащенко. Суд в московском государстве.
Проф. Н. М. Никольский. Древний Израиль. 2-е перер. и доп. изд.
История еврейского народа. Т. I. Древнейшая эпоха еврейской истории. На велен. бумаге. В переплете.
История евреев в России. Т. I. На велен. бумаге. В переплете.
История евреев в России. Т. II. Кн. I. На велен. бумаге.
Проф. В. В. Святловский. История экономических идей в связи с историей экономического быта.
В. А. Гурко-Кряжин. История революции в Турции.
П. В. Слоссон. Чартистское движение и причины его упадка.
В. Д. Набоков. Временное правительство. (Воспоминания).

Научно-популярные книги.

В. Оствальд. Мир обойденных величин. Совр. коллоид. химия, ее науч. и техн. прилож. Пер. под ред. проф. В. В. Шарвина.
В. Вельше. Происхождение человека. 2-е изд.
Акад. П. П. Лазарев. Физико-химич. основы высш. нервн. деятел.
Его же. Строение вещества.
Проф. В. В. Шарвин. Энергия, ее сохранение и вырождение.
Проф. Л. А. Чугаев. Наука и техника. Современные достижения химическ. промышлен. С предисловием акад. П. П. Лазарева.
Проф. Финдлей. Химия на службе человеку.

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
ПОД РЕД. И. Н. БОРОЗДИНА

РАЙМОНД ПУАНКАРЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕВ. С ФРАНЦ. А. Ф. СПЕРАНСКОГО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ И. Н. БОРОЗДИНА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
М. Н. ПОКРОВСКОГО
„КТО ТАКОЙ ПУАНКАРЕ?"

Издание Т-ва „МИР"
Москва, Арбат, Никольский пер., д. 10
1924.

К. 87 П

ВИ446
П722

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
Ж 5506
1924 38843 У

Типография „ДЕЛО", Петроград, 5 Рождественская, 44.

Петрооблит № 11.784. Тираж 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мировая война и связанные с ней события вызвали целый поток мемуарной литературы. В безудержном соревновании, не щадя своих сил и уменья, пишут свои записки политические деятели всякого чина и звания, генералы, дипломаты, фрейлины, принцы, экс-министры, экс-президенты, экс-императоры и т. д. В большинстве случаев это—записки бывших людей, старающихся в свободное время или реабилитировать себя, или доказать, что «и мы пахали». Сгущенность тех или иных красок, лицемерие или открытая ложь, хвастовство и неприкрытое самолюбование, тенденциозный подбор фактов и их одностороннее освещение—обычные аттрибуты такого рода литературы. Все это приходится учитывать заранее и, тем не менее и не смотря на это, очень и очень считаться с мемуарной литературой. В ряде исторических источников о мировой войне и ее генезисе воспоминания участников и очевидцев грозных и роковых событий представляют высокий интерес и большое значение, несмотря на всю суб'ективность и тенденциозность. В этих мемуарах отражаются идеи и мысли, поступки и линия поведения тех деятелей, которых породила эпоха, ее исторические условия. Все указанные выше недостатки мемуарной литературы чрезвычайно типичны для психологии тех господствующих классов, которые выдвинули на авансцену больших или малых «виновников войны».

Книга о происхождении мировой войны, написанная бывшим президентом французской республики и нынешним главой правительства, Раймондом Пуанкаре, не может не представлять исключительного интереса.

Само собой разумеется, что прежде всего ищешь в новой книге новых данных, новых фактов, могущих пролить свет на те или иные предвоенные события. Пуанкаре, стоявший в самой гуще, мог, как никто, ответить на ряд недоуменных вопросов. Но он вовсе не задается целью отвечать на только невыясненные вопросы, он не пишет, в сущности, личных воспоминаний, хотя мемуарный характер (а в этом то и главная ценность книги) дает себя на каждом шагу знать.

Нет, в качестве «бессмертного», он по доброй старой традиции академиков выступает с курсом лекций, посвященных истории возникновения мировой войны. Пуанкаре широко пользуется как опубликованными, так и не опубликованными материалами и документами и обширной существующей литературой. Его начитанность весьма значительна и не только в области одной французской литературы. Он часто цитирует и удачно полемизирует с немецкими писателями. Но, конечно, главный интерес книги представляют вкрапленные то там, то здесь, а затем широкой волной хлынувшие личные воспоминания, сопровожденные новыми документами, искусно подобранными. Здесь академическое беспристрастие, довольно, впрочем, проблематичное, окончательно уступает место защите своей линии поведения опытного и ловкого политического дельца.

Драпируясь в тогу историка и выдерживая соответствующий стиль, Пуанкаре начинает издалека. В первой главе он останавливается на франко-

германских отношениях после 1870—71 года. Здесь его основной задачей является доказать, что после неудачного исхода кампании Франция не думала готовиться к новой войне, что ей чужда была идея реванша. Все создавшиеся по этому поводу представления Пуанкаре считает результатом немецких наветов и происков. Зато Германия, по его мнению, явно стремилась к новому обескровлению Франции. Особенно не любит Пуанкаре Бисмарка, который является для него источником всех зол. Довольно трафаретно изображает Пуанкаре развитие германского империализма, колониальной экспансии и попутно роли пангерманизма. Ядовиты его реплики по адресу Вильгельма II, который в оценке Пуанкаре является фальшивым и двоедушным интриганом. И в этой исторической главе встречается налет личных воспоминаний. Как раз в начале главы повествуется о последних выступлениях германского посла в Париже фон-Шена.

Вторая глава трактует о франко-русском союзе и тройственном согласии. Здесь Пуанкаре рисует основные моменты развития франко-русских отношений, опубликовывая попутно знаменитую военную конвенцию, так связавшую Россию по рукам и ногам. Каких либо особенно новых фактов тут нет. Интересно, что выступления России и Англии в 1875 г. в защиту Франции, которую Германия провоцировала на разрыв, дают автору возможность видеть уже здесь начала тройственного согласия. Не безинтересны данные о франко-германском конфликте 1887 г.

Первые две главы, в сущности, представляют преисторию войны. Третья глава уже вводит в исторические пределы. Носит название эта глава «Марокко и Балканский кризис». С подробностью осве-

щен автором Агадирский инцидент, при чем Пуанкаре не скрывает своего негодования по поводу немецких авантюр в Африке. Негодуя на германский империализм, Пуанкаре отнюдь не отказывается от соответствующих французских колониальных устремлений.

Весьма интересны данные, которые приводит Пуанкаре относительно Балканского кризиса и той позиции, которую занимала в нем Франция. Начав повествование с аннексии Боснии и Герцеговины, Пуанкаре подробно характеризует тогдашнюю политическую конъюнктуру. Особенно он останавливается на Германии, взявшей повелительный тон, и на России, являвшей картину полной неподготовленности к войне и поэтому вынужденной признать аннексию. Пуанкаре ядовито замечает, что Франции и Англии не оставалось сделать ничего другого, как последовать ее примеру.

Чрезвычайно подробно описывает Пуанкаре историю образования балканского союза, характеризуя тогдашние роли России и Австрии. Очень ценны и его указания на то охлаждение между Россией и Францией, которое падает на начало 1912 г. Железнодорожные концессии в Анатолии, вопрос о международном консорциуме в Китае, недовольство в Петербургских сферах французским послом Луи— все это создавало некоторую напряженность в отношениях между союзными державами. Об образовании Балканского союза и о договорах между славянскими государствами русское правительство ничего не сообщало Франции. Это взволновало тамошние политические круги. Пуанкаре, бывший в то время министром-президентом и министром иностранных дел, предпринял свою первую поездку в Россию для улажения всех инцидентов. Поездка удалась, и острые

углы были сглажены; дипломатические тайны открылись. Сазонов познакомил Пуанкаре с балканскими проектами и с этого времени держал его в курсе дел. Пуанкаре с большим красноречием повествует, как он принялся за ближне-восточные дела, стараясь предотвратить кризис, грозивший вызвать мировую войну. Пуанкаре хвастливо отмечает, что его политику поддерживала Германия, что его формулы хвалили германский канцлер и министр иностранных дел. Великим союзником в умиротворении страстей была Англия. И здесь Пуанкаре, комплиментируя по всем правилам академического искусства своей теперешней союзнице, ретроспектирует настоящее в прошлом.

Несомненно, Пуанкаре слишком преувеличивает свою роль мудрого посредника. Далеко не гладкое разрешение Балканского кризиса вряд ли свидетельствует о блистательных результатах политики преемника Таллейрана. Но во всяком случае то, что сообщает Пуанкаре о мерах к предотвращению или к оттяжке мирового пожара, представляет значительный интерес. Здесь автором пущены в оборот еще не опубликованные данные французского министерства иностранных дел.

Значительный интерес представляют две последние главы книги. В этих главах личный элемент берет окончательный перевес; история отходит на задний план. Прежде всего и главным образом Пуанкаре— «la Guerre» старается доказать свою полную непричастность к войне. Очень искусно и тонко, детально повествуя о каждом роковом дне, показывает он, как принимались все меры к мирному разрешению нависавшей катастрофы. Весь срыв мирных начинаний исключительно принадлежит Вильгельму II и Германии. Пуанкаре всю силу своего недюжинного полемического таланта направляет на неудачливого

германского императора. Надо сказать, что способ изложения фактов французским ex-президентом куда удачнее жалкой и надуманной самозащиты Вильгельма в его недавних мемуарах. Пуанкаре, основываясь на ряде авторитетных данных, свидетельствует, что уже 5 июля в Потсдаме состоялся чрезвычайный совет под председательством Вильгельма, на котором война была решена.

В доказательство своего непредвидения войны Пуанкаре приводит свою поездку в Россию, куда он выехал вместе с премьером и министром иностранных дел Вивиани. Пуанкаре дает понять, что его отсутствие пагубно сказалось на развитии конфликта. Недаром ультиматум Сербии, как устанавливает Пуанкаре, был послан с таким расчетом, чтобы быть полученным в Белграде после отъезда президента из России. Описание самого пребывания в России также не лишено интереса, хотя страдает некоторой ненужной краткостью. К Николаю II Пуанкаре относится более, чем сдержанно. Никакой характеристики его он не дает, ограничиваясь указанием на его слабость и нерешительность. Беседы, какие вели царь и президент, как будто мало касались Сараевского инцидента и его последствий. Пуанкаре усиленно повествует, что он главным образом старался устранить англо-русские трения в Персии, возникшие в связи с сатрапским поведением русских консулов. Николай II с своей стороны просил президента передать шведскому королю об отсутствии у русского правительства каких либо агрессивных намерений против Швеции. О Швеции Пуанкаре даже два раза говорит, как и об случайном инциденте с Англией. Очень подозрительно, что почти не упоминается о назревающих боевых событиях. Ведь ясно, что общая линия поведения не могла не

быть намеченной. Здесь как будто Пуанкаре перехитрил самого себя. Любопытно, что Пуанкаре упоминает и о рабочих беспорядках, бывших в Петербурге во время его пребывания. Приводится им пресловутая версия о германском происхождении этих беспорядков. Надо думать, что у Пуанкаре это взято от тогдашнего французского посла в России Палеолога.

Подробно описывает Пуанкаре и дальнейшее путешествие, во время которого радио сообщали о быстром нарастании конфликта. Нарушив прежний план поездки, Пуанкаре и Вивиани поспешили вернуться домой.

Заключительная глава говорит о днях 29 июля—4 августа. Шаг за шагом, час за часом прослеживает Пуанкаре перипетии переговоров. Все время он указывает, что Франция совместно с Англией принимала все меры к улажению конфликта. Позиция Германии, наоборот, была остро-непримиримой. Пуанкаре подчеркивает тон Вильгельмовских телеграмм к Николаю, мало делавших честь для русского суверена. Обращает внимание текст писем Пуанкаре, направленных к английскому королю.

Как и следовало ожидать, книга академика Раймонда Пуанкаре менее всего отличается академическим беспристрастием. На каждом шагу дают себя чувствовать определенный подбор фактов и их соответствующее освещение. Опытная рука закаленного в боях парламентария видна во всех мельчайших деталях. С высоты академической кафедры Пуанкаре возгласил о своем миролюбии и всячески умыл руки в вопросе о виновниках войны.

А между тем, в историю Пуанкаре перейдет отнюдь не как Пуанкаре-миротворец, а как Пуанкаре-война. Один из самых жестоких и беспощадных вождей современного воинствующего империа-

лизма—он напрасно льет крокодиловы слезы. Никто ему не поверит!

Настоящая книга печатается в серии мемуаров, потому что ее главная и наиболее значительная часть носит характер личных воспоминаний, представляющих несомненную ценность. С любезного разрешения М. Н. Покровского помещен в виде вступительной статьи его этюд о Пуанкаре, дающий общую характеристику главы национального блока, написанный по поводу появления его у власти в качестве премьера.

И. Бороздин.

Кто такой Пуанкаре?

Во Франции, сколько можно судить по отрывочным телеграммам, нечто вроде нашей «диктатуры Трепова» весны 1905 года. Тогда тяжко больное самодержавие поставило у власти самого «сильного», как ему казалось, человека, какой был в его распоряжении: бывшего московского обер-полициймейстера, отца зубатовщины, Трепова—«Патронов не жалеть». Сильный человек не помог—октябрьская забастовка 1905 г. разразилась, самодержавие должно было пойти на уступки, хотя бы и «принципиальные». Знаменитый приказ «не жалеть патронов» повис в воздухе.

Теперь французский империализм, чувствуя такое же тяжкое недомогание, как его союзник в 1905 г., ставит у власти своего «сильного человека», Пуанкаре—«Войну». Надо надеяться, что французский Трепов окажется не сильнее своего русского предшественника и образца. Но некоторое время он будет стоять на авансцене международной политики,—стоит присмотреться к этой, во всяком случае характерной, личности поближе.

У нас есть очень ценный для этого источник: письма и донесения русских дипломатов, имевших дело с Пуанкаре перед 1914 годом. Именно этот период, когда «Война» впервые выступил руководителем французской политики, особенно интересен. На своем пути он сейчас же встретил, тоже крупную и характерную, фигуру с русской стороны. Это был тогдашний царский посол в Париже Извольский (не так давно умерший), которого стоило бы, в подражание

прозвищу Пуанкаре, назвать Извольский — «Проливы». Министр иностранных дел Николая II с 1905 по 1910 г., Извольский был тем человеком, который повернул русскую политику с Дальнего Востока, где она завязла в 1905 году, на Ближний. Он заключил в 1907 г. соглашение с недавним противником Российской империи на берегах Тихого океана, Англией—союзницей Японии; с этих пор Англия становится союзницей России. Ища, чем загладить позор Цусимы и Портсмутского мира, Извольский тогда же робко стал намекать новому союзнику на желательность для России получить, наконец, в свои руки «ключи от собственного дома»: т. е. захватить Босфор и Дарданеллы. Английский бульдог в первую минуту глухо заворчал, увидав руку, протянутую к этой кости, давно им обглоданной и ему не нужной, но за которую он привык грызться уже сто лет. Английский посол в Петербурге уже тогда успокаивал, однако, что бояться нечего—собака не кусается, не надо только спешить черезчур и дразнить ее.

Ободренный этим, Извольский уже в январе следующего 1908 г. ставит на совещании под председательством Столыпина вопрос о войне за Константинополь [1]). «Проваленный» этот раз Столыпиным, Извольский не успокаивается и затевает игру с австрийским премьером Эренталем, на таком условии: Австрии — Босния и Герцеговина, России — проливы. Эренталь оказался хитрее и обыграл: Австрия аннексировала Боснию, а русский министр остался с носом. Взбешенный Извольский опять заговорил о войне, но опять не встретил поддержки ни со сто-

---

[1]) См. «Три совещания», «Вестник Нар. Ком. Иностран. Дел» 1919 г. № 1.

роны Столыпина, ни со стороны союзницы Николая II, Франции, которая при этом случае обнаружила какие-то непонятные симпатии к Австрии: вернее, просто не привыкла еще к мысли, что и ей придется воевать вместе с Россией за Константинополь. Мы увидим, что и Пуанкаре к этой мысли приходилось позже приучать.

Неудачи Извольского начинали портить ему репутацию. В русских дипломатических кругах острили, что это «Наполеон, который начал свою карьеру с Ватерлоо». Столыпин стал относиться к нему подозрительно, как к беспокойному человеку, который, того и гляди, втянет в беду. В 1911 г. Извольский перестал быть министром и очутился русским послом в том самом Париже, который так огорчил его во время русско-австрийского конфликта: надо думать, что Столыпин считал это место особенно надежным для обуздания Извольского.

В первое время французские министры, с которыми ему приходилось иметь дело, в особенности Кайо и де-Сельв (летом 1911 г.), ничего, кроме огорчений, не доставляли: с ними не о чем было говорить, на «военные» темы они ничего не желали слушать. Какой был великолепный случай затеять драку в июле—августе этого года после того, как германский военный корабль осмелился бросить якорь в «нейтральной» марокканской гавани (так называемый «агадирский инцидент»), — а Кайо и тут ухитрился пойти на компромисс с немцами. Но вот в январе следующего года французская политика попадает в твердые руки Пуанкаре (его кабинет сменил кабинет Кайо в это время), и картина резко меняется, а с нею и настроение Извольского.

В это время Сазонов, новый русский министр иностранных дел, который получил от Столыпина

портфель именно для того, чтобы не повторять бестактных выходок Извольского, завел переговоры с «наследственным врагом»—Австрией. Это очень опечалило, конечно, бывшего министра,—но его печаль осталась бы неразделенной, будь во Франции у власти прежние люди. Можно представить себе восторг Извольского, когда в Пуанкаре он вдруг открыл родственную душу. Прежние французские министры и слышать не хотели о балканских делах, а Пуанкаре обиделся, что с ним об этих делах не заговорили. «Г. Пуанкаре несколько раз спрашивал меня, пишет Извольский Сазонову (от 16/29 февраля 1912 г.), что мне известно о происходившем, судя по газетам и получаемым им из других источников сведениям, сбмене мыслей между вами и венским кабинетом о балканских делах; при этом он еще раз напомнил мне о своей готовности вступить с нами в разговор об этих делах и дал мне понять, что он ожидал бы с нашей стороны такого же осведомления о наших переговорах с Веной, какое он получил от лондонского кабинета после поездки лорда Хольдена в Берлин. Пишу вам все это с полною откровенностью, ибо мне кажется, что для нас весьма важно сохранить и укрепить заявленные мне г. Пуанкаре, при вступлении во власть, намерения. Нынешний председатель совета и министр иностранных дел—весьма крупная личность, и кабинет его является наиболее сильной комбинацией за длинный ряд годов. Насколько при г.г. Крупни и де-Сельв было бесплодно разговаривать с Францией об обще-политических вопросах, настолько при нынешнем составе французского правительства подобные разговоры не только полезны, но и необходимы. Кроме того, насколько я мог заметить, г. Пуанкаре, обладая крупными достоинствами, в то же время чрезвы-

чайно самолюбиво и весьма сильно воспринимает всякое, по его мнению, пренебрежение его участием или мнением. На этой почве у него с Титтони [1]) происходят весьма чувствительные трения. Ко мне он относится с большою предупредительностью и с видимым желанием как можно чаще и подробно со мною беседовать».

«Проливы» нашли, наконец, собеседника... Правда, дальше разговоров первое время Пуанкаре не обнаруживал охоты итти. Извольский был рад и этому и, проявляя и здесь излишнюю нервность, бранился с Питером, где продолжали кокетничать не только с Австрией, а и с Германией (свидание Николая и Вильгельма в Балтийском порте в июле 1912 г.). Но в Питере знали, что делали. Сазонов, в сущности, шел по той же дороге, что и Извольский, только умнее и осторожнее. Уже весною этого года усилиями русской дипломатии был заключен союз Сербии и Болгарии — настоящее «орудие войны» (instrument de guerre), как метко определил его Пуанкаре, познакомившись с ним: орудие, направленное не столько против Турции, сколько против Австро-Венгрии. Приехав в Петербург в августе, Пуанкаре изложил эти свои мысли и Сазонову, прибавив, «что французское общественное мнение не позволит правительству республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения casus foederis [2]), в каком случае мы, разумеется, могли бы рассчиты-

---

[1]) Тогдашний итальянский премьер.

[2]) Условия, которые обязывают Францию вмешаться в войну.

вать на полное и точное выполнение Францией связывающих ее по отношению к нам обязательств».

Судя по наблюдениям над Извольским, французский премьер, вероятно, рассчитывал увидеть смущенный взор и поникший лик. Но он имел перед собой весьма хитрую лисицу и сейчас-же получил сдачи. Сазонов со своей стороны сказал французскому министру, что «всегда готовые решительно встать на сторону Франции в случае наступления предвиденных нашим союзом обстоятельств, мы также не могли бы оправдать перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванных какими-нибудь вне-европейскими колониальными вопросами до тех пор, пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми».

Ты не хочешь нам помогать завладеть проливами? Хорошо! Мы тебе не поможем захватить Марокко. Это было тем более чувствительно, что перед этим Сазонов выудил из своего собеседника весьма важное сведение — долго остававшееся неизвестным Извольскому. «Предметом особенно откровенного обмена мыслей между г. Пуанкаре и мною были отношения между Францией и Англией», докладывал царю Сазонов. «Указав, что эти отношения приняли за последнее время, под влиянием агрессивной по отношению к Франции политики Германии, характер особенной близости, — франнузский первый министр поведал мне, что, хотя между Францией и Англией не существует никакого писанного договора, тем не менее как сухопутные, так и морские генеральные штабы обоих государств находятся между собою в тесном общении и непрерывно сообщают друг другу с полной откровенностью все могущие их интересовать сведения. Этот постоянный обмен мыслей

имел своим последствием заключение между французским и английским правительствами устного соглашения, в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами. На суше Англия обещала поддержать Францию посылкою стотысячного отряда на бельгийскую границу для отражения ожидаемого французским генеральным штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию» [1]).

Итак, знаменитое «нарушение бельгийского нейтралитета» было самым деловым образом предусмотрено Англией ровным счетом за два года до того, как это «неожиданное» попрание основ международного права вызвало в Англии единодушный взрыв негодования! Но не будем отвлекаться от Пуанкаре. После таких излияний данный Сазоновым урок был особенно чувствителен—и потому именно он был великолепно усвоен. Извольский очень скоро мог убедиться, насколько его преемник сильнее его. Когда «орудие войны» начало действовать, война между Болгарией и Турцией началась (ноябрь 1912 г.), Извольский, к немалому своему удивлению, открыл «совершенно новый взгляд Франции на вопрос о территориальном расширении Австрии за счет Балканского полуострова. Тогда как до сих пор Франция заявляла нам, что местные, так сказать чисто балканские, события могут вызвать с ее стороны лишь дипломатические, а отнюдь не активные действия, ныне она как бы признает, что территориальный захват со стороны Австрии затрогивает общее европейское равновесие и, потому, и собственные интересы Франции. Я не преминул заметить г. Пуан-

[1]) Из доклада Сазонова Николаю II от 4-го августа 1912 г.

каре, что, предлагая обсудить совместно с нами и Англиею способы предотвратить подобный захват, он этим самым ставит вопрос о практических последствиях предположенного им соглашения; из его ответа я мог заключить, что он вполне отдает себе отчет в том, что Франция может быть вовлечена на этой почве в военные действия». (Письмо от 25-го октября—7-го ноября 1912 года).

Что к войне уже тогда, в ноябре 1912 г., готовились совершенно деловым образом доказывает письмо Извольского от 8/21-го ноября. «Заявления, сделанные вчера итальянским послом, если они подтвердятся итальянским правительством, могут возыметь весьма серьезные последствия в сфере дисклокации французских войск; вы знаете, что с 1902 г. Франция значительно ослабила состав своих военных сил на итальянской границе; если не ошибаюсь, разница исчисляется в целых два корпуса. Если окажется, что Франция не может расчитывать на нейтралитет Италии, это изменит весь план кампании, основанный именно на этом нейтралитете. Вопрос этот настолько важен, что, как мне известно, Пуанкаре созвал сегодня утром экстренный совет министров для его рассмотрения».

Дальше следует место, не столь важное политически, но чрезвычайно любопытное в бытовом, так сказать, отношении. Напомнив Сазонову о необходимости щадить несколько щекотливое самолюбие Пуанкаре, Извольский продолжает: «Между тем в решительную минуту, если не дай Бог она наступит, от него лично будет зависеть весьма многое. Я всегда с ужасом думаю, что бы было, если бы вместо него в настоящие критические минуты во главе французского правительства стоял Кайо или Клемансо. Не забудьте, что ему приходится бороться с

весьма влиятельными элементами собственной его партии, которые настроены недоброжелательно к России и открыто проповедуют, что Франция ни в коем случае не должна быть вовлечена в войну из за балканских дел».

Думал-ли когда нибудь Клемансо, что его имя где-нибудь стоит рядом с именем посаженного им впоследствии в тюрьму за «измену» Кайо, в качестве пацифиста? Такова ирония истории... И так плохо еще было «обработано» общественное мнение Франции даже в конце 1912 г. (Извольский непрестанно жалуется в своих письмах на отсутствие в его распоряжении достаточных фондов для подкупа французских газет). Но за то сам Пуанкаре был обработан более, чем достаточно. В январе следующего года он стал президентом республики, и русский посол мог телеграфировать своему начальству: «Только что имел длинную беседу с Пуанкаре, который высказал мне, что в качестве президента республики он будет иметь полную возможность непосредственно влиять на внешнюю политику Франции и что он не преминет воспользоваться этим, дабы обеспечить в течение предстоящих семи лет неизменность политики, основанной на тесном союзе с Россией. Он выразил мне при этом надежду продолжать часто видеться со мною и просил меня во всех случаях, когда это мне покажется желательным, обращаться прямо к нему. По поводу текущих вопросов он высказывал мне приблизительно то же, что я слышал вчера от Жоннара. По его словам, для французского правительства весьма важно иметь возможность заранее подготовить французское общественное мнение к участию Франции в войне, могущей возникнуть на почве балканских дел; вот почему французское правительство просит нас не пред-

принимать единоличных действий, способных вызвать подобную войну, без предварительного обмена мыслей, с Францией». (Секретная телеграмма Извольского 16/29-го января 1913 г.).

Такая преданность заслуживала поощрения. Все французские президенты, со времени основания франко-русского союза, получали высший из царских орденов Андрея Первозванного, но получали его обыкновенно после паломничества в царскую столицу. Пуанкаре дали орден сразу, как только в Петербурге было получено известие об его избрании. «Пожалование г. Пуанкаре, при самом вступлении его в должность президента республики, ордена Андрея Первозванного, писал Извольский 14/27-го февраля, присылка орденских знаков со специальным посланцем, а главное содержание письма государя императора произвели здесь глубокое и самое отрадное впечатление».

Пуанкаре почувствовал потребность излить свою душу перед русским послом. Он «начал с того, что с видимым волнением, высказал мне свою глубокую благодарность за оказанный ему государем императором знак внимания и расположения. Переходя к очередным политическим вопросам, он подтвердил мне все, что я уже слышал от г. Жоннара относительно германских вооружений и необходимых ответных мер со стороны Франции. По его словам, события последних восемнадцати месяцев произвели во французском общественном мнении крутой переворот и вызвали здесь давно небывалое патриотическое настроение. В этом отношении агадирский инцидент оказал Франции величайшую услугу; нынешнее же увеличение германской армии окажется, может быть, столь же благодетельным, ибо наглядно докажет несостоятельность теорий пацифистов и не-

обходимость еще более прочной организации французских боевых сил».

«Неосновательность теорий пацифистов» доказывается всеми приведенными нами документами так же неотразимо, как и правильность прозвища, данного французскими рабочими Пуанкаре — «Война» (Poincaré la Guerre). Какие черные замыслы теперь таятся в этой черной душе? Сильно ли тоскует кавалер Андрея Первозванного, что он лишен возможности получить бриллиантовые знаки этого ордена? Во всяком случае, у монархической русской реакции за границей нет, вероятно, более верного друга, нежели этот бывший президент и нынешний премьер французской республики. Пуанкаре не только «Война» — но специально война против «пацифизма» — т. е. интернационализма и воплощающей его Советской России. Его новое пришествие к власти, это символ—будем надеяться, такой же символ последней предсмертной судороги французского империализма, как—диктатура Трепова в 1905 г. оказалась символом последней судороги старого русского самодержавия.

М. Покровский.

Происхождение мировой войны.

I.

Франция и Германия после 1870 г.

28 июля 1914 года Австро-Венгрия об'явила войну Сербии. Первого августа, в тот момент, когда часы центральной Европы показывали пять часов пополудни, Германия об'явила войну России.

В понедельник 3 августа 1914 года в 6 ч. 45 м. вечера германский посол в Париже посетил Рене Вивиани, председателя совета министров и министра иностранных дел.

Барон фон-Шен не имел в этот день того улыбающегося лица и обходительной ласковости, к которым так давно привыкли даже привратники на quai d'Orsay. Он был мрачен, и то волнение, которое он, повидимому, испытывал, совершенно изменило его лицо. Он заявил Вивиани, что при переезде из посольства в министерство он встретил двух дам, которые, вскочив на подножку экипажа, пытались нанести ему оскорбление действием.

Действительно, за предшествовавшие двое суток, не смотря на об'явление Германией войны России, он постоянно показывался в городе, с упрямством, которое для него не было обычным; он завтракал и обедал в ресторане и, казалось, искал случая, кото-

рый дал бы его стране повод враждебного выступления против Франции [1]).

Благодаря сдержанности парижан, этого случая не представилось, и тогда барон фон-Шен был вынужден представить правительству французской республики об'явление войны, подкрепленное смехотворными аргументами, содержание которых вам известно.

«Господин президент—писал он в своем письме, врученном Вивиани—гражданские и военные власти осведомлены о некоторых случаях проявления враждебных актов со стороны военных французских летчиков на немецкой территории. Многие из них явно нарушили нейтралитет Бельгии, пролетая над территорией этой страны; один из них пытался разрушить сооружения около Весселя, другие были замечены в районе Эйфель, при чем один сбросил бомбы на железнодорожное полотно около Карлсруэ и Нюренберга».

Ни одно из этих заявлений не соответствовало истине, и барон фон-Шен имел достаточно основания, чтобы оставить их на ответственности немецких гражданских и военных властей. Он принял на себя также труд устранить некоторые из наиболее не-

---

[1]) Барон фон-Шен, осведомившись о содержании этой моей лекции, поместил в газете „Tageblatt» от 1 марта открытое письмо, адресованное мне, в котором он лойяльно признает, что у него не было оснований для жалоб на вооруженную агрессию со стороны Франции, причем он прибавляет, что не искал возможности создать инцидент во время появления своего в городе. Я готов верить в искренность его заявления, но 1 и 2 августа он именно такое впечатление оставил у французского правительства. Однако то, что нужно установить—установлено; мотивы, выдвинутые Германией, чтобы об'явить нам войну, были искусственными.

удачных аргументов, которые были указаны ему Берлином.

Об'явление войны, текст которого был послан ему канцлером [1]), содержал в действительности следующее:

«Французские отряды уже перешли германскую границу в Монтре-Вье и по горным дорогам через Вогезы; они еще находятся на германской территории. Один французский летчик, который должен был пролететь над бельгийской территорией, принужден был снизиться при попытке разрушить железнодорожное полотно в Весселе».

Барон фон-Шен не мог не считать слишком компрометирующими утверждения черезчур определенные. Говорить о снизившемся летчике было равносильно утверждению о видении фантома; утверждать, что на германской территории имеются французские солдаты, это заранее значило получить следующий ответ от Вивиани:

«Вы хорошо знаете, что ничего не может быть более ложного и что, начиная с 30 июля, когда Германия посылала свои раз'езды на несколько метров вглубь нашей территории, мы, французы, из соображений величайшей осторожности, отозвали наши войска на десять километров от нашей границы и что мы запретили им подходить ближе этого расстояния».

Барон фон-Шен, который был осведомлен об этом распоряжении, благоразумно решил оставить в своей

---

[1]) Die deutchen Documente zum Kriegs-Ausbruch, Vollstendige Sammlung, von Karl Kautsky, 4 vol in 8° (Charlottenburg, 1919) (№ 734).

См. то же самое — Comment s'est declauchée la guerre mondiale, par K. Kautsky, французский перевод Виктора Диве (A. Costes, édit. 1921 p. 181).

ноте, текст которой ему был послан канцлером, только басню об аэропланах. Эта последняя не менее легко была опровергнута. Вивиани, конечно, протестовал против очевидно ложных утверждений, но как он мог доказать барону фон-Шену, что ни один из французских летчиков не коснулся запрещенного неба?

Германия сама впоследствии опровергла это утверждение. Она не обнаружила в Весселе ни аппарата, ни французского летчика и в апреле 1916 года бургомистр Нюренберга удостоверил в письме, опубликованном профессором Швальбе, что никогда никакой бомбы не было сброшено на железнодорожное полотно.

Кроме того, в тот самый час, когда посол вручал об'явление войны председателю совета министров, канцлер германской империи и Вильгельмштрассе получили от прусского посланника из Мюнхена следующее сообщение, датированное 2 августа: «Замеченные (в Нюренберге) неизвестные аэропланы явно не могут считаться военными аэропланами. Факт сбрасывания бомб не установлен так же, как еще менее установлено, что авиаторы были французы».

Судя по К. Каутскому, в некоторых немецких городах имели место столь странные коллективные галлюцинации, что начальник полиции в Штутгарте, например, вынужден был обратиться к населению со следующим многозначительным заявлением: «За дирижабли принимаются тучи; за аэропланы—звезды, звуки от лопнувшей шины велосипедов за взрывы бомб».

Но чтобы императорское правительство, должным образом информированное об этих проявлениях паники, выдавало во Франции и во всем мире за

действительно существующие сказочные чудовища, созданные больным воображением, и чтобы оно пустило в ход рассказ об этих призраках, чтобы попытаться обосновать об'явление войны, разве это не является безумным вызовом, который цивилизованное государство бросило здравому смыслу и истине?

Вивиани напомнил также барону фон-Шен, что, накануне, он вынужден был сам вручить ему ноту с протестом против нарушений границы немецкими отрядами. Действительно, утром 2 августа мы были осведомлены из нескольких мест о появлении немецких раз'ездов. Около Лонгви и Сирей-сюр-Везуз немецкие раз'езды продвинулись в зону, покинутую нашей армией. В окрестностях Бельфора два отряда каваллерии проникли до деревень Борон и Жоншерей.

Барон фон-Шен, предупрежденный председателем совета министров, телеграфировал 2 августа в 23 ч. 15 м. [1]): «Французское правительство вручило мне протест против весьма серьезных нарушений границы нашими отрядами около Деннь, в районе десятикилометровой французской зоны, а также против поисков разведчиков, вызвавших убийство одного французского солдата. Вследствие этого последнего сообщения и других здесь царит всеобщее возбуждение. Подписано: Шен».

Императорское правительство не могло не знать 3 августа, во время посылки текста об'явления войны об этих фактах, установленных самым категорическим образом [2]). Но что ему было за дело до них? Оно спешило и его генеральный штаб повелительно требовал немедленного нападения. Точно таким же

---

[1]) Телеграмма, расшифрованная во Франции во время войны.
[2]) См. Le Mensonge du 3 août 1914, par René Pinon (librairie Payot d Cie).

образом, в ночь с первого на второе августа, немецкие отряды заняли территорию Люксембурга и, чтобы оправдать нарушение нейтралитета великого герцогства, фон Ягов заявил Эйшену, главе люксембургского правительства, что французские военные отряды находятся в пути к долине де л'Алзетт. «Нет, ответил Эйшен, на территории Люксембурга сет ни одного французского солдата и ничто не заутавляет нас думать, что Франция предполагает нгрожать нашему нейтралитету».

VIII немецкий корпус не только занял страну, игнорируя все человеческие законы и трактат 1867 года, но направился к границе Франции раньше, чем Германия об'явила нам войну.

В то же самое время императорский генеральный штаб осуществлял через Бельгию свое обширное обходное движение.

В воскресенье 2 августа, в 7 часов вечера, фон Белов, германский посланник в Брюсселе, вручил Давинвону, министру иностранных дел, ультиматум, содержание которого у всех еще на памяти, и который начинался таким ложным утверждением: «Германское правительство получило достоверные сведения, согласно которым французские военные силы намереваются пройти на Маас через Живэ и Намюр».

Лыбопытно отметить, что из документов, опубликованных в Германии Каутским [1]), можно видеть, как этот ультиматум подготовлялся еще 26 июля, в тот момент, когда Вивиани и я находились в открытом море; он был подписан в этот день собственноручно фон-Мольтке, начальником генерального штаба; он был несколько исправлен имперским канцлером, совместно с Штуанном и Циммерманом, и

---

[1]) №№ 375 и 376. Cpf. édition française, p. 192 и т. д.

отправлен затем в запечатанном конверте фон-Яговым германскому посланнику в Бельгии с приказанием не распечатывать конверта до телеграфного распоряжения. Этот приказ был послан только 2 августа фон-Белову [1])

Но уже 26 июля ложное обвинение против Франции было подготовлено в тиши и это именно 26 июля—за долго до всяких мобилизаций и об'явления войны — императорское правительство тайно составило следующий цинический текст.

«Германия не имеет намерения совершить против Бельгии какого либо враждебного акта. Если Бельгия согласится в грядущей войне занять положение нейтралитета, благожелательного для Германии, германское правительство, с своей стороны, не только обязуется после заключения мира гарантировать королевству его владения на всем их протяжении, но даже готово поддержать самым благожелательным образом все требования королевства относительно территориальных компенсаций за счет Франции».

Когда 2 августа Вильгельмштрассе дало фон-Белову приказ выполнить пред'явление ультиматума, оно потребовало от него исключить из его текста это место. Вызывалось ли это опасением создать возмущение со стороны бельгийцев столь гнусным предложением? Диктовалось ли это желанием сохранить для одной Германии право на все территориальные компенсации? Это, конечно, никогда не станет известным. Во всяком случае императорское правительство отдавало себе ясный отчет в той страшной ответственности, которую оно принимало на себя,

---

[1]) Die deustchen Documente и т. д. № 648.

подготовляя этот ультиматум еще 26 июля, так как оно послало своему представителю следующее спешное указание: «Бельгийское правительство должно оставаться в полной уверенности, что все эти инструкции получены вами только сегодня».

Но то, что не было верно 26 июля, не стало более правильным 2 августа, и бельгийское правительство знало лучше, чем кто либо, что наши войска не двигались на Живэ или Намюр.

Еще 31 июля в дружеском разговоре с Давиньоном наш посланник Клобутский категорически заверил его, что Франция не нарушит нейтралитета Бельгии. Даже не будучи осведомлено о действительной дате ультиматума, который был ему адресован, правительство короля Альберта I было в состоянии правильно оценить версию германского правительства.

Под председательством августейшего государя, который являлся в эти годы славным олицетворением мужества и лойяльности, бельгийские министры имели длительное заседание в ночь со 2 на 3 августа, которое подготовило ответ на грубый вызов германской империи. Трагическая ночь, в течение которой под руководством своего короля маленький народ дал всему миру бессмертный урок морального величия. Не поколебленная угрозами, Бельгия просто напоминала Германии трактаты 1839 года, подтвержденные трактатами 1870 года, которые освящали принцип: «ее независимости и нейтралитета, гарантированных державами и в особенности его величеством королем прусским» и прибавляла: «Бельгийское правительство, в случае принятия предложений, полученных им, пожертвовало бы честью нации и в то же самое время изменило бы своему долгу Европе».

Этот ответ несравненной красоты и величия был вручен германскому посланнику 3 августа в 7 часов утра. Через двадцать три часа, 4 августа в 6 часов, фон-Белов вручил Давиньону ноту, в которой императорское правительство заявляло о том, что оно вынуждено выполнить, хотя бы и силой оружия, меры, которые признаются «настоятельными» в целях обеспечения безопасности.

И в это время в некоторых местах, как например, в Геммерихе, германские отряды уже проникли на бельгийскую территорию.

Таким образом, летом 1914 года, центральные империи с грохотом открыли перед лицом потрясенной Европы двери бога Януса и чтобы попытаться найти оправдание этому преступному шагу, они забавлялись детскими рассказами, преподносимыми мировому общественному мнению.

Ранее всяких исторических изысканий, раньше изучения архивов, наиболее беспристрастные и наиболее добросовестные люди должны были, конечно, предаться простейшим размышлениям. Зачем эти выдумки, шитые белыми нитками, к чему эти измышления о бомбардировках, к чему этот ультиматум, сочиненный за семь или восемь дней перед вручением, к чему эти ложные заявления о предполагаемых намерениях Франции, если бы Германия имела серьезные основания для об'явления войны? Кто мешал ей сказать правду? Какая необходимость была ей прибегать к преувеличениям и ко лжи, если бы, как она заявляла позже, война была ей навязана и если она отстаивала свои права?

Едва раздались первые выстрелы, как началась гениальная пропаганда, которая зашла так далеко за время войны.

Германии не составило никакого труда распространить легенды, которые ей были выгодны. Нашелся только один немец, который кричал о том, о чем другие предпочитали молчать.

Это был Максимилиан Гарден, который с самого начала войны заявлял: «Война—это то, что мы желали. Зачем это скрывать? Мы ее хотели для того, чтобы навсегда обеспечить безопасность Германии и ее гегемонию над всеми другими державами».

Но не смотря на весь свой талант, Максимилиан Гарден остался одиноким.

Мы это констатируем еще сегодня, когда он сам, во время выполнения мирного договора, познал действительное содержание наших обвинений.

Оставляя в стороне его так же, как и других людей, в роде Каутского, Мюеллона или Рихарда Греллинга, автора «J'accuse», почти вся Германия клялась, что она не виновна.

Она клялась и достигла того, что ей почти поверили.

Вы конечно читали высоко интересный рассказ одного из наших профессоров Альберта Малори [1]), о собеседовании, которое велось между его коллегами и немецкими профессорами.

Тщетно наши соотечественники пытались открывать упрямо закрытые глаза своих собеседников. Германия не знала, где искать виновников, но она знала, что они находятся не у нее.

Одно время им казалось, что виновницей войны является Англия, о чем говорил сам Вильгельм II, когда, 29 июля, он послал депешу своему послу в Лондоне, князю Лихновскому: «Англия обна-

---

[1]) Revue des Deux Mondes—1 ноября 1920.

руживает себя как раз в тот момент, когда она думает, что мы накануне ликвидации. Вульгарная сволочь лавочников пыталась обмануть нас на обедах и в речах». И дальше, после нового взрыва негодования со стороны императора, следует следующее категорическое заключение: «Англия единственная страна, которая является ответственной за мир и за войну, но не мы! Нужно заявить об этом публично».

И на завтра, 30 июля, Вильгельм, получив донесение от своего посла в Петербурге, графа Пурталеса, разражается новыми обвинениями по адресу той самой Англии, нейтралитет которой он до конца исчерпал:

«На нашу голову наброшена сеть, и Англия, насмешливо улыбаясь, пожинает успехи своей мировой политики, которая является абсолютно антигерманской. Этот великолепный результат заслуживает восхищения даже того, кто умер! Эдуард VII еще после своей смерти оказывается более сильным, чем я, остающийся жить. И находятся еще люди, которые еще думают повлиять на Англию теми или другими мерами! И мы еще укрепляли ту западню, в которую мы попали, путем отказа от нашего морского строительства, в надежде склонить ее на свою сторону! Все мои предупреждения, все мои просьбы не имели успеха... Вследствие нашей верности союзу с престарелым и уважаемым императором (Франц-Иосиф), создалось для нас положение, которое позволяет Англии мечтать раздавить нас, сохраняя лицемерную преданность принципам права и представить свою поддержку Франции, в целях сохранить пресловутое balance of power; и с другой стороны все государства Европы идут вместе с Англией и против нас. В настоящее время

необходимо без всякого промедления сорвать маску со всех этих маневров. И наши консулы в Турции и в Индии должны зажечь пламя ненависти против этой нации лавочников, обманщиков, бесстыдных лжецов. Потому что, если нам суждено погибнуть, нужно, чтобы Англия потеряла по меньшей мере индийские владения»!

Эта буря в стакане воды указывает, несомненно, на некоторое отсутствие самообладания; по меньшей мере она обнаруживает скрытые в глубине души императора настроения, те самые, которые Вильгельм высказывал в 1904 году, в своей переписке с Николаем II, когда он пытался организовать против Англии, на основе Франкфуртского договора, лигу, состоящую из Германии, Франции и России. За время войны германское правительство много раз присоединялось к мнению своего разгневанного императора, об'являя британский империализм ответственным за войну.

С другой стороны Германия об'явила виновником войны Россию.

Когда в Версале представители Германии намечали туманные ответы на вопросы союзников, все их усилия были направлены на то, чтобы показать, что, если бы Россия не об'явила утром 31 июля мобилизацию, в то же самое время, как и Австрия, то мир мог бы быть сохранен.

Австрия, конечно, не прекратила бы враждебного отношения к Сербии, и Сербия была бы раздавлена.

Но Германия утверждала, по крайней мере, что другие державы могли бы присутствовать при этом с скрещенными на груди руками.

В своем заявлении рейхстагу имперский канцлер сообщил, 3 августа, что он обвиняет Россию в слиш-

ком поспешной мобилизации; он обвинял ее так же, как и Францию, что они начали войну против Германии нарушением ее границ и, однако, накануне, он вручил императору рапорт генерального штаба, устанавливающий, что только утром 2 августа и только после об'явления войны Германией, два экскадрона казаков пытались разрушить железнодорожное полотно около Иоганенсбурга [1]). После этого нужно быть слишком смелым, чтобы утверждать, что России принадлежала инициатива в враждебных действиях; но Германия не переставала утверждать, что она не могла достичь серьезных результатов на пути к достижению мира, благодаря поспешной мобилизации.

Мы увидим, напротив, что ничто не вынуждало Германию, даже после этой мобилизации, к непоправимым поступкам.

Русский император лично дал Вильгельму II, телеграммой, датированной 31 июля из Петергофа, честное слово, что его войска не вызовут какого либо провоцирующего действия, и 1 августа в 7 часов вечера Николай II еще раз телеграфировал императору Германии:

«Я признаю, что ты вынужден произвести мобилизацию. Но я хотел бы получить от тебя ту-же гарантию, которую дал я, чтобы знать, что эта мера не означает войны и что мы достигнем путем переговоров для блага наших обеих стран общего мира, столь дорогого для нашего сердца».

Прежде чем император Вильгельм II получил эту телеграмму, которая отмечена датой 31 июля, он приказал графу Пурталес вручить русскому правительству текст об'явления войны со стороны Германии.

---

1) Die deutschen Documente и т. д. № 629.

Франция так же, как и Англия и Россия, не избегла вероломной аттаки со стороны Германии, и в течение войны и даже после заключения перемирия, она пыталась и внутри своей страны и за границей неправильно представить наши национальные стремления и приписать нашей традиционной политике скрытые намерения, которых мы никогда не имели.

Если, например, перелистать номера Gazette des Ardennes, посредством которой Германия пыталась отравить непоколебимую преданность нам занятых провинций, или если спросить в несчастных опустошенных округах, жители которых находились там в течение четырех лет под германским игом, то можно найти в этом презренном и изменническом журнале и в словах офицеров враждебной армии один лейтмотив: «Не Германия, а французское правительство желало войны».

Ни одного дня никто из населения этих провинций не верил этим настойчивым и ложным уверениям, но тем не менее на эту почву постоянно, каждую минуту, падали отравленные капли клеветы. Воинствующая Франция, Франция националистическая, Франция империалистическая, государственные люди которой, честолюбивые и безрассудные, поддерживались, вместо того, чтобы быть свергнутыми, тайные стремления к реваншу и укрепление их благодаря союзу с Россией и заключению entente cordiale с Англией—все это указывало на стремление уничтожить Германию и идти походом на Рейн. Такова в двух словах развиваемая ими тема, с величайшим искусством преподносимая публике, вместе с германофильской пропагандой, которая ее иллюстрировала, чтобы сделать ее еще более убедительной, тщательно подготовленными клеветническими нападками против отдельных руководящих лиц Франции.

Если президент республики имел свое место в этой галлерее людей, которых Германия рассматривала, как своих естественных врагов,—это было неизбежным последствием того положения, которое он занимал, и воспоминания о некоторых несправедливостях в отношении ко мне не мешают мне быть беспристрастным.

Если я утверждаю, что за Францией и ее правительством нет ничего, в чем их можно было бы упрекнуть, то это не потому, что я хочу защищаться против иностранных обвинителей по адресу одного из президентов или министров, который, начиная с 1871 года, направлял политику нашей страны; это не потому также, что я нахожусь под влиянием мысли—очень законной, однако,—оставить за Францией в истории незапятнанную репутацию. Нет, все это я делаю потому, что, после того как я изучил факты и познакомился с опубликованными воспоминаниями, я не нашел в нашей минувшей политике ни тени воинственных желаний, ни даже ни малейшего безрассудства, которые могли бы оправдать об явление войны Германией.

Между Германией и Францией в течение сорока пяти лет несомненно было острое несогласие. Первая не хотела понять, что вторая не желала быть «блестящим попутчиком» ее политики.

Австрия забыла Садовую. Почему же побежденная Франция, израненная, лишенная двух провинций, не признала гегемонии победителя? То, что она была страной мирной, спокойной и разумной, этого не было достаточно; Германии нужно было нечто другое, чем простая лойяльность, корректность и предупредительность; она стремилась вырвать у Франции полное признание франкфуртского трактата и в послед-

ствии подчинить нас, покоренных и пассивных своим собственным судьбам.

Князь Бюлов, наилучший психолог и более тонкий наблюдатель, чем большая часть его соотечественников, написал перед войной статью, озаглавленную «La France irreconciliable» [1]), в которой, отдавая должное французскому идеализму, он высказывал желание видеть излечение Франции от ее ошибок, и он, видимо, ожидал найти в глубине наших душ признание непререкаемого права верховенства Германии.

И потому, что мы не хотели сказать Германии: «Вы имеете право насиловать совесть Эльзаса и Лотарингии», он заключил, что мы еще мечтаем «о славных приключениях», что «сопротивление Германии является сущностью французской политики» и что «желание реванша есть доминирующее настроение французской нации».

С 1870 года до 1914 обнаруживается то же самое отсутствие понимания. Они сделали все, чтобы раздражить французское общественное мнение, и после этого они удивлены, почему мы не благодарим их за эту провокацию.

До 1873 года князь Бисмарк не переставал угрожать нам; в 1875 году он пытался зажечь пожар войны, от чего был удержан только усилиями Англии и России. Затем, в течение десяти лет, он старался хитростью и ласками ввести нас в русло своей политики и принудить нас признать отторжение наших территорий.

---

[1]) Князь Бюлов—La politique allemande, перевод Мориса Герберт (Henri-Charle Lavauzelle).

В надежде поссорить нас с Италией, он заявил графу Сен-Валье в январе 1879 года [1]).

«Я полагаю, что туниссский плод созрел и что наступило время его снимать» и несколькими месяцами позже он повторил: «Я хочу, чтобы между нами не было поводов для разногласия» [2]).

В 1884 году он пошел еще дальше и предложил нашему новому послу заключение франко-немецкого союза, с целью достичь уничтожения морского могущества Англии [3]).

И барон де-Курсель, который ясно понимал игру канцлера, писал Жюлю Ферри [4]).

«По существу он желает сыграть скверную игру с Англией, но только нашими руками, не разоблачая себя». И наш посланник прибавлял. «Есть еще несколько слов из разговора (с Бисмарком), к которым я позволяю себе возвратиться: «Я хочу достичь того—говорил он—чтобы вы простили Седан, как простили Ватерлоо».

«Если мы послушаемся этого,—продолжает барон де-Курсель—может быть, наши наследники скажут своим предшественникам: «Я желал бы, чтобы вы простили мне новые потери и новые неудачи, как ваши отцы простили Седан!» Это убеждает, насколько неправильно поступили те, которые узаконили положение, созданное для Франции трактатами 1815 года, и потушили в сердцах отзвук плачевных неудач этой эпохи».

Я хотел бы стереть эти прекрасные слова об отзвуках сердца. Потому что не отзвуки сердца, а

---

1) Депеша графа Сен-Валье Ваддингтону, министру иностранных дел, 5 января 1879 года.

2) Письмо от того же лица тому же, 27 июня 1879 г.

3) Депеша барона де-Курсель Жюлю Ферри, 23 сентября 1884 г.

4) Депеша от 3 декабря 1884 г.

национальное достоинство, уважение к справедливости и верность перед населением, грубо отделенным от родины-матери,—вот почему Франция не могла положительно ответить на призывы князя Бисмарка.

Она могла бы забыть Седан, она могла бы забыть военные неудачи, но она не могла забыть своего долга перед угнетенными нациями.

Барон де-Курсель также энергично предупреждал, в письме от 20 января 1885 года Жюлю Ферри, об опасности новой капитуляции, которую у нас вымогали, и мне нет нужды говорить, что его предупреждения согласовались совершенно с мнениями великого министра, к которому он обращался.

«Усыпить наши воспоминания—писал он—отвратить наши взоры от прошлого к неизвестному будущему, чтобы приспособиться к суровым условиям настоящего, и привлечь нас таким образом почти бессознательно к окончательному признанию faits accomplit 1815 и 1871 года, с тем, чтобы Франция, принимая последующие расчленения и признавая свое участие в создании военной и политической гегемонии Пруссии, вошла бы отныне в орбиту германского влияния,—такова программа, которую князь Бисмарк предложил нашему вниманию. Отречься от рейнского вопроса—вот что он мне часто повторял; я помогу вам осуществить все другие задачи, которые вы пожелаете—прибавлял он».

Несколько месяцев спустя, когда князь Бисмарк заметил, что несмотря на мягкую политику, которая практиковалась по отношению к Эльзас-Лотарингии Мантейфелем, ее население продолжало открыто сожалеть о раз'единении с Францией, он воспользовался смертью Мантейфеля. чтобы заместить его князем Гогенлоэ, послом в Париже, которому он дал приказ применять без всякого сожаления старые методы принудительной германизации.

30 сентября 1885 года князь Гогенлоэ посетил перед своим от'ездом Фрейсине, председателя совета министров и министра иностранных дел.

«Я направляюсь в Страсбург не без некоторой тревоги—сказал он. Из Берлина мне предписывают энергичные мероприятия, потому что там думают, что население Эльзас-Лотарингии становится все более враждебным. Опасаются, что возможно подстрекательство с этой стороны границы, где еще живет мысль о реванше».

И князь прочел Фрейсине следующий отрывок из письма Бисмарка:

«Я продолжаю делать все, что могу, чтобы установить добрые отношения с Францией; но я боюсь не достичь успеха».

Фрейсине энергично протестовал; он заявил князю Гогенлоэ, что Франция твердо намерена поддерживать мир и что она совершенно готова войти в соглашение с Германией по многочисленным вопросам, в которых их интересы не являются противоречивыми. И окончательно намечая такую линию политического поведения 17 октября 1885 года и 10 мая 1886 года в письме, адресованном барону де-Курсель, он повторяет: «Обе страны могут согласованно работать по вопросам, которые касаются интересов всеобщего мира в Европе».

«Франция никому не угрожает. Она искренна в своих протестах. Она настаивает только на одной вещи: пусть уважают ее права и пусть считаются с ее понятной гордостью».

Но снова этих заверений оказалось недостаточно для Бисмарка; он искал нашей любви и через эту любовь нашего полного порабощения; и так как мы колебались, он подталкивал нас.

Его сын граф Гербетт, министр иностранных дел, жаловался барону де Курсель на влияние Деруледа, и с 26 марта 1886 года наш посол доносил «об решительной аттаке против нас—с согласия, или, лучше сказать, по настоянию канцлера,—по различным вопросам, в целях добиться положительного решения».

Флуранс заместил в это время Фрейсине на Орсейской набережной; Гербетт заместил барона де-Курсель в берлинском посольстве, и 1 января 1887 года новый посол писал министру:

«Очень похоже на то, что Германия делает приготовления к войне и что она подготовляет общественное мнение ко всяким возможностям... Здесь желают быть готовыми к борьбе с Россией и с нами, если мы уклонимся от соглашения с Германией».

Это происходило, следует отметить, за несколько лет до того, как Франция заключила союз с Россией. И уже Бисмарк, не видя с нашей стороны ни любви, ни послушания, думал уже об тех превентивных войнах, в которых Бернгарди видел железную необходимость; и его мрачная теория привела, наконец, Германию к преступлению 1914 года.

Тщетно Флуранс посылал в Берлин миролюбивые заявления,—Гербетт опасался, что малейшая ошибка с нашей стороны будет использована Бисмарком, чтобы «раздавить нас в целях предосторожности».

В это время Бисмарку пришлось справляться и с внутренним кризисом, который принял очень тяжелые формы. 14 января 1887 года рейхстаг отверг проект об установлении семилетнего срока военной службы; был об'явлен роспуск палаты и назначены новые выборы. Это не было благоприятно для того, чтобы предложить нам тур вальса. Снова протестующие депутаты были избраны от Эльзаса и несмотря на то,

что новое большинство рейхстага вотировало 11 марта военный закон, Бисмарк остался все таки в дурном расположении духа. Как раз в это время, 20 апреля случилось дело Шнебеле. Наш комиссар полиции из Паньи-сюр-Мозель, вовлеченный в ловушку своим сотоварищем из Арс-сюр-Мозель, был схвачен императорской полицией и предстал перед верховным судом в Лейпциге по обвинению в шпионаже. Это случилось через двенадцать лет после возобновления угроз 1875 года. Вы вспоминаете, каким образом мудрость французского правительства, подкрепленная умом и опытом председателя совета министров Греви, разрешила несмотря ни на что этот щекотливый вопрос. Но Германия позаботилась сама о том, чтобы напомнить нам, каким образом, предложив нам меду, она всегда оставляет за собой возможность дать нам уксусу [1]).

Вильгельм I умер 9 марта 1888 года, и во время эфемерного царствования Фридриха III, императора, которого весь мир восхвалял за либеральное направление, была установлена паспортная система для Эльзас-Лотарингии.

15 июня взошел на трон Вильгельм II; меньше, чем через два года, он принял отставку Бисмарка; он стал единственным руководителем германской политики и никому не должен был отдавать отчета, как он сам любил повторять, кроме старого бога своей страны. Практиковал ли он по отношению к Франции новый метод? Нисколько; наоборот, он

---

[1]) См. Pierre Albin, „L'Allemagne et la France en Europe, chap. II (librairie F. Alcan).—Victor Bérard, «L'Eternelle Allemangne» (Collin et C-ie, 1916)—E. Boutroux, «Allemagne et la guerre» (Berger-Leorauelt, 1915)—A. Chéradame, «Le plan germaniste démasqué (Plon, 1916)—E. Durckheim, «L'Allemagne au dessus de tout» (Colin, 1915) и т. д.

поспешил надеть сапоги со шпорами своего отставленного слуги. Весною 1891 года он желал привлечь французских артистов на международную выставку, которую он организовал в Берлине. Он послал свою мать, императрицу Фредерику, в Париж, чтобы привлечь их; она отправилась в Версаль, посетила там галлерею Зеркал, где была провозглашена империя, и, так как этот неловкий жест вызвал манифестацию на улицах, быстро повторенную в других местах, император разгневался на этих сорванцов французов, которые оскорбляют женщину.

Впоследствии он одумался и 15 июня 1894 года он предложил Гербетту через барона Маршаля общий план действий Германии и Франции, чтобы противопоставить их враждебным попыткам Англии в том, что Германия называла законным status quo в Африке.

1 января 1896 года барон Маршаль запросил нашего посла, расположена ли Франция, по соглашению с Германией, ограничить «неумеренный аппетит Англии». «Мне представляется необходимым, — прибавил он, — конкретно показать Англии, что она не должна больше рассчитывать на франко-германский антагонизм, которым она пользуется, чтобы извлечь для себя выгоду».

Несмотря на свой импульсивный и изменчивый характер, Вильгельм II все же упрямо проводил в жизнь свою мысль; он также хотел, чтобы Франция его любила и чтобы эта ее любовь была направлена против Англии. В своем донесении от февраля 1899 года, наш морской атташе, лейтенант Бухард, указывает, что император выразил ему свое пожелание видеть французское военное судно бок-о-бок с германским, и тут же император прибавил: «Нужно, чтобы континент об'единился в одно целое, чтобы защищаться, особенно против будущей опасности, которая

идет со стороны Америки. Его величество закончил указанием, что в случае войны с Англией, мы должны концентрировать наибольшее количество судов в Средиземном море».

Маркиз де-Ноайль, в свою очередь, доносил 4 июня 1899 года о другом разговоре, который велся императором Вильгельмом с тем же самым морским атташе. «Несомненно пробил час, — повторил Вильгельм II, — когда континент должен защищаться против Англии и Америки, и я думаю, что Германия и Франция помогут друг другу».

В августе 1899 года, находясь в тех водах около Бергена, где он так часто бывал и на которые ссылался в доказательство своего alibi в июле 1914 года, он посетил наше учебное судно «Ифигения» и, как потом сообщал наш посланник в Копенгагене, он вообразил, что этот мимолетный визит поставит наше учебное судно и Францию в ряды германского флота. «Наконец-то, я достиг своих целей», — писал он несколько дней спустя великому герцогу Ольденбургскому.

В октябре 1899 года началась трансваальская война, и тотчас же князь Бюлов повидал нашего посла, чтобы сказать ему, что во всей Африке наши интересы совпадают; и за все время, пока длились военные действия, германская политика придерживалась, следуя выражению маркиза де-Ноайль, дрессировки высшей школы. Вильгельм II предлагал сахар Англии, а князь Бюлов размахивал хлыстом.

Тем же самым путем Германия продолжала желать обуздать «непокорную лошадь без стальных удил и без золоченых поводов», которую она расчитывала заставить становиться на дыбы и ржать по ту сторону Рейна.

В 1903 году было передано нашему новому послу, Бигуру, через русского посла, графа Остен-Сакена, что Германия готова к сближению с Францией при обязательном условии, чтобы договоры не подлежали пересмотру [1]).

И впоследствии император повторяет те же самые предложения, он повторяет их нашим послам, нашим военным и морским атташе, французским политическим деятелям, которых он принимал с большой предупредительностью на своей яхте.

«Но что же вам нужно? Я вам протягиваю руку. Почему вы не пожмете ее более дружественно?» [2])

И затем, несмотря на то, что мы отказывались вступить в дружеские отношения для совместной борьбы с кем-либо: будь то наши друзья в Эльзасе, будь то Англия, Германия настаивала на этом и думала, или показывала, что думает, будто мы имеем заднюю мысль и мечтаем о реванше.

О нем мы совершенно не мечтали. Мы знали слишком хорошо, чего стоила бы война Франции и человечеству. Что говорю я? Даже в тот день, когда вследствие агрессивного выступления Германии к нам возвратились Эльзас и Лотарингия, радость, охватившая нас, не дала нам возможности ни на минуту терять из вида ответственность за это и от имени победоносной Франции мы громко сказали нашим соотечественникам, вновь вернувшимся к нам, что мы никогда не взяли-бы на себя инициативы в войне, чтобы принести им избавление.

Я не знаю ни одного французского министра, ни одного президента республики, которые когда-нибудь

---

[1]) Бигур — Делькассе, 16/VII 1903 года.

[2]) См. «Les origines de la guèrre mondiale», par Albert Bazergue (Plon-Nourrit).

произнесли хотя бы одно слово о реванше; я не знаю никого, кто бы явно или тайно лелеял мысль о вооруженном конфликте.

Все наши правительства, одно за другим, консерваторы, умеренные республиканцы, радикалы — все искали возможности создать с Германией отношения не просто корректные или только вежливые, но, по возможности, дружественные: они старались войти с ней в сношения по вопросам экономическим и колониальным; они искали сближения с ней путем организации выставок, конгрессов, интернациональных ассоциаций; они устраивали дружественные приемы, часто заслуживающие удивления, ее ученым, писателям, артистам; они увеличивали по отношению к ней знаки уважения и благожелательности.

Я дам характерные примеры этого за месяцы, которые предшествовали войне.

Единственный вопрос, по которому они не могли придти к соглашению, начиная с 1871 года, был вопрос о двух французских провинциях, изменить которым они не могли.

Франция слишком горда и слишком лойяльна, чтобы она имела возможность заключить политическое соглашение с Германией.

Германия могла бы понять благородную мысль Франции, признать законность нашего поведения и относиться к нам просто, как добрая соседка, вместо того, чтобы подвергать нас переменчивому режиму от ласкового обхождения до ударов кинжалом. Но ее толкала судьба, которая определила создание ее единства и рождение империи. Если верить князю Бюлову, одной из наиболее выдающихся заслуг Бисмарка было то, что он умел понять, что для успешного окончания дела герман-

ского об'единения необходимо поставить этот громадный труд в зависимость от склонностей, которые весьма слабо развиты у немцев, т. е. от склонностей к политической работе, и от склонностей, являющихся врожденными для них, — склонности к войне. И «благодаря счастливому случаю, — говорил когда Бюлов, — что Бисмарк нашел около себя такого стратега, как Мольтке, и такого военного организатора, каким был Роон», чудо 1871 года совершилось. «Бисмарк чувствовал, — замечает его преемник, — что в Германии национальная идея может вдохновиться не сближением между народом и правительством, а столкновением германской гордости с сопротивлением иностранных наций».

Когда столь ясно отдают себе отчет в необходимости вызвать эти столкновения, не стоит большого труда, как вы легко можете понять, фальсифицировать депешу из Эмса или подчинить себе области, вопреки протестам населения.

Но когда само рождение империи странно походит на преступление против двух принципов человеческого общежития и носит на себе печать лжи и кражи со взломом, власть нового государства делается пленницей насилия, которое ее создало, и не может держаться иначе, как оставаясь верной своему первородному греху.

Чтобы воспламенять время от времени национальные германские страсти было необходимо, по выражению князя Бюлова, поддерживать развитие германской гордости и подогревать с ее помощью сопротивление иностранцев.

И каждый раз, когда было нужно провести новый военный закон или закон об увеличении флота, они искали ссоры с Францией или с Англией; и всякий раз как чувствовалось, что национальная

гордость ослабевает, они принимали меры, которые вызывали возбуждение в датском Шлезвиге, в Познани, среди французов Эльзас-Лотарингии.

Успех превзошел все ожидания Бисмарка и его наследников. С этих пор национальная гордость, далекая от того, чтобы уменьшаться, возрастала в неожиданной пропорции. Прочтите великолепные произведения, столь обоснованные и документированные, как Мориса Лэра [1]), Шарля Андлера [2]) и Мориса Мюре [3]), по вопросу о германском империализме; вы увидите рост этой мегаломании.

Это род опьянения или безумства, которыми была одержима Германия. Она считала себя превыше всего человечества и предуготовленной самой судьбой к гегемонии. Ее военные, ее ученые, ее профессора заботливо поддерживали в ней это чрезмерное тщеславие. Разве это был не немец, по фамилии Ницше, который писал: «Немцы—опасный народ; они ждут забвенья».

Послушайте Генриха фон-Трейчке и еще более современных нам Шимана, Ганса Дельбрюка, которые все считали, что германский народ является—как это говорил кайзер в 1905 году—«солью земли» Если они так восхищались Вильгельмом II, это потому, что он всегда верил в возвышенную чистоту немецкой расы, призванной к выполнению божественной миссии. Эти историки трепетали от сокровенной радости, когда слышали императора, говорящего об этой вселенской империи, которую вдохно-

---

[1]) L'impérialisme allemand (Armand Colin, 1902).

[2]) См. дальше.

[3]) L'Orgeuil allemand. L'evolution belliquese de Guillaume II (librairie Payot et C-ie). См. также Les causes profondes de la guerre, par Emile Houelacque (P. Alcan)—Histoire de la grande guerre par Victor Giraud (Hauchette et C-ie).

влял германский дух. Не важны средства, лишь бы только избранный народ достиг своей цели.

Ad augusta per angusta. Благодеяния, которых Карл Лампрехт доверчиво ожидал от германизации, заставляли забывать цену, за которую они приобретались. Точно так же, как, по Бернгарди и Гинденбургам, война должна быть жестокой, чтобы быть более короткой и человечной, точно также государство, которое претендует на широкое влияние и предназначено для того, чтобы принести счастье миру, должно быть обеспечено мероприятиями, наиболее неожиданными и быстрыми.

Ведь Ганс Дельбрюк не поколебался написать в «Preussiche Jahrbücher» цинический возглас: «Пусть благословенна будет та рука, которая фальсифицировала депешу из Эмса!»

Все трудились над тем, чтобы упрочить в Германии это настроение: университеты, школы, армия, пресса, пангерманистские лиги, морские лиги, военные лиги; и если император персонифицировал свой народ, он должен был персонифицировать и германское высокомерие. Разве он не был первым доверенным того бога, сильного и ревнивого, которым являлся германский бог?

И по мере того, как проходили годы, великий первосвященник сам проникался свойством его божества. От него непрестанно исходили величественные слова:

«Те, кто не согласен со мною, должны быть уничтожены» — заявил он перед бранденбургским законодательным собранием. И когда он хотел проявить свою благосклонность к одному из министров, фон Госселеру, он не нашел ничего лучшего как написать на подаренной ему фотографии

следующеее величественное посвящение: Sic volo, sic jubeo

Тем, которые думали, что Германия была бы способна восстановить независимость части Лотарингии, он заявил 16 августа 1888 года:

«Мы пожертвуем нашими восемнадцатью корпусами армии и нашими сорока двумя миллионами жителей на поле битвы раньше, чем согласимся уступить хотя бы один камень из того, что было завоевано нашими предшественниками».

И 4 сентября 1892 года он заявил негодующим жителям Меца: «Вы—немцы и вы ими останетесь с помощью бога и германского оружия». Если аграрии жаловались на политику свободного обмена, он заявлял им 6 сентября 1894 года, что оппозиция прусских дворян против их короля является чудовищной. Если говорилось о британском могуществе, он бросал такой ответ: «Трезубец Нептуна должен находиться в наших руках». Если жестокости, совершенные германцами в Шантунге, вызывали боксерское движение и осаду европейских миссий, он заявлял: «Пощады не будет! Пленных не брать!»

Как тысячу лет тому назад, гунны под предводительством Атиллы стяжали себе имя, которое известно до сих пор и наполняет сердца ужасом, точно так же Германия показала себя в Китае столь жестокой, что никогда ни один китаец не осмелится прямо посмотреть в лицо немцу.

Стоит ли говорить о сухом порохе, об хорошо отточенной шпаге и обо всех этих воинственных метафорах, которые без числа появлялись в речах императора, как молнии, которые предшествуют грохоту грома?

Что это за глава государства, который осмеливался пользоваться столь богатым словарем оскорбительных выражений и угрожающих формул?

Представите ли вы себе президента французской республики, говорящего на официальной церемонии следующее:

«Если кто нибудь попытается нарушить наши права или нанести нам ущерб, заставим его вспомнить о нашем железном кулаке»?

А на завтра какая суматоха в германской прессе против ослепленной и шовинистической Франции! И это несмотря на то, что в самом рейхстаге министерство не перестает быть предметом интерпелляций за несдержанный язык безответственного властелина.

Князь Бюлов даст пикантное об'яснение той роли, которую играл Вильгельм II.

В 1870 году нашелся «колосс», который пошел искать императорскую корону в глубине Киффгауса— в этом зачарованном замке, где Барбаросса спал своим вековым сном, ожидая восстановления империи. Этот колосс назывался Бисмарк. В тот день, когда Вильгельм II принял его отставку, этот непредвиденный разрыв в отношениях вызвал большое уныние в немецких сердцах, и эта патриотическая депрессия могла исчезнуть, только при условии, чтобы император определил Германии новую цель для достижения и указал бы средство, как получить свое место под солнцем.

Отсюда, по Бюлову, происходит возрождение так называемой Weltpolitik и, как обязательный спутник этого, создание германского военного флота. Эта Weltpolitik, или, взяв более понятное выражение — мировая политика—была неизбежным следствием не только настроения Вильгельма II, но и империалист-

ского инстинкта Германии, и князь Бюлов совершенно прав, когда говорит, что это не было отрицанием бисмарковской политики, но простое и логическое ее продолжение в новых формах.

«После об'единения и укрепления Германии—говорит князь Бюлов—наши экономические достижения начали оказывать воздействие на мировую ситуацию. Только с тех пор как империя увидела себя упрочившейся, только тогда она могла подумать об осуществлении тех целей, которые лежали в основании ее создания, об осуществлении их во всех частях света, путем развития духа немецкой предприимчивости, ее промышленной активности и коммерческой смелости».

С другой стороны, в 1871 году новая империя об'единила в своих границах 41.058.792 жителей. В 1900 году ее население возросло до 56.367.178 человек. В 1914 году оно превосходило 65 милл.

Каким образом эта громадная масса живых существ могла жить в прежних пределах империи? Необходимо было, чтобы некоторая часть их отправилась искать себе счастье во-вне, и вот таким образом германцы отправились в мир, в тот момент, когда, к несчастью для них, уже не оставалось свободных мест, и вы хорошо понимаете, что после столь правильного признания князем Бюловым их коммерческой смелости, они пустили в ход локти, там и сям, чтобы освободить себе местечко.

Но повсюду, где находился немецкий коммерсант, неизбежно поднималось императорское знамя. Вильгельм II торжественно обещал им свою поддержку во всех частях земного шара; и чем больше немцы эмигрировали, или колонизовали какую либо страну, или проживали за границей, тем более становилось необходимым иметь военный флот и превратить Гер-

манию, которая уже была в то время величайшей военной державой, в великую морскую державу.

До этого момента все идет нормально—всякий народ, который преуспевает, естественно стремится к экспансии. Но, к несчастью, сила экспансии Германии не всегда являлась достаточно размеренной, а национальное высокомерие придавало всем ее заграничным предприятиям некоторую нервность, жестокость и стремление к завоеваниям, которые часто нарушали интересы и права, ранее установленные.

Ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке Германия не удовлетворялась тем, что предоставляли ей обстоятельства. Она стремилась к главенству. Она не хотела признать, что то, чем она была—об'единенной нацией—она являлась наиболее молодой из европейских наций.

Пусть новая империя родилась только в 1871 г., но зато она унаследовала славное прошлое и взяла на себя распространение по всему земному шару настоящей арийской цивилизации. Пусть же склонятся перед ней и позволят ей шествовать!

Как это Польша не понимает, что для ее же блага она была расчленена?

Как это Шлезвиг не хочет примириться со своей участью?

Как это Эльзас не признает, что только для его счастья он оттэргнут от Франции?

Как это сама Франция не поймет того, что, следуя выражению Вильгельма, она не имеет возможности быть морской державой, что она должна благоразумно воздерживаться от плавания по океану и повсюду склоняться пред Германией?

Это Германия должна идти впереди и указывать путь другим нациям.

Император не хотел и слышать, что этого не понимают, и когда он посетил Гамбург в 1903 году, то, комментируя фразу, которую он произнес 23 сент. 1898 года в Штеттине: «Наше будущее на водах»— он поставил Германию в первые ряды по уму, так же как и по силе.

Пангерманизм континентальный и пангерманизм колониальный, пангерманизм военный и пангерманизм интеллектуальный—вот идеи, которые шли попарно [1]) и которые не замедлили проявить себя раздельно.

Хотите вы знать, как немцы принялись за завоевание рынков?

Откройте осведомленную книгу Henri Hausera [2]). Вы в ней увидите те методы, которые употреблялись Deutschtum'ом заграницей; вы в ней увидите ее технику экспорта. ее осведомительную службу, ее агентства, ее коммерческий шпионаж, ее обыкновение осаждать клиентуру; вы в ней увидите, как Германия, прежде чем экспортировать свои продукты, экспортирует свои фабрики, как повсюду она хочет создать себе преимущественное промышленное положение, как она скупает сырье, как она практикует систему Dumping'a, как, короче говоря, она прилагает к своему экономическому развитию национальную теорию: Deutschland über alles. Это для нее придуман, как говорит Дернбург, непререкаемый принцип, что немцы — «самые ученые и самые умные из всех людей».

---

[1]) См. Шарль Андлер—Le Pangermanisme (Armand Colu)—Шарль Андлер — Les origines du pangermanisme, Le pangermanisme continental sous Guillaume II. Le pangermanisme colonial sous Guillaume II. Le pangermanisme philosophique (Louis Conard).

[2]) Les Méthodes allemandes d'expansion économique.

Однако есть другие народы, которые желают жить и заслуживают того, чтобы жить.

И среди этих народов находится Франция, Франция, которая изувечена была жестоко в 1871 году, которая воспрянет и займет в мире место, достойное ее прошлого, не желая главенствовать ни над кем и никого подавлять.

И эта Франция, мирная, трудолюбивая и терпеливая, оказывается, благодаря иронии истории и географии, непосредственной соседкой Германии, и когда она слышит пение по ту сторону Рейна куплетов песни Deutschland über alles, она очень хорошо понимает, что угрозы направляются прежде всего против нее.

Однако в течение сорока четырех лет ей удавалось поддерживать устойчивое равновесие европейского мира, и в тот день, когда ей была об'явлена война, президент республики имел право в своем послании к палатам сделать в полном сознании своей правоты следующую короткую декларацию:

«В течение более чем сорока лет французы, благодаря искренней любви к миру, глубоко похоронили в своих сердцах желание законного возмездия. Они явили миру пример великой нации, которая, окончательно оправившись от поражения, благодаря настойчивости, терпению и труду, направила всю свою возстановленную и укрепленную силу только в сторону поддержки интересов прогресса и на благо человечеству.

В час первых битв Франция имеет право торжественно воздать себе должное за то, что до последнего момента она делала величайшие усилия, чтобы отвратить войну, которая готова была разразиться и за которую германская империя понесет перед историей тягчайшую ответственность».

Глава II.

Союз с Россией и Entente cordiale.

После подписания франкфуртского договора Франция почувствовала себя совершенно изолированной в мире.

Перед лицом победоносной Германии, решившей извлечь из своей победы все моральные и материальные выгоды,—контрибуцию в пять миллиардов, Эльзас-Лотарингию, политическое превосходство,— что могло сделать правительство Тьера?

Не было другой мысли, как только уплатить долги, чтобы освободить нашу территорию.

Габриак, посланный в Берлин, в качестве поверенного в делах и позже Гонто-Бирон, назначенный послом Франции в Германию, тотчас же напрягли усилия, чтобы показать молодой и высокомерной империи искренность наших миролюбивых намерений.

Но 1871 год не положил конца подозрениям Бисмарка в том, что французское общественное мнение втайне лелеет мечту о реванше, ввиду чего он заявлял нашим представителям, что он относится подозрительно к быстрому росту возрождения страны.

Он постарался оставить нас одних изолированными в уголке Европы.

Он уже был уверен в Австрии. Граф Бейст, правда, за время войны испытывал некоторые колебания в вопросе о выступлении против Пруссии, но он не нашел ничего лучшего, как извиниться за эту минутную слабость.

В конце-концов он был отставлен 1 ноября 1871 года вместе к кабинетом Гогенварта, и граф Андраши, который ему наследовал, немедленно обратил свои взоры в сторону Берлина. Обмен визитами в Ишле и Зальцбурге между императорами Франц-Іосифом и Вильгельмом I еще более успокоил Бисмарка. Спокойный с этой стороны, он надеялся улучшить отношения между Германией и Россией. Сходство метода управления этими странами казалось ему в то время обеспечивающим успех.

Если было бы возможно создать прочное об'единение трех великих домов: Гогенцоллернов, Романовых и Габсбургов, никто никогда не осмелился бы сопротивляться этой троице. Уже во время войны в Мо Бисмарк лелеял мысль о создании такого священного союза. Встреча трех императоров имела место в Берлине в сентябре 1872 года и, если она не дала тех результатов, которых ожидал канцлер, она являлась тем не менее в глазах народов торжественным подтверждением французских неудач.

В конце 1873 года дело о пастырском послании епископов и в марте 1875 года образование четвертых батальонов подали Бисмарку благоприятный предлог для такого рода мероприятий, что перед лицом надвигающихся событий герцог Деказ заявил князю Гогенлоэ: «Если вы на нас нападете, мы не будем защищаться и возложим на вас всю ответственность за последствия такого нападения».

Но уже в самый разгар кризиса, канцлер, который считал себя господином положения в вопросе о том, что он называл превентивной войной, был остановлен на пути к выполнению своего плана.

Несмотря на посещение Берлина, Александр II не сделался, как на то рассчитывал Бисмарк, пособником Вильгельма I. Он понимал, что разгром

Франции явился бы катастрофой для России, и он заявил генералу Фло: «Интересы наших обеих стран совпадают, и, если — во что я отказываюсь верить — вы будете когда-нибудь серьезно угрожаемы, вы будете быстро спасены и спасены нами».

В апреле 1875 года русское правительство впервые делает представление в Берлине в пользу мира; затем, в начале мая, Шувалов, посланный царем, дружественно призывает Германию к благоразумию; он тотчас же отправился в Лондон, и 9 мая в то время, как королева Виктория собственноручно написала письмо своей дочери, жене кронпринца, лорд Руссель осведомляет Бисмарка, что Англия вполне согласна с Россией.

Этого было достаточно, чтобы заставить канцлера одуматься. 10 мая Александр II лично прибыл в Берлин, и тревожное положение было уже исчерпано.

Бисмарк отрицал, что он уже намеревался об'явить войну Франции, и делал вид, что он рассматривает этот трагический инцидент, как одну из темных махинаций Горчакова и Гонто-Бирон.

Но предположить, что это отрицание, противоречащее документам и фактам, могло быть принято, как достоверное, было невозможно, так как предшествующие угрозы германского канцлера уже обеспокоили две великие державы, которые после того, как они остались в 1870 году молчаливыми зрителями наших неудач, оказались, однако, достаточно мудрыми, чтобы не согласиться на наше исчезновение[1]).

---

[1]) По поводу инцидента 1875 года см. Histoire de la France contemporaine, par G. Hanotaux, t. III. chap. IV. См. также René Pinon, France et Allemagne, 1870—1913 (Perrin et C-ie) и Le rapport de la Commission sénatoriale d'enquête. — Ernest Daudet, Histoire de l'alliance franco-russe (1898).

На следующий день после этой тревоги, герцог Деказ писал графу Гаркуру, нашему послу в Лондоне:

«Вы много потрудились, чтобы получить это первое свидетельство благожелательности со стороны Англии. Я считаю необходимым меньше полагаться на нее, чем на Россию. Но я никогда не перестану надеяться, что сближение между этими державами позволит нам идти вместе с ними, не выбирая одну из них, и мне кажется, что события оправдывают мою точку зрения».

Действительно, уже в то время обозначились первые штрихи той политики, в результате которой создалось тройственное соглашение, и когда мы слышим сетования Германии на то, что Англия, Россия и Франция заранее согласились, чтобы создать окружение Германии, мы должны вспомнить, что причиной этого были угрозы со стороны Бисмарка, которые в первый раз в 1875 году побудили эти три державы об'единиться, в целях поддержания мира.

В своих «Думах и воспоминаниях» Бисмарк признает, что он долго колебался перед выбором между Австрией и Россией. Инцидент 1875 года не заставил его спешить с этим выбором. Но, предвидя трудности, которые его ожидали, он постарался прежде всего укрепить узы, связывавшие Австрию и Германию.

В начале восточного кризиса он тотчас подметил благоприятное стечение обстоятельств для осуществления своих планов.

Вы вспоминаете, каким образом в июле 1875 года христиане Боснии и Герцеговины, которые с трудом переносили турецкое иго, восстали; как Сербия и Черногория приняли сторону повстанцев; как 7 мая 1876 года консулы Франции и Германии были

убиты в Салониках мусульманскими фанатиками; как при этом известии о кровавом покушении Александр II поспешил в Берлин, и как Бисмарк воспользовался случаем, чтобы снова сблизить пути трех императоров.

И вы, конечно, помните последующее: об'явление войны Сербией и Черногорией Турции, победу оттоманских войск, Россию, с тревогой взирающую на Белград в руках турок и посылающую ультиматум в Константинополь, Турцию, обещающую реформы по отношению к христианам и позже изменившую своим обещаниям, и всю эту опасную распрю, продолжавшуюся около трех лет.

За все это время Бисмарк очень внимательно наблюдал события на Балканском полуострове. Он громко заявлял, что весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского солдата; но в то же самое время в своих инструкциях он рекомендовал послу и военному атташе Германии в Петербурге представить свои соображения царю о том, что Россия, действительно, не может терпеть дальнейшее промедление и что она уже достаточно получила доказательств пренебрежения со стороны Турции. И он советовал начать войну. Тогда Россия, чтобы развязать себе руки по советам Берлина, заключила с Австрией секретное соглашение, по которому двуединая империя обязывалась сохранить нейтралитет и получала взамен согласие на оккупацию, после подписания мира, Боснии и Герцеговины.

Русская армия приняла участие в кампании, завоевала Плевну, подошла к воротам Константинополя и 3 марта 1878 года предложила Турции Сан-Стефанский договор, который прежде всего устанавливал принципы болгарской автономии, под сюверенитетом султана, и намечал программу реформ в

пользу христиан Македонии. Но прежде, чем договор был подписан, Бисмарк заявил, что этот восточный вопрос, за который он не хотел пожертвовать жизнью даже одного солдата, имеет тем не менее европейское значение, и что Россия не может его решать одна vis à vis с Турцией, что по этому поводу должна быть созвана конференция; короче говоря, это была теория, диаметрально противоположная той, которую Германия поддерживала в 1914 году, когда она отстаивала для Австрии право разрешения, помимо держав Европы, своей тяжбы с Сербией.

Когда он давал свои об'яснения рейхстагу 28 февраля, Бисмарк отметил, что он не хотел принижать Россию; он только защищал свое право быть «педагогом» Европы и предлагал свои услуги, в качестве «честного маклера». Но он уже заключил соглашение с Андраши, которое предопределило влияние Австро-Венгрии в вопросе о заключении мира, и с Англией, флот которой 14 февраля подошел к Принцевым островам.

Берлинский конгресс открылся 13 июня, под председательством Бисмарка, и с начала его заседаний Горчаков и Шувалов констатировали, что они не могли рассчитывать на поддержку германского канцлера. Они, понятно, принимали оккупацию Боснии и Герцеговины Австрией, после того как Россия уже это обещала, но они были вынуждены присутствовать также при разделении Болгарии на три части и при уничтожении Сан-Стефанского договора. Бисмарк пришел к соглашению с Дизраели относительно лишения России плодов ее победы. Работа, которая совершалась по возможности втайне, обеспечила для Германии признательность и верность со стороны Австрии. Но она же унизила Россию и создала на

Востоке многочисленные элементы будущих конфликтов.

Австрия, на которую было возложено управление двумя провинциями турецкой империи, намеревалась сделать попытку мало-по-малу аннексировать их и, когда она решилась на этот шаг в 1908 году, она приняла на себя ответственность за новый пожар на Балканах.

Помимо всего, берлинский трактат поручил ей иметь гарнизоны в ново-базарском санджаке и создать там обыкновенные и стратегические дороги, т. е. установить наблюдение за всеми путями сообщения между Сербией и Черногорией; он разрешил ей также иметь полицию в порту Антивари и на побережье, установив таким образом в действительности политическое главенство Австрии на западных Балканах. И в то время, как он распространил влияние этой державы в сторону Средиземного моря и Константинополя, он рассекал на три части сербский народ, точно так же, как и Болгарию; он передавал Македонию под власть султана; он не принял во внимание желания населения; он подготовил таким образом неизбежные конфликты между славянами и турками, между славянами и Австрией, и поместил на маленьком клочке земли громадное количество взрывчатых веществ.

За все эти безрассудства Россия не была ответственна, так как она понесла поражение в Берлине; Франция несла еще меньшую ответственность, потому что на берлинском конгрессе она не пользовалась никаким влиянием. И когда мы познакомимся с началом балканских войн в 1912 году или когда в 1914 году Австрия отправит свой ультиматум Сербии, мы не должны забывать, что для уяснения первоначальных причин этих возродившихся кризисов мы

должны обратиться к берлинскому конгрессу и вызвать трагическую тень фон-Бисмарка.

Но поражение, нанесенное в 1878 году Германией России, имело вскоре в группировке европейских держав последствия, которых без сомнения канцлер не мог предусмотреть. Он надеялся еще оказаться способным отстрочить свой выбор между Австрией и Россией, но он был в то время уже связан воспоминанием об их сообщничестве и расчитывал не упустить из своих рук двуединую монархию. Он встретился с Андраши в августе 1879 года в Кастейне и подготовил с ним заключение австро-германского союза.

Старый император Вильгельм, опасаясь, чтобы этот союз не привел к полному разрыву в отношениях между Германией и Россией, колебался сначала подписывать тот документ, который был представлен ему канцлером. Он решился на это только в октябре месяце следующего года. Тремя годами позже, 20 мая 1882 года, Бисмарк завершил свою дипломатическую комбинацию соглашением с Италией. Тройственный союз был осуществлен.

В эту эпоху русско-французский союз еще не существовал; еще в меньшей степени можно было предполагать о заключении entente cordiale. Германия не могла говорить, что ей угрожают окружением; никто ее не беспокоил, никто ей не бросал вызова. Это она заключила тройственный союз. Но она не остановилась даже на этом и 21 марта 1884 года, следуя своей обычной политике перестраховки, Бисмарк получил подпись России на секретной конвенции, которая должна была оставаться в силе в течение трех лет и которая являлась новой жертвой на алтарь германской гегемонии.

Но Россия не могла не чувствовать, что в лице тройственного союза она имела два управляемых

острия—одно с востока, другое с запада—и что мало-по-малу этот союз попытается продвинуться в сторону Франции:

Вскоре после берлинского конгресса князь Горчаков, канцлер царя, который меланхолически говорил, что в Берлине он написал «самые мрачные страницы своей карьеры», признавался одному публицисту, Николаю Поггенполю [1]), что отныне Александр II не только идет по пятам Германии, но что Россия вынуждена поддерживать игру Бисмарка, что соглашение трех императоров больше не существует и что другие политические комбинации нужны теперь для того, чтобы обеспечивать европейское равновесие.

Отношения между Францией и Россией действительно становились все более и более близкими; они не стали менее близкими в министерство Гамбетты и,—хотя иногда говорят противное,—оставались такими же в министерство Жюля Ферри.

Но получив подпись России на конвенции 1884 года, Бисмарк подготовил новую встречу трех императоров в Скерневицах в течение сентября месяца.

Александр II умер в 1881 году, пораженный бомбами революционеров, в то время, когда он был готов провести либеральные реформы, и под влиянием этого события его сын Александр III, отвергал всякую мысль о реформах, и практиковал автократический режим, который совершенно не предрасполагал его в начале к большой дружбе с республиканской Францией. Таким образом случилось то, что Александр III отправился в Скерневицы, и что Россия и Германия обязались на трехлетний

---

[1]) L'alliance Franco-Russe, par Jules Hansen (Flammarion 1897).

срок сохранить благожелательный нейтралитет, в случае нападения на одну из них.

Но мало-по-малу император начал замечать, что во всех конфликтах, вызванных выполнением берлинского трактата, которые были весьма часты, Германия тайно поддерживала интересы австрийцев против русских.

Когда в 1886 году было провозглашено об'единение Болгарии с восточной Румелией, Франция и Россия потребовали пересмотра берлинского договора, а когда 7 января 1887 года три болгарских делегата посетили на quai d'Orsay Флуранса, министр обратился к ним с речью, весьма миролюбивой и весьма дружественной по отношению к России.

Когда, наконец, 8 июля 1887 года болгарское народное собрание избрало князя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, тонкое мошенничество которого должно было причинить позже столько зла Болгарии и Европе, Россия и Франция еще раз оказались согласными в характере политики по отношению к нему и к министерству Стамбулова. Сближение происходило до некоторой степени автоматически.

Вследствие этого Александр III отказался продолжить действие конвенции, которая была им подписана три года тому назад с Германией. Он предпочел отныне сохранять свободу действий.

3 февраля 1888 года Бисмарк, надеясь устрашить царя, опубликовал в Reichs Anzeiger и в Wiener Abendpost текст союзного австро-германского договора 7 октяря 1879 года, который до этого являлся секретным. Но Александр III остался спокоен и, может быть, именно это опубликование решило его отдаление от Германии и сближение с Францией.

Вы знаете, что в 1890 году в министерство Фрейсине, в котором пост министра иностранных дел

принадлежал Рибо, закончилась эта эволюция России и начала реально слагаться новая группировка держав, находящихся вне тройственного союза.

В марте месяце Бисмарк получил отставку и молодой император Германии Вильгельм II, жаждущий самостоятельности, решил лично направлять внешнюю политику своей страны.

Фрейсине считал своим долгом ничем не пренебрегать, чтобы уверить Берлин в наших миролюбивых намерениях. Он установил великолепные отношения с графом Мюнстер, послом Германии, которого я лично знал, и который был очень воспитанный человек [1]).

И он убедил его, что нет оснований беспокоиться за нарушение мира и что, наоборот, он будет гарантирован наилучшим образом, в случае сближения Франции с Россией.

«Безопасность существования великого народа— писал по этому поводу Фрейсине в своих замечательных «Souvenirs»—не должна основываться на добрых намерениях других; она должна обеспечиваться собственными средствами и предосторожностями, которые заключаются в его вооруженной силе и в союзах с другими народами». И он прибавляет: «Рибо которого я осведомил о том, что происходило в предшествующих кабинетах, совершенно согласился с моими взглядами и показал себя склонным, не менее, чем я, прекратить изолированность Франции. Он нашел у барона Моренгейма такую же готовность продолжать переговоры, которые были уже начаты. Я тотчас же отметил знаки доброго расположения со стороны России. 11 мая 1890 года великий

---

[1]) См. «Souvenirs» par Freycinet.

князь Николай, который играл выдающуюся роль в войне, прибыл в Париж».

Фрейсине рассказывает дальше, как он встретился с ним в посольстве и подробно ознакомил его с нашей военной организацией.

Великий князь увез с собой в Россию и сообщил императору уверенность, что мирная Франция не является боязливой, слабой и безоруженной страной.

В августе месяце того же года, генерал Буадеффр провел пятнадцать дней на маневрах в Красном Селе, и—пикантная деталь — он присутствовал во время своего пребывания там при новой встрече двух императоров.

Но 23 августа наш посол в Петербурге, Лабулэ, писал Рибо:

«Сближение Франции и России, которое едва три года тому назад казалось почти совершенно иллюзорным, становится мало-по-малу достаточно реальным, достаточно солидным, настолько, что даже визит императора Вильгельма не способен повредить ему» [1]).

Несколькими месяцами позже произошел, по случаю путешествия императрицы Фредерики, о котором я уже рассказывал, инцидент и Моренгейм, поздравляя французское правительство от имени Гирса по поводу той вежливости и корректности, которые были проявлены французами по отношению к Германии, прибавил, что сближение между Францией и Россией стало теперь твердым, как гранит [2]).

25 июля, эскадра адмирала Жерве, приглашенная официально, остановилась на кронштадтском

---

[1]) Livre jaune, sur l'Alliace franco-russe, № 1.
[2]) Ibid № 2.

рейде и удостоилась визита царя, императрицы и членов императорской фамилии. В тот момент, когда раздались первые звуки Марсельезы, император поднялся и, следуя его примеру, все присутствовавшие русские слушали стоя, с обнаженными головами, этот национальный гимн, который в минувшую войну многими народами рассматривался, как гимн избавления, но который в течение тридцати лет не был почитаем иностранными государями.

Все мы, кто уже был взрослым в 1890 году, не можем даже теперь без волнения вспоминать тот небывалый эффект, который произвела тогда во Франции дружеская демонстрация императора Александра III.

Тройственный союз был заключен, и в разговоре с Лабулэ Гирс указал, что это решение центральных держав обязывает наши обе страны более быстро пойти по пути к соглашению.

Фрейсине и Рибо получили согласие от президента Карно войти по этому поводу в переговоры и через несколько недель был составлен текст соглашения, несколько расплывчатого, который император просил сохранять в полном секрете:

«Ст. 1. В целях закончить и освятить entente cordiale обоюдным соглашением, направленным к поддержанию мира, который является предметом их искреннейших стремлений, оба правительства заявляют, что они будут входить в соглашение по всем вопросам, которые касаются сохранения всеобщего мира;

Ст. 2. На случай, если этот мир будет действительно в опасности и особенно в случае, если одной или другой договаривающейся стороне будет угрожать нападение, обе стороны должны согласиться о мерах, реализация которых должна быть осущест-

вляема немедленно и одновременно обоими правительствами [1]).

Несколькими месяцами позже русский министр иностранных дел прибыл в Париж и имел с Фрейсине и Рибо длительную беседу [2]). Фрейсине настаивал на необходимости заранее согласиться во время мира о мерах, которые должны быть предприняты Россией и нами в случае внезапного об'явления войны. В тот же день Рибо получил следующую ноту, по поводу этих переговоров, заключающую соображения Гирса:

«Германия сожалеет о том, что ей не удалось воспользоваться случаем напасть на Францию, который представлялся ей в 1887 году. Хотя тройственный союз носит оборонительный характер, Гирс согласен с тем, что может внезапно разразиться война, и было бы разумным не дать застать себя врасплох. Мысль Гирса заключается в том, что вообще возможно замедлить пришествие войны, но нельзя думать о возможности ее полного устранения. В этом смысле он говорил с императором. Для ближайшего времени он постарается придерживаться с Германией добрососедских отношений».

Было предположено установить военную конвенцию и она была принята в принципе, но чтобы войти в силу, она должна была быть рассмотрена императором вместе с его военным министром. 4 февраля Рибо отправил Монтебелло, нашему новому послу в Петербурге, ноту генерала Мирибеля, содержащую суммарное исчисление сил, которые могут быть использованы каждой из наций в случае оборонительной войны, вызванной тройственным союзом. Изучение этого проекта русским министерством иностран-

---

[1]) Livre jaune № 17 и 18.
[2]) Livre jaune № 20 и 21.

ных дел и императором продолжалось много времени и в июле 1892 года Фрейсине и Рибо должны были послать в Петербург генерала Буадеффра с новой редакцией проекта, который после некоторых изменений был подписан 17 августа представителями генерального штаба обеих стран.

Изменения, истребованные затем Сади-Карно и нашим министром иностранных дел, длительная болезнь Гирса, министерский кризис во Франции, еще несколько замедлили ратификацию проекта обоими правительствами [1]). Она состоялась только 30 декабря 1893 года в министерство Казимир-Перье. Но в промежутке дружба между Францией и Россией была публично подтверждена новой манифестацией.

10 августа 1893 года Монтебелло известил Жюля Девелля, нашего министра иностранных дел, о готовящемся прибытии в Тулон русской эскадры, под командой адмирала Авелана.

Визит имел место в октябре месяце и моряки были приняты во Франции с неописуемым энтузиазмом. Они посетили Париж. Я был в то время членом кабинета, в качестве министра народного просвещения, и я до сих пор помню, как адмирала приветствовали бурными аплодисментами во время спектакля в Опере.

Но то, что вызывало тогда удовлетворение у людей стоящих у власти и радость среди населения, это отнюдь не было, я удостоверяю, тайной надеждой на реванш,—это было законное чувство национальной гордости, это была мысль, что благодаря соглашению между Францией и Россией тревоги 1873, 1875 и 1887 г.г. больше не возобновятся и что наше спокойствие будет отныне обеспечено.

---

[1]) См. Livre jaune, № 32 до 91.

27 октября, в Тулоне, президент Карно, после выражения благодарности русским и французским морякам «за достойное выполнение их миссии в служении интересам союза между двумя народами» закончил свое приветствие следующими миролюбивыми словами: «К тосту, который я провозглашаю за здоровье их величеств императора Александра III и русской императрицы, я присоединяю тост, который встретит всеобщее одобрение: за дружбу двух великих наций и через нее за мир всего мира».

То же стремление к миру вдохновляло соглашение, которое было подготовлено в августе 1892 года генералом Буадеффр и генералом Обручевым и которое было закреплено 15—27 декабря 1893 г. и 23 декабря 1893—4 января 1894 года обменом писем между Гирсом и Монттебелло.

По настоянию русского императора эта конвенция должна была храниться в полной тайне, вследствие чего она была опубликована в Желтой Книге только в 1918 году.

Но ведя по этому поводу переговоры, Рибо принял на себя труд сообщить императорскому правительству, что согласно нашей конституции мы не можем держать в секрете какой либо договор и что парламент имеет неоспоримое право рассмотреть его перед заключением. Известно, что никогда рассмотрение союзного франко-русского договора не побудило нас принять меры, последствием которых являлась бы война, и французская палата депутатов должна была бы в первую очередь быть предупреждена о них, чтобы рассмотреть и решить целесообразность мероприятий.

Но в 1914 году сама Германия об'явила войну России и Франции, и 4 августа Вивиани привез в палату депутатов текст конвенции 1892—1893 г.г.

на случай, если кто нибудь из депутатов потребует раз'яснения по этому поводу. Не нашлось ни одного депутата, который внес бы подобный запрос; перед лицом нападающей Германии все понимали, что свершившийся факт, жертвой которого мы стали, исключает всякий практический интерес в изучении договора, заключенного двадцатью годами ранее между Россией и Францией.

Вот содержание текста документа, бывшего на хранении в архивах quai d'Orsay в конверте, на котором президент Феликс Фор сделал следующую короткую надпись:

«Военная конвенция подтверждена письмом Гирса к Монтебелло, которое вводит в действие эту конвенцию».

— «Франция и Россия, воодушевленные одинаковым желанием сохранить мир и не имея другой цели как только быть готовыми к оборонительной войне против нападения со стороны сил тройственного союза на одну или на другую из них, согласились относительно следующих пунктов:

1. Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или со стороны Италии, поддержанной Германией, Россия употребляет все имеющиеся в ее распоряжении силы, чтобы напасть на Германию. Если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или со стороны Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все имеющиеся в ее распоряжении силы, чтобы напасть на Германию.

2. В случае, если силы тройственного союза или одной из держав, которая состоит в нем, произведут мобилизацию, Франция и Россия при первом известии об этом, не ведя предварительных переговоров, немедленно и одновременно мобилизуются и напра-

вляют свои силы в возможно близкие к их границам места.

3. Необходимые силы, которые должны быть выставлены против Германии со стороны Франции, исчисляются в 1.300.000 человек, а со стороны России от 700.000 до 800.000 человек. Эти силы действуют по различным направлениям, с тем расчетом, чтобы Германии пришлось бороться одновременно и на западе и на востоке.

4. Генеральные штабы армий обеих сторон сносятся непрерывно, чтобы подготовить и облегчить выполнение вышеуказанных мероприятий. Они сообщают друг другу все сведения, касающиеся армий тройственного союза, которые окажутся в их распоряжении.

Пути и средства сношений за время войны определяются заранее.

5. Франция и Россия не будут заключать сепаратного мира.

6. Настоящая конвенция имеет силу во все время существования тройственного союза.

7. Все вышеуказанные пункты должны храниться в строгой тайне.

Эта конвенция оставалась до августа 1914 года законом для определения нашего взаимоотношения с Россией. Единственная статья ее была изменена в августе 1899 года, по соглашению императора с президентом Лубэ и после обмена письмами между графом Муравьевым и Делькассе. Оба правительства опасались, что конвенция, действие которой определялось продолжительностью существования тройственного союза, не достигнет цели, если тройственный союз будет нарушен вследствие смерти Франца Иосифа и выхода из него Австрии. Они сочли благоразумным определить, что конвенция останется

в силе. как временное дипломатическое соглашение после 1891 года, на столь долгий срок, какой потребуют общие интересы обеих стран [1]).

Наконец, вскоре после принятия мною управления министерством иностранных дел, я получил от нашего посла Жоржа Луи—с которым, к слову сказать, я никогда не имел разногласий по вопросу об отношениях с Россией—телеграмму следующего содержания:

«С.-Петербург, 6 февраля 1912 года. Морской министр сказал мне сегодня вечером, что он уполномочен официально заявить мне, что император с удовлетворением увидел бы установление между морскими генеральными штабами Франции и России таких же непосредственных сношений, какие существуют с 1892 года между военными генеральными штабами обеих стран. Адмирал сделал мне это заявление в очень теплых выражениях. Он прибавил, что Сазонов повторит мне сказанное официальным порядком» [2]).

Правительство, председателем которого я являлся, единодушно пришло к заключению, что не следует отвергать этого предложения. Пусть русский флот не был еще очень могущественным, все же несомненно интересным являлось не оставлять оба морских министерства в полном неведении о мероприятиях друг друга. Проект морской конвенции, устанавливающий между ними постоянное и правильное сотрудничество, был подписан 16 июля 1912 года и, когда на следующий месяц я посетил Петербург, в условиях о которых я буду иметь случай говорить в другом месте, мы обменялись, Сазонов и я, рати-

---

[1]) Livre jaune, № 93, 94, 95
[2]) Livre jaune, № 96.

фицированными документами, которые также были опубликованы в «Желтой Книге» [1]). Таковы были дипломатические документы, которые определяли франко-русский союз.

Как только он был образован, Германия предприняла шаги, чтобы сблизиться с ним: или для того, чтобы разрушить его, или для того, чтобы принять в нем участие. Германский канцлер попытался сначала в 1895 году организовать совместно с Россией и Францией, вмешательство этих трех держав в дальне-восточные дела, с целью лишить Японию части плодов победы, которую она одержала над Китаем. Затем император Вильгельм II приглашает нас, через посредство графа Мюнстера, на открытие Кильского канала. Роялистский публицист большого таланта, Шарль Морра, упрекал Габриеля Ганото, который в то время был министром иностранных дел, в том, что он принял для нашего флота приглашение Германии [2]). Я участвовал в заседании кабинета, которое считало невозможным не ответить отказом, и я должен сказать, что все правительство единодушно, включая сюда и министра иностранных дел, постановило, что Франция будет отсутствовать. Но Александр III умер 1-го ноября предшествующего года; никто не знал еще определенно, какие будут отношения к Франции его преемника, и когда наш посол спросил Николая II, пошлет ли он русский флот в Киль, царь выразил в ноте формальное желание, чтобы наши суда были бок-о-бок с его судами. Перед лицом этой просьбы французский кабинет уступил.

Германия со своей стороны не почувствовала никакой признательности к Франции. С замеча-

[1]) Livre jaune №№ 106 и 107.
[2]) См. Шарль Морра — Киль и Танжер.

тельным тактом она спешно вызвала из Средиземного моря для присутствования в Киле крейсер, который носил имя места одного из наших поражений, и едва французские суда покинули канал, под предлогом необходимости вернуться во Францию раньше первой годовщины смерти президента Карно, как по всей империи были подготовлены новые празднества, чтобы отметить двадцатипятилетнюю годовщину 1870 года.

В течение последующих лет Вильгельм II усилил попытки, чтобы отдалить Россию от Франции. Во время беспорядков, произведенных итальянцами в Адуа, он обвинял нас в Петербурге в намерении завязать с Италией ссору; он не знал, что придумать, чтобы восстановить против нас царя.

Но Николай II, несмотря на свой слабый характер, обожествлял память своего отца и не желал ничего устранять из наследства, которое он получил. Чтобы яснее показать Франции, что он не думает рвать узы, которые связывают его страну и нашу, он отправился в Париж вместе с императрицей в первые дни октября 1896 года, и президент Феликс Фор отдал ему визит, посетив Петербург и Москву в августе 1897 года; эти два визита положили начало обычаю для всех президентов делать то же самое, и если в последний раз возвращение президента было — увы! — полно беспокойства, то оно не было — нужно ли говорить об этом? — ни более таинственно, и ни менее миролюбиво.

Однако царь сохранял с Вильгельмом II весьма дружеские отношения. Покидая Париж 9 октября 1896 года, Никки проследовал через Берлин, чтобы обнять Вилли, и оба императора встречались еще осенью 1897 года, в Висбадене и в Дармштадте. Все более и более события, казалось, благоприятствовали

Германии и укрепляли ее дипломатическую позицию. Вильгельм II пытался осуществить соглашение с Англией, путем раздела португальских колоний в Африке; в то же самое время он старался использовать тяжелое недоразумение, которое возникло между Францией и Англией, после встречи полковника Маршана и лорда Китченера в Фашоде, и он пытался, как говорит о том сообщение маркиза де Ноайля на quai d'Orsay, поссорить нас с той самой Англией, с которой он собирался подписать соглашение.

Тем временем 28 августа 1898 года царь Николай II обратился ко всем державам с предложением, которое явно свидетельствовало о его миролюбивых намерениях и которое приглашало все правительства найти средства задержать прогрессирующее увеличение вооружений. И тотчас же германский император, этим поступком расхоложенный в тех надеждах, которые он возлагал на Россию, жаловался Уайту, послу Соединенных Штатов в Берлине, на инициативу, принятую на себя царем, потребовал от рейхстага увеличения наличного состава армии, произнес в Висбадене одну из своих воинственных речей и поручил своим представителям на гаагской конференции добиться отклонения русского предложения.

Находятся еще, кажется, сентиментальные души, которым не достаточно очевидны преступления, совершенные в 1914 году центральными империями, и которые надеются отыскать: то в разрозненных архивах, то в комплектах газет, то — и это наиболее часто — в создании собственной фантазии, отдаленных виновников войны, как они охотно именуют их. Пусть они не забудут вспомнить о конгрессе, который был открыт 18 мая 1899 года; пусть они подумают о тех долгих и тщетных усилиях, которые делались там сообща русскими делегатами и моим знаменитым

другом Леоном Буржуа, чтобы задержать всеми возможными средствами безумство вооружений; пусть они вспомнят непоколебимое сопротивление Германии и после этого пусть они амнистируют, если осмелятся, императора Вильгельма II и осудят, если они на это способны, несчастного Николая II!

Но все эти маневры Берлина вскоре потерпели поражение, благодаря английской политике. 22 января 1901 года король Эдуард VII наследовал престол Великобритании и Ирландии, после своей матери королевы Виктории, и Вильгельм II тотчас почувствовал в этом «дяде Берти» государя, который не потерпит претензий Германии на главенство. Действительно, король Эдуард VII не принял в направлении британской внешней политики той позиции, которую его августейший племянник наделил столь гневными замечаниями в 1914 году, ни даже той, которая часто представлялась воображению французов. Это был глава конституционного государства, который уважал министров короны, но его опытность и умственные качества давали ему возможность оказывать большое влияние на королевское правительство и, конечно, оно не осталось в стороне по вопросу о счастливом сближении Англии и Франции. Эдуард VII много сделал, чтобы забыть прискорбный инцидент в Фашоде. Посетив Париж в мае 1903 года, чтобы приветствовать президента Лубэ, принимая последнего в Лондоне несколькими неделями позже с теплым радушием, он дал всему миру явное доказательство примирения, которое было достигнуто тогда между нашими двумя странами.

Рядом частных конвенций большинство колониальных вопросов, которые нас разделяли, было разрешено. 8 апреля 1904 года Делькассе подписал с английским правительством соглашение, которое

устраняло последние трения и определяло путем взаимных уступок разрешение вопросов, из которых самыми непримиримыми были интересы в Египте и в Марокко. Это соглашение, 8 апреля 1904 года, явилось для Франции и для Европы, как и франко-русский союз 1891—93 года, началом новой эры.

Двумя годами раньше был провозглашен тройственный союз, но уже в том же 1902 году Италия, оставаясь в союзе с центральными державами, заверила через Принетти нашего посла в Риме Баррера в том, что в случае войны, в которой мы не явимся нападающей стороной, она сохранит нейтралитет; и она сдержала слово в августе 1914 года, при обстоятельствах, которые можно рассматривать как решительное осуждение поведения своей вчерашней союзницы. Когда весною 1904 года entente cordiale поставило рядом с собой франко-итальянское соглашение, равновесие европейских сил было менее устойчиво, чем в предшествующие годы и, однако, в этом случае оказалось меньше шансов, чтобы оно было нарушено по вине Франции.

Мы слышали, как Вильгельм II в 1914 году испускал дикий рев пойманного животного и жаловался на то, что Англия, Россия и Франция успели окружить и изолировать Германию. Изолированной Германия никогда не была, так как она имела на своей стороне даже во время несправедливой войны, Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию. Еще менее того она была окружена; и ни франко-русский союз, ни entente cordiale, ни более позднее слияние этих двух мирных образований в тройственное согласие не имело своей целью никого окружать.

Германский канцлер, разумеется в этом, отношении не отставал от своего императора:

«Английская политика, — писал князь Бюлов — старалась мало-по-малу уничтожить Германию, переместив центр сил в Европе. Рядом соглашений, ради которых она часто приносила в жертву важнейшие интересы Англии, она старалась привлечь другие европейские государства, с целью изолировать таким образом Германию. Это была эра, которая называлась английской политикой окружения».

И в августе 1915 года канцлер Бетманн-Гольвег еще повторял в рейхстаге: «Король Эдуард VII полагал свою главную цель в изолировании Германии. Затем окружение Антантой с открыто-враждебными тенденциями становилось год от года все более тесным. Мы вынуждены были отвечать на эту политику громадными кредитами на вооружения в 1913 году».

Обычное перемещение ролей; обычный крик вора: «Держите вора!»

Медики нас учат, что мания величия и мания преследования суть два проявления одной и той же болезни. Германия, которая воображала себя мировой империей, протестует с негодованием, едва другие нации имеют смелость отстаивать свою свободу.

Князь Бюлов начал с того, что оценил вещи более здраво. На следующий день после франко-английского соглашения он получил запрос в рейхстаге и ответил весьма разумно:

«Это соглашение нам кажется попыткой уничтожить ряд разногласий между Францией и Англией посредством дружеского сближения. Мы не имеем оснований, с точки зрения германских интересов, ничего возразить против этого. Мы не можем думать, что создавшиеся отношения между Францией и Англией угрожают миру, к поддержанию которого мы искренно стремимся. Граф Ревентлов пользуется

вариациями на тему: duobus litigantibus tertius gaudet. Я хочу исключить вопрос о том, насколько применима всегда эта пословица и правильно ли, что, когда двое перестают спорить, третий и четвертый должны всегда быть печальными».

В этом была правда. Все, что было нового и важного в франко-британском соглашении, это то, что две великие нации, миролюбивые, привыкшие, как одна, так и другая, управляться сами собою, хранительницы старых либеральных традиций, постепенно уяснили себе, что если им удастся рассеять воспоминание об их прошлых распрях, они смогут установить между собою сотрудничество, выгодное не только для своих собственных интересов, но и для общего блага и для цивилизации.

Франция, союзница России и друг Англии, могла при случае попытаться предотвратить несогласия, которые еще существовали между этими державами, особенно в Персии и в Малой Азии; и Италия, примкнувшая к тройственному союзу, связанная в то же самое время с Францией соглашением 1902 года, естественно являлась связующим звеном между двумя группами держав.

Не только в Риме это особое положение Италии рассматривалось как безупречное по отношению к другим державам, но также и в Париже и в Берлине.

В Париже никогда не забывали, что Италия продолжает оставаться в тройственном союзе; в Берлине было известно франко-итальянское сближение. Германия таким образом совершенно не думала, на следующий день после соглашений 1904 года, что она окружена, и хорошо знала, что этого нет.

Но германский империализм не был приспособлен к тому, чтобы долгое время поддерживать европейское равновесие. 20 августа 1905 года, в тот момент,

когда победа казалась близка, канцлер Бетманн-Гольвег счел возможным проявить откровенность и воскликнул перед рейхстагом от всего сердца: «Английская политика равновесия сил должна исчезнуть». Другими словами нужно, чтобы за Германией оставалось право распоряжаться, как ей понравится, чашками весов; нужно, чтобы господствующая сила заменила бы равенство сил.

В этом направлении император Вильгельм II принялся с конца 1904 года работать с замечательным упрямством.

После начала русской революции, в сентябре 1917 года, Бурцев нашел в Царском Селе всю корреспонденцию, которой Николай II обменивался со всеми главами государств Европы. С этих пор Германия стала распространять, по поводу писем, написанных или полученных царем, самые абсурдные легенды. Во время войны нашлись даже во Франции люди, которые считали себя осведомленными и которые шептали вам на ухо: «Да, несомненно, Германия виновна. Но если бы вы знали корресподенцию русского императора и президента республики!»

В то время, когда ящики были открыты, в них ничего не нашлось такого, что могло бы компрометировать кого-либо из французов, но за то был обнаружен громадный пакет писем Вилли, которые свидетельствуют о длительной и предусмотрительной махинации, предназначенной для того, чтобы восстановить Россию против Англии.

Прежде всего Вильгельм II старался сыграть на неудачах, которые русский флот и армии Куропаткина испытывали в войне против Японии. Едва эхо о сражениях проигранных на Шахе, дошло до Европы, как Вильгельм II пустил в ход инсинуации, что Англия пытается под рукой войти в соглашение с

Францией, чтобы подготовить мир благоприятный для Японии. Затем после инцидента у Доггер-Банк и несчастной ошибки адмирала Рождественского, который, как вы вспомните, бомбардировал английских рыбаков, кайзер счел этот час наиболее благоприятным для аттаки. Он заявил Никки, что Франция нарушает свои обязательства по отношению к России, и он возвращается к своей идее об'единить против Англии европейские державы [1]).

Обойденный, по обыкновению, своим августейшим корреспондентом, царь пишет ему 20 октября 1904 года: «Я сердечно благодарю тебя... Я не нахожу слов, чтобы выразить мое негодование против Англии... Пора, наконец, положить предел всему этому. Единственным средством для этого, как ты правильно говоришь, явится соглашение Германии, России и Франции, чтобы положить конец английскому и японскому безрассудству и наглости. Расположен ли ты подготовить в общих чертах проект такого соглашения и осведомить меня о нем? Как только мы примем его, Франция будет вынуждена последовать за своим союзником».

Вы понимаете, конечно, что Вильгельм II не заставил себя долго просить.

Он поспешил отправить в Петергоф фелдьегеря с проектом договора. Но в момент подписания на Николая II нашло сомнение; он боялся, что Вилли, желая поссорить его с Англией, особенно преследует цель поссорить его с Францией, и 23 ноября 1904 года он ставит в известность Вилли, что он имеет намерение раньше всяких подписей сообщить проект правительству республики. Вилли боялся разоблачать себя.

---

[1]) См. эту корреспонденцию в докладе сенаторской комиссии разследования.

«Было бы опасно — писал он — предупреждать Францию. Она не замедлит информировать Англию, своего друга и, может быть, тайного союзника. Результатом этого неизбежно явится немедленное нападение со стороны Англии и Японии в Европе так же, как и в Азии. Ее громадный и великолепный флот быстро справится с моим маленьким флотом, и Германия будет временно парализована. Предварительное осведомление Франции приведет к катастрофе».

И Вильгельм II заключает, что если Никки не желает поставить Францию перед совершившимся фактом, то лучше совсем отказаться от договора.

Таким образом, император Германии был уверен, что если его секретный договор станет известным, это может вызвать катастрофу, и он не сможет продолжать свою маккиавелистическую работу. Ночной заговорщик, он боялся дневного света, но не переставал конспирировать.

На следующее лето он плавал по Балтике около финских берегов и сообщил Никки о своем желании встретиться с ним «как простой турист, без всякой церемонии».

В действительности, он считал случай благоприятным для выполнения своих планов. Эскадра адмирала Рождественского погибла 27 мая около Цусимы, разгромленная японским флотом. Россия была обречена на бессилие. Революция в Петербурге и в Москве угрожала самодержавному режиму. Сама Франция получила вызов от Германии на алжезирасской конференции. Не являлось ли все это удобным моментом для Германии и для ее императора, чтобы изолировать окончательно Англию и навсегда отдалить Францию от России?

Никки не осмелился отклонить предложение Вилли и две яхты встретились 3 июля, около Выборга, в спокойных водах Биорке-Зунд. Только через двенадцать лет после русской революции, из подлинных документов стало известно о том, что произошло во время этого свидания [1]).

Николай имел наивность прибыть в Биорке, в качестве простого туриста, как он и приглашался; с ним был только адмирал Бирилев, морской министр, и гофмаршал двора граф Бенкендорф. Тогда Вильгельм II представил ему на борту «Полярной Звезды» текст союзного договора между Германией и Россией.

Царь, который вначале рассматривал этот текст, как новую гарантию мира, подписал его, и статьей 4 он обязался даже предпринять необходимые шаги, чтобы довести текст договора до сведения Франции и предложить своей союзнице присоединиться к нему. Но после от'езда Вилли Никки одумался; он поставил в известность своего министра иностранных дел графа Ламздорфа о случившемся, который раз'яснил ему всю невозможность согласовать комбинации Вильгельма II с наличностью русско-французского союза.

И без уведомления французского правительства о случившемся несчастная конвенция была погребена в частных архивах Николая II.

Кайзер не легко согласился на этот отказ от соглашения, так как 12 октября он телеграфировал еще царю:

«Мы соединили свои руки и подписали договор перед лицом бога, который слышал нашу клятву...

---

[1]) См. „Договор в Биорке", Мориса Бомпара, посла Франции в Revue de Paris 15/V—1908.

То, что подписано—подписано. Бог наш свидетель. Я жду твоих предложений».

Такова была, скажем это откровенно, великая слабость нашего союза с Россией.

Император Александр III опасался перед 1891 годом, чтобы наш парламентарный режим не придал бы неопределенности и слабости дружбе двух стран. Это опасение никогда не подтвердилось никакой нескромностью или неблагоразумным поступком со стороны Франции. Но в России, где прочность союза покоилась исключительно на личной воле императора, мы всегда чувствовали себя в зависимости, я не скажу от нелойяльности, но во всяком случае от ошибки или уступчивости русского императора.

К счастью, германские интриги потерпели неудачу перед лойяльностью Николая II и благодаря тому культу, который он испытывал, как я уже говорил, перед решениями принятыми его отцом.

Но тем не менее, до самого начала войны он сохранял с Вильгельмом II самые интимные отношения. И как можно приписывать тройственному соглашению враждебные намерения по отношению к тройственному союзу, и как можно говорить об окружении, когда между двумя государями этих двух групп поддерживались столь близкие и дружеские отношения? Если англо-русское соглашение по поводу Персии и Персидского залива предопределило заключение тройственного соглашения и если Эдуард VII отдал визит царю в Ревеле в июне 1908 года, то между Николаем II и Вильгельмом II произошла встреча в Свинемюнде в 1907 году; она повторилась в 1909 году; царь посетил Потсдам в ноябре 1910 года; 19 августа 1911 Россия и Германия согласились относительно двух зон по анатолийской

железной дороге и в северной Персии; Россия признала законность германского стремления к Багдаду; в 1912 году, после новой встречи, которая на этот раз состоялась в Балтийском Порте, «Vossische Zeitung» писала: «Балтийский Порт, может быть, будет жить в памяти народов, как место великих политических соглашений». И мы увидим, каким тоном доверчивой дружбы обменивались еще накануне войны хитрый Вилли и нерешительный Никки.

Таким образом франко-русский союз никогда не мог казаться Германии направленным против нее; и entente cordiale тоже не носило агрессивного характера. Англия, в конце концов, не была связана ни с Францией, ни с Россией никаким дипломатическим договором. Ее военный генеральный штаб официально сносился с нашим, чтобы исследовать программу возможной обороны, но даже в том случае, когда мы стали бы жертвами нападения, британское правительство не имело по отношению к нам никакого обязательства; и это положение только весьма незначительно было изменено в последние недели 1912 г.

В апреле 1905 года лорд Лэнсдоун казался склонным сделать еще один шаг и предложил Полю Камбону общую формулу соглашения, значительно более расплывчатую, впрочем, чем та, которая явилась прелюдией в 1891 году для заключения франко-русского союза. В сентябре 1912 года английское адмиралтейство, по инициативе Уинстона Черчилля, установило вместе с нашим морским министерством распределение судов обоих флотов, которое предполагало концентрацию наших эскадр в Средиземном море, и переговоры между Полем Камбоном и сэром Эдуардом Греем возобновились.

Действительно, мы не могли изменять распределение наших морских сил и оставлять без охраны

пролив и наши берега у Атлантического океана, не будучи уверенными, что на случай опасности будет обсуждено создавшееся положение и в случае нужды будут приняты соответствующие меры.

Я был в это время председателем совета министров и министром иностранных дел.

Поль Камбон сообщил мне об этом, и по моему поручению он предложил британскому министру изложить в двух нотах взаимное обязательство, что в случае наличности событий, угрожающих европейскому миру, оба правительства должны немедленно войти в сношения и совместно рассмотреть необходимые мероприятия. Асквит и сэр Эдуард Грей приняли в принципе это предложение, которое я, с своей стороны, представил на рассмотрение французского правительства.

30 октября 1912 года английский совет министров принял текст, соответствующий предложению Камбона и определяющий, что, если война окажется неизбежной, оба правительства введут в действие военную и морскую конвенцию, предварительно подготовленную генеральными штабами. Текст нот, которыми обменялись наш посол и сэр Эдуард Грей, был опубликован в Англии и затем во Франции после вторжения германцев. Редакция их была такова, что она не налагала какого либо определенного обязательства о взаимной поддержке. Английский кабинет не мог принимать на себя обязательства без согласия парламента.

Когда омрачился политический горизонт, мы не были уверены в возможности вмешательства со стороны Англии; и это обусловливало то, что наша дипломатия никогда не переставала быть осторожной.

Несмотря на отсутствие союза, дружба Великобритании давала всякий раз нашей иностранной по-

литике больше устойчивости и авторитета, и во время многочисленных кризисов, которые происходили в Европе, начиная с 1905 года, мы всегда держались плечом к плечу с Англией; мы были связаны с ней не менее близко, чем с Россией. Особенно в балканских делах мы всегда действовали согласованно. В течение многих лет оба правительства советовались между собою, и ни разу никто из них не проявлял своей инициативы отдельно; вплоть до последней минуты они вместе напрягали отчаянные усилия, чтобы спасти мир.

Но как ни становились близки франко-британские отношения, они не нарушали добрых отношений, которые существовали между английским правительством и Германией.

В 1905 году, вскоре после заключения англо-французского соглашения, имели место проявления взаимной симпатии в Лондоне и в Берлине, были устраиваемы завтраки для посла Германии, лорды-мэры и бургомистры обменивались визитами. В 1906 году состоялась встреча Эдуарда VII и Вильгельма II в Фридрихсгофе; на германские маневры была послана миссия с герцогом Коннаутским и Уинстоном Черчиллем. В 1907 году состоялся новый визит короля Эдуарда, одетого в германский мундир, к своему племяннику в Берлин; затем состоялся прием Вильгельма в Лондоне, где он с радостью увидел на одной из триумфальных арок следующую надпись: «Кровь гуще, чем вода». В 1908 году английский морской министр так далеко простер свою предупредительность, что официально сообщил Берлину о своих проектах морских вооружений. Тогда же состоялась новая встреча дяди с племянником в Кронберге и посещение Ллойд-Джорджем Берлина. Последующие годы от-

мечены рядом переговоров и соглашений, которые имели своей целью устранить морское соперничество между двумя нациями. В мае 1911 года Лондон оказал восторженный прием Вильгельму II, когда он неожиданно прибыл, чтобы присутствовать вместе с королем Георгом V на открытии памятника королеве Виктории; тогда же имела место посылка в Берлин знаменитого британского министра, философа и большого поклонника германской культуры, лорда Гольдена, с поручением возобновить, если представится возможным, переговоры начатые в 1908 году между Германией и Англией по вопросу о португальских колониях, и обеспечить вновь обмен программами морских вооружений.

В тот момент, когда марокканские дела и впоследствии балканский вопрос создали опасный кризис, ни франко-русский союз, ни entente cordiale не являлись такими образованиями, которые оказались бы способными компрометировать мир.

Наоборот, они находились в постоянном общении с другой группировкой держав, и Франция, как мы увидим, безупречно вела себя по отношению к Германии и Австрии. Я покажу даже, что в 1912, 1913 и до 1914 года между Германией и нами было настоящее сотрудничество по многим важным вопросам. Исследуя политику, которой придерживалась Франция, начиная с 1870 года вплоть до августа 1914 года, ничего нельзя найти, абсолютно ничего, что бы позволяло, я не скажу инкриминировать нашей стране какое либо преступление, но даже упрекать ее в невольной ошибке.

Глава III.

Марокко и балканский кризис.

1 июля 1911 года, в полдень, барон Шен, германский посол, появился на quai d'Orsay с суровым видом, который он принимал, как я уже говорил, лишь в совершенно исключительных обстоятельствах, и вручил де-Сельву, министру иностранных дел, следующую ноту [1]):

«Торговые германские фирмы, которые имеют дела на юге Марокко и особенно в окрестностях Агадира, обеспокоены возбуждением, царящим среди племен этого района и вызванным, повидимому, последними событиями, происшедшими в других частях страны. Эти фирмы обратились к императорскому правительству, прося у него помощи и покровительства для защиты их жизни и имущества. Правительство считает себя вправе, в виду этой просьбы, отправить в Агадир военное судно, чтобы оказать помощь, в случае необходимости, подданным Германии и покровительствуемым ею лицам и

---

[1]) По марокканскому вопросу следует особенно отметить следующие книги: «Livre jaune».—Le Mystère d'Agadir, par André Tardieu (Calman Lévy).—La Politique marocaine de l'Allemagne, par Louis Maurice (работа, снабженная очень большим количеством документов, принадлежит перу Луи-Морис-Бомпара, французского посла и ныне сенатора от округа Moselle). Albert Bazerque, Les Origines de la guerre mondiale (Plon—Nourrit).—La Diplomatie de Guillaume II, par Emil Laloy (editions Bossard). René Pinon, France et Allemagne (Perrin et C-ie). Mermeix, Chronique de l'an 1911. René Albin, Le Coup d'Agadir.—Outis, Les Négociations de 1911 (Paris, Alcan) и т. д.

в то же самое время охранять германские интересы, которые весьма значительны в этих районах. Когда порядок и спокойствие будут восстановлены в Марокко, судно, облеченное этой покровительственной миссией, покинет порт Агадир».

Мотивы, приведенные в этой ноте, были столько же ложны, как и жалобы, указанные тремя годами позже в тексте об'явления войны. В Агадире не было ничего, что бы угрожало германским фирмам; там даже не было германских фирм. И цели Германии были совсем не те, которые ею указывались. Агадир был тогда закрытым портом, где не могло быть европейской торговли. И цели Германии, как ни злостны они были, были не новы. С полуслова, в конце концов, барон Шен высказал их де-Сельву. Агадирские события,—заявил он—потеряли свою остроту. Германия желала бы вступить с нами в переговоры относительно Марокко и, вообще — относительно Африки; чтобы положить начало этим переговорам, она, следуя своему обычаю, ударила кулаком по столу. Она послала одну из своих канонерок «Пантеру» в агадирские воды.

Этот поступок имел уже свой прецедент шесть лет назад, когда Германия впервые пыталась завязать с нами переговоры по поводу Марокко. 31 марта 1905 года императорская яхта «Гогенцоллерн» внезапно появилась перед Танжером. Вильгельм II покинул судно в сопровождении свиты из пятидесяти человек и был принят Мулай Абдул-Малеком, уполномоченным султана. Отвечая на обращенные к нему приветствия, он заявил тоном покровителя:

«Сегодня я делаю визит султану, как независимому суверену. Я надеюсь, что под суверенитетом султана, свободное Марокко окажется открытым для соревнования всех наций, без всяких монополий

или захватов, в условиях полного равенства. Мой визит в Танжер имеет своей целью показать, что я решил всеми имеющимися в моем распоряжении средствами защищать интересы Германии в Марокко. Рассматривая султана, как совершенно независимого суверена, я именно с ним хочу сговориться относительно мероприятий для защиты этих интересов».

В тот момент, когда Вильгельм II совершенно спешно прибыл в Танжер, чтобы произнести эти слова, французская миссия находилась в Феце, уже в течение целых двух месяцев. Она была послана туда после длинной серии тщетных представлений, чтобы заставить султана Абдул Азиза произвести необходимые реформы не только в целях ограждения французских интересов в Марокко, но и для обеспечения безопасности нашей алжирской колонии; и Вильгельм, который это знал, старательно закончил свою речь следующими словами: «Что касается тех реформ, которые султан имеет намерение произвести, то, мне кажется, их нужно проводить с большими предосторожностями, принимая во внимание религиозные чувства населения, дабы не был нарушен общественный порядок».

Вильгельм II афишировал свое уважение к религиозным чувствам мусульманского населения несколькими годами раньше, когда он отправился в Дамаск, на могилу Саладина, выказывая себя защитником ислама в Азии и в Африке. Но в этот раз, в Танжере, он выступал исключительно против Франции. Он не мог не знать тех затруднений, которые марокканские племена много раз причиняли нам на границах нашего Алжира; он знал, что сохранение порядка в Марокко было для наших африканских владений жизненной необходимостью; его выступление в Танжере, его речь, его предложение

помощи султану Феца,—все это было в то время враждебной манифестацией против нас.

Каковы бы ни были в 1905 и в 1911 году германские интересы в Марокко, оба жеста в Танжере и в Агадире носили однородный характер; подобными выступлениями империя рисковала возбудить общественное мнение Франции, если бы наша страна не проявила твердой решимости не позволять себе никакого неосторожного поступка. Но после этих демонстраций, враждебных и вызывающих, каким образом можно было бы помешать нашей оскорбленной национальной гордости оставаться лишь негодующей. Наш народ слишком склонен к миру, чтобы отвечать на враждебность Германии, но ему достаточно трудно сдерживаться, чтобы не встретить аплодисментами проходящий военный отряд или трехцветное знамя, которое развевается по ветру. Тогда Германия кричит о нашем шовинизме, и некоторые иностранные дипломаты слишком быстро принимают на веру ее слова. И тем не менее именно она постоянно стремилась возбудить во Франции общественное мнение.

Сначала Германия прикидывалась совершенно незаинтересованной в Марокко. В 1880 году в Мадриде собралась международная конференция, по инициативе Англии, чтобы определить права консульств, учреждаемых великими европейскими державами в империи шерифа. И по этому случаю князь Гогенлоэ, по поручению Бисмарка, известил нас, что Германия, не имея никаких интересов в Марокко, дает своему делегату на конференцию инструкцию защищать то положение, которое будет поддерживаться Францией. Фрейсине, министр иностранных дел, принял это сообщение, которое совершенно совпадало с последующими заявлениями.

Через семь лет князь Бисмарк возобновил те же уверения маркизу Беномару, послу Испании в Берлине.

Но мало-по-малу Магзену приходит мысль—я не стану утверждать, что это делалось добровольно — искать в Берлине поддержку против нас, когда мы имели основания жаловаться на мятежные племена, которые непрестанно беспокоили наше алжирское население. В 1889 году пышная марокканская миссия была послана в Германию, и на следующий год граф Татенбах вел переговоры и подписал с Марокко торговый договор. Однако это не было началом новой политики. Через двенадцать лет, в 1901 году, султан, желая вызвать новые интриги со стороны Берлина, послал туда Эль-Менебхи, своего военного министра, который посетил Круппа, но не был принят графом Бюловым, новым канцлером империи. 12 января 1903 года Бюлов повторил Бигуру, что Германия не имеет интересов в Марокко. 8 апреля 1904 года было заключено соглашение, по которому Англия признавала наши специальные интересы в Марокко, и 6 октября Испания, которой была предоставлена особая зона влияния, присоединилась к франко-английской декларации.

Ни в апреле, ни в октябре Германия не протестовала; она заявила, наоборот, что она не имеет возражений. Правда, она начала скромно говорить о своих марокканских интересах, но это были—как она говорила—интересы экономические, и она признавала, что им ничто не угрожает [1]).

---

[1]) Декларация Бюлова в рейхстаге от 12/IV; разговор Бигура и Рихтгофена 14 октября.

Больше того, 4 января 1905 года, когда появился слух о новой марокканской миссии, которая должна была отправиться в Берлин, Радовиц, германский посланник в Мадриде, поспешил заявить нашему поверенному в делах в Испании Маржери: «Если Эль-Мокри едет в Берлин, чтобы протестовать против франко-испанского соглашения, он встретит там соответствующий отпор».

И через три месяца после этого Вильгельм II посетил Танжер. Франция испытывала возбуждение; весь мир был изумлен. Что такое произошло? Это не замедлило стать известным.

30 мая марокканский султан приглашает уполномоченных держав, подписавших конвенцию 1880 года, на конференцию, где должны были быть рассмотрены реформы, подготовленные для шерифской империи. Другими словами, он стремился порвать переговоры в Феце между султаном и Францией и ввести Германию в обсуждение проекта марокканских реформ. Барон Ланкен и князь Радолин тогда же сделали Рувье, председателю совета министров и министру иностранных дел, следующее угрожающее заявление: «Вы должны знать, что Германия стоит за Марокко» [1]).

Однако, так как никакая другая держава не последовала примеру Берлина и созыв конференции был потребован только Германией, Рувье попытался добиться соглашения путем непосредственных переговоров. Германия отказалась. Она рассчитывала, несмотря ни на что, добиться благоприятных результатов на международной конференции.

6 июня 1905 года в совете министров был поставлен этот сложный вопрос об участии Франции на

[1]) Рувье Бигуру 11 июня 1905 года Livre jaune, p. 232.

конференции. Делькассе, министр иностранных дел, настаивал на отсутствии Франции и в то же самое время сообщил своим коллегам предложение о соглашении, которое в письменном виде было переслано ему через Поля Камбона несколькими днями раньше лордом Лэнсдоуном. Рувье, который в то время еще питал доверие к некоторым обещаниям, исходящим из Берлина, настаивал, наоборот, на отклонении английского предложения. Делькассе подал в отставку.

Но гордая тем, что она рассматривала, как свой успех, Германия сейчас же показала себя весьма требовательной, как только начались переговоры между Полем Ревуалем и Розеном, в целях определения программы будущей конференции; Рувье, опасаясь подвергнуться унижению и вызвать конфликт и поняв, что он сделал ошибку, запросил Поля Камбона, можем ли мы еще рассчитывать на поддержку Англии.

Говоря об этом инциденте в работе, которую я уже цитировал, князь Бюлов писал: «Делькассе ушел в отставку. Он удалился, и это случилось потому, что наша воля осталась твердой». Он прибавляет: «В Алжезирасе мы естественно испытали затруднения со стороны держав Антанты и по той причине, что другие державы проявили мало интереса к марокканскому вопросу».

Князь Бюлов не осмеливается откровенно признать ошибки императорского правительства.

Это не было результатом отсутствия интереса со стороны других держав, помимо держав тройственного согласия, так как даже Италия и Австрия отказались поддерживать на алжезирасской конференции претензии Германии в виду того, что они находили эти требования чрезмерными и невыпол-

нимыми; и Германия, в конце концов, не получила от конференции того, чего она ожидала. Но алжезирасский трактат оказался достаточно неясным и достаточно сложным, чтобы дать возможность вероломному правительству питать надежды на лучшее будущее. Несомненно, что 8 июля 1905 года в тот момент, когда Германия и мы пришли к соглашению относительно общих принципов конференции, Германия признала особое положение «и специальные интересы Франции в Марокко», и эта убедительная формула проникала все содержание акта 8 апреля 1906 года. Но Германия добилась признания полного суверенитета султана, именно того, что ей позволяло интриговать около него; ею было установлен интернациональный регламент для организации полиции; она настояла на создании государственного банка, основанного на международные средства, и она обеспечила германским фирмам открытый порт в Марокко.

Вот что писал по этому поводу князь Бюлов: «В будущем обсуждении марокканских дел Германия таким образом получила решающий голос, от которого—прибавил он—мы не откажемся без достаточных компенсаций». И эти немногие слова предупреждают нас и об'ясняют нам маневры последующих лет и переговоры 1911 года: маневры в Италии, где Германия пыталась тщетно восстановить Сонинно против Франции в вопросе о марокканском банке, маневры в Константинополе, где она пыгалась побудить халифа повлиять на султана Феца, маневры в самом Марокко, где граф Таттенбах и доктор Розен пытались вырвать от Магзена без об'явления торгов, т. е. в нарушение алжезирасского акта, уступки и концессии, и где такие бандиты, как Рессули, подстрекаемые Германией, вызывали беспорядки и тревогу.

Убийство Шарбоние на пляже Танжера, убийство доктора Мошан в Маркеше, убийство девяти европейцев, французов, итальянцев, испанцев,—вы вспоминаете эти последовательные преступления, совершенные около четырнадцати лет тому назад в стране, вполне умиротворенной теперь под властью французов. По соглашению с Испанией мы были вынуждены переправить наши военные отряды в Казабланка, чтобы защитить от угроз наших граждан. Но в то же самое время, из уважения к алжезирасскому акту, мы были вынуждены дать приказ генералу Дрюду и генералу Пикару не выходить из города; во все это время германцы Казабланки, организуемые и направляемые Карлом Фиком, которому суждено было быть расстрелянным за шпионство в начале войны 1914 года, посылали агентов в Шауйа, чтобы там поднимать восстание, и мы сами были вынуждены занять Сеттат. Сейчас же Карл Фик привел в движение германского консула, императорское правительство, парижского посла; и князь Радолин явился на quai d'Orsay, чтобы заявить, что Германия видит себя вынужденной отказаться от политики уступок и соглашений. За этим последовало, как вы вспомните, об'явление священной войны Мулай Гафидом, присоединение Германии к этой войне, поражение Абдул Азиса, признание Мулай Гафида и, наконец, 25 сентября 1908 года тяжелый инцидент в Казабланке.

Германцы этого города, с помощью их консульства, образовали настоящее агентство для провоцирования дезертирства из нашего иностранного легиона. Мы оказались совершенно обезоруженными против этих тайных махинаций, потому что режим капитуляций, который был установлен в Марокко, защищал от судебного преследования подданных всех европейских держав.

Только в 1914 году, после начала войны, мы имели возможность узнать из текста преступной инструкции и из перехваченных документальных доказательств правду об этих махинациях, большая часть которых проводилась консулом Германии неутомимым Карлом Фикром. Он входил в переговоры с солдатами, помогал побегам и перевозил дезертиров на германских пароходах.

В то же самое время германская пресса вела бешенную кампанию против самого существования нашего иностранного легиона, которая продолжалась до самого об'явления войны. Видеть германцев, свободно поступающих на службу Франции, было ненавистно для Германии, и она заявляла, что мы путем обмана вынуждаем их согласие. Верность и преданность, которые легионеры проявили за все время военных действий, достаточно ясно обнаружили неосновательность этих обвинений и искренность чувств, которую эти солдаты всегда проявляли по отношению к гостеприимной Франции. Но агентство в Казабланке возбуждало радужные надежды у тех, кого оно искало совратить, и с 18 по 22 сентября 1908 года оно решило помочь дезертирству двух германцев, одного германца, натурализовавшегося во Франции, одного русского, швейцарца и австрийца. Германский консул выдал им гражданское платье, в течение нескольских дней секретно содержал их в городе и утром одного дня решил переправить их на борту германского парохода «Синтра», который находился на рейде. В назначенный час их препроводили в порт, обставив это насколько возможно незаметно, в сопровождении чиновника германского консульства и одного туземца. По несчастной случайности шлюпка, в которой они ехали, опрокинулась, и они были вынуждены вернуться на берег.

Комендант порта приказал их арестовать. За этим последовала ссора, и императорский германский консул, который дал письменное поручение своему чиновнику переправить шесть дезертиров, явился к своему французскому коллеге и жаловался ему с большой настойчивостью. Правительства немедленно были извещены об этом инциденте. Австрия не высказала интереса к делу, не смотря на то, что один из задержанных был ее подданный. Но Германия, понятно, пыталась покрыть поведение своего агентства по дезертирству, и тот же барон Ланкен, который обыкновенно появлялся в тревожные моменты, как, например, его вмешательство в 1911 году в наиболее тревожное время, его губернаторство в Бельгии во время убийства мисс Кавелль, его попытка в 1917 году втянуть нас в гнусную ловушку,—этот самый барон Ланкен появился 28 сентября на quai d'Orsay, чтобы потребовать там от имени своего правительства «быстрого и полного удовлетворения».

По соглашению с Клемансо, который в то время был председателем совета министров, Пишон, министр иностранных дел, ответил требованием, чтобы консул Людериц был дезавуирован и наказан. Перед твердостью этого ответа императорское правительство, после нескольких дней колебания, само предложило передать разногласие на третейское рассмотрение.

Едва Пишон принял это предложение, как Германия заявила тысячу придирок по вопросу о редакции компромисса, о назначении арбитров, и только 24 ноября текст его мог быть подписан. Решение было вынесено 22 мая 1909 года и дало полное удовлетворение Франции, устанавливая «явную и тяжкую ошибку» чиновника императорского консульства. Но в течение многих месяцев тревога царила в Европе, и шум, поднятый Германией вокруг этого ин-

цидента в Казабланке, пробудил в сознании наций смутное предчувствие будущей войны.

Тем временем Франция дала Германии новое свидетельство благожелательности. Раньше, чем решение состоялось, она заключила с императорским правительством соглашение, элементы которого были подготовлены за два года перед этим и относятся ко времени 8 февраля. Германия заявляла, что она преследует в Марокко только экономические интересы, и признавала, что особые политические интересы Франции тесно связаны с установлением внутреннего порядка и мира.

Франция, которая еще раз обязывалась уважать независимость и неделимость шерифской империи, в то же время принимала на себя обязательство не нарушать торговых и промышленных интересов Германии. И, — неожиданная вещь, все неудобства которой не были сначала замечены французским правительством, — обе державы заявляли, что они будут искать путей для сотрудничества обеих наций в делах, в которых эти последние могли бы достичь взаимной выгоды в Марокко.

Это было началом политики экономического и финансового сотрудничества между Германией и Францией, и вы видите, что эта важная уступка германским требованиям была сделана людьми, которых империя всегда порицала за их национальную непримиримость, — Клемансо и Пишоном.

Правда, в переговорах о соглашении Жюль Камбон позаботился указать, что при образовании консорциума следует принять во внимание действительное положение вещей, которое характеризуется тем, что французские интересы в Марокко более велики, чем интересы германцев. Но сейчас же после подписания соглашения Германия приняла на

себя труд показать, что не так то легко умерить ее алчные желания. Воодушевленное искренним стремлением практически осуществить соглашение 8 февраля, французское правительство послало в Берлин Гюйо, делегата держателей марокканского займа и в то же время контролера шерифских таможен. Гюйо встретил настолько повышенные требования, что для него оказалось невозможным достичь образования намеченных обществ, и он был вынужден предоставить деловым людям обеих стран — финансистам и предпринимателям по работам общественного характера — заботу самим придти к соглашению. Это непосредственное соглашение встретило непреодолимые трудности, и оба правительства должны были снова сговариваться, чтобы оказалось, наконец, возможным, 17 февраля 1910 года, заключить новое соглашение и основать марокканскую компанию общественных работ, актив которой составлялся взносами из 50% для Франции, 30% для Германии, 7½% для Испании, 7½% для Англии, 2½% для Бельгии и 2½% для Швеции. Но вопрос относительно самих работ — дороги, порты, железные дороги—распределения поставок и предприятий между Францией и иностранцами не получил точного решения, и не было принято никаких мер для устранения соперничества. Таким образом, во время переговоров Германия поспешила оказаться впереди в Марокко и заботливо захватила большую часть концессий. Братья Маннестанн особенно постарались и через Мулай Гафида получили почти все рудники в ущерб интересам франко-германской группы «Союз по разработке рудников», и, когда Ренье, посланник Франции, явился к султану, он оказался перед запертой дверью. Карл Фик, вся корреспонденция которого была обнаружена в 1914 году, по-

догревал ревность своих агентов и подстрекал их создать негодующее настроение у Магзен. Вопреки заявлению о политической незаинтересованности, которое нам было сделано, Германия не отказывалась обойти султана, и в то же самое время, когда она парализовала в Марокко результаты нашего теоретического соглашения, она стремилась распространить их на другие африканские области. Она получила, таким образом, от Пишона одобрение проекта образования консорциума из французской компании Нюко Сингха и германского Камеруна; затем, так как этот проект встретил оппозицию в палате депутатов со стороны бюджетной комиссии, Ланкен предложил на quai d'Orsay провести железную дорогу из Конго в Камерун; короче говоря, желая принять участие в марокканских делах, Германия искала случая также принять участие в делах Конго.

В то же самое время начались беспорядки в шерифской империи. Северные племена восстали против власти султана и подошли к стенам Феца, угрожая безопасности европейцев. 27 апреля 1911 года Мулай Гафид, поняв, что он рискует своим троном, и что германцы, делая его своим орудием, толкают его на опасную авантюру, обратился к Франции с отчаянным призывом. Франция, на которую самими конвенциями была возложена ответственность за сохранение порядка в Марокко, не могла оставаться пассивной. Тем не менее она позаботилась о том, чтобы не делать ни шага без осведомления Берлина о своих опасениях и намерениях. Она тщательно осведомляла Германию обо всяких посылках отрядов и о подготовляемых мероприятиях. Бетман-Гольвег, который явился преемником князя Бюлова 14 июня 1909 года, не заявлял никаких протестов против проектов, которые ему сообщались; но этими

рассчетливыми умолчаниями он дал почувствовать Жюлю Камбону, что Германия искала удобного случая заявить о своих колониальных домогательствах также и в других местах, помимо Марокко. Наше законное право обязывало нас не обращать на это внимания и ожидать спокойно, чтобы Германия формулировала свои претензии. Мы дали новое доказательство нашей готовности идти на соглашение; одновременно мы предложили Германии начать переговоры.

«Сообщите нам что нибудь из Парижа»—сказал Жюлю Камбону германский министр иностранных дел, Кидерлен Вехтер, в тот момент, когда наш посол покидал его в Киссингене, чтобы отправиться на несколько дней во Францию. Десятью днями позже, без всякого предупреждения, Германия послала «Пантеру» в Агадир, и она держала ее там во все время переговоров, которые велись между нею и нами. Таким образом, она бросала на ход наших переговоров тень своей шпаги и создавала во Франции впечатление, что она заставляет нас уступить угрозам. Странный способ подготовки договора, которому надлежало, как говорилось, устранить все разногласия между двумя странами.

Во время переговоров, которые предшествовали подписанию договора, все было сказано; и в конце концов нам не удалось бы достичь желаемых результатов, если бы не поддержка со стороны Англии и России, так как Германия явно стремилась осложнить переговоры. Но нужно признать, что договор 4 ноября 1911 года не удовлетворил ни Францию, ни Германию.

В Берлине колониальная партия и пангерманисты, влияние которых за последние годы значительно возросло, горячо протестовали против оста-

вления Марокко и против неудовлетворительных компенсаций, полученных в Конго. Во Франции уступка значительной территории народу, который у нас отнял две провинции и который стремился унизить нас, принуждая вести переговоры под угрозой пушек, оставила в душе нашего народа тягостное впечатление. Палата депутатов согласилась ратифицировать франко-германское соглашение только после долгих дебатов, и после того, как рассмотрение его в комиссии сената вызвало министерский кризис. Кабинет, составление которого было поручено мне, и который включал таких лиц, как Бриан, Леон Буржуа, Мильеран, Делькассе, не был особенно расположен взять на себя труд провести соглашение через сенат и получить его одобрение.

Мы не замедлили констатировать, что Германия снова начала практиковать в процессе выполнения соглашения свои обычные приемы.

Маннестан и Карл Фик возобновили свои интриги. Они пытались повлиять на Мулай Гафида, чтобы он отверг акт о протекторате, который был ему представлен мною. Эти попытки закончились неудачей, и 30 марта 1912 года султан дал свою подпись. Но в течение всего года инциденты увеличивались, и каждый раз, когда что либо случалось, Шен обращался непосредственно к министру иностранных дел. Однажды это касалось ссоры одного германца Вертгена с его соседями по вопросу о мучной вывозной торговле. В другой раз само германское правительство, несмотря на договор 4 ноября, незаконно предоставило консульское покровительство туземным повстанцам, вроде Мохаммеда Хиба, саида Геллули и шерифа Бен Хаццаун. В следующий раз дело шло о ворах, которых мы арестовали, и оказалось что

они связаны германской фирмой Реншаузен. Германское правительство, подстрекаемое пангерманистской прессой, протестовало.

Я согласился на третейское разбирательство, которому предшествовало образование смешанной следственной комиссии, согласно ст. 9 договора; и тотчас же Германия на место драгомана послала Шабингера, который прибыл в сопровождении шумного экскорта и представился, как уполномоченный самого императора в деле назначения представителей от местных французских и марокканских властей. Или еще случай с Карлом Фиком, который потребовал возмещения убытков за оккупацию нашими отрядами территории, владельцем которой он внезапно оказался, причем Шен требовал, чтобы этот вопрос не был представлен на рассмотрение суда; действительно, дело было ликвидировано полюбовно послом Германии и представителем французского правительства, путем уплаты нами значительной суммы в возмещение убытков.

Короче говоря, каждую минуту договор создавал все новые затруднения, и тем не менее Франция не переставала выказывать терпение и хладнокровие, которые были наилучшим доказательством ее миролюбия.

К счастью для Марокко, генерал Лиотей принял предложенный ему мною пост главного резидента французской республики в шерифской империи. Он быстро восстановил порядок в стране, но, не смотря на то, что еще в феврале 1913 года он был уполномочен вступить в непосредственные пегероворы с германским посольством, в целях найти пути для улажения спорных вопросов, ему не удалось сделать этого до самого начала войны, в виду оппозиции со

стороны германцев, и 28 июля 1913 года он сообщал правительству: „Эта враждебность Германии является основной линией ее политики в Марокко». Хотя 12 статья договора 4 ноября обязывала императорское правительство пересмотреть список покровительствуемых им лиц, оно упрямо отказывалось от этого пересмотра, и есть все основания думать, что если бы Германия не решила прибегнуть к оружию в августе 1914 года, она вскоре возобновила бы в Марокко танжерские и агадирские инциденты. Бумаги, захваченные у Карла Фика и у некоторых из его сообщников, доказывают, что против нас в шерифской империи со стороны Германии существовал постоянный заговор.

Но Восток предоставлял германской империи возможность более быстро сыграть ту великую роль, о которой мечтал Вильгельм II, так как именно он должен был обеспечить или мирным путем, если возможно, или посредством войны, если это окажется более удобным, окончательную гегемонию центральной Европы [1]).

Вы знаете, какими исскуственными и непрочными комбинациями берлинский конгресс предполагал установить спокойствие на Балканах. Сан-Стефанский договор был уничтожен. Великие державы присвоили себе право разделить, как им захочется,

---

[1]) Следует особенно отметить следующие книги по этому вопросу: Les Origines de la guerre européenne, par Auguste Gauvain (Armond Colin)—La Marche à la guere, par Jacques Bardoux (Félix Alcan),—Les Auteurs de la guerre, par Ernest Daudet,—L'Allemagne avant la guerre, par baron Beyeus,—La diplomatie de Guillaume II par Emile Laloy (éditions Bossard),—L'Europe et la jeune Turquie par René Rinou;—La Monurchie des Habsbourg, par H. W. Steed, перев. Firman Roz (Armand Colin) и т. д.

спорные области; Австрия, которая не принимала никакого участия в войне, подстрекалась Бисмарком лишить Россию плодов ее побед; интересы славян были решительно принесены в жертву; монархии Габсбургов было поручено 25 статьей берлинского трактата занять и управлять Боснией и Герцеговиной, в качестве мандатера Европы, и держать гарнизон в ново-базарском санджаке. Заинтересованное население не принимало участия в обсуждении этого мероприятия, которое никоим образом не согласовалось с его желаниями, и в течение многих лет оппозиция со стороны общественного мнения не позволяла Австро-Венгрии установить более прочно свое господство в Мостаре и в Сараево. Она оказалась там в том же положении, как и Германия в Эльзас-Лотарингии, и, таким образом, на западе и на востоке было совершено две несправедливости, два явных насилия над человеческой совестью, создано было два длительных и скандальных процесса, которые лишали Европу прочной организации и затрудняли поддержание мира.

Двуединая монархия не замедлила, однако, пожелать расширить еще дальше свои вожделения. Весной 1897 года, когда император Франц-Иосиф отправился в Петербург, чтобы отдать визит Николаю II, который новый царь сделал Вене в августе 1896 года, status quo на Балканах был принят правительствами, но граф Голуховский первоначально предполагал получить согласие графа Муравьева и России на аннексию Австрией Боснии и Герцеговины. Quos vult perdere, Jupiter dementat. Австрия не понимала, что, чем больше она насиловала совесть населения, тем больше она ускоряла ход событий, которые должны были подготовить ее гибель. «Этот век предназначен для того, чтобы разрешить восточный во-

прос»—писал Альберт Сорель—«И в тот день, когда его считали разрешенным, Европа увидела необходимость разрешить австрийский вопрос»[1]). Австрийский вопрос был поставлен тем более фатально, чем более противоречили желаниям и свободе населения те решения, которые приняла Австрия для восточного вопроса.

Австро-венгерская политика колебалась, однако, несколько лет еще на пути, который вел к пропасти. В сентябре 1903 года, царь, в сопровождении графа Ламздорфа, преемника графа Муравьева, прибыл приветствовать императора Франца Иосифа в Шенбрунне, и оттуда оба государя проследовали вместе в Мюрцштег, в Штирии, где у дома Габсбургов был охотничий замок. Там были определены общие штрихи программы сотрудничества, известной под именем мюрцштегской программы, и главная статья которой содержала назначение гражданских агентов, русских и австро-венгерских, которые должны были явиться в качестве attachés в Македонии при генерал-инспекторе Хильми-Паша и наблюдать за выполнением программы реформ, об'явленных по отношению к христианскому населению.

По инициативе Англии, этот план был расшипен, и интернациональная комиссия была облечена полномочиями контролировать восстановление порядка на Балканах. Но Австрия никогда искренно не принимала участия в этой комиссии. Не взирая на опасности, которые рано или поздно обнаружились бы в ее взаимоотношениях с Россией по вопросу о сохранении мира, она видела в этом сред-

---

[1]) Albert Sorel. Question d'Orient au dix huitième siécle (Paris, 1902).

ство для поддержания своего влияния на полуострове и обеспечение себе дороги на Салоники.

Когда в октябре 1906 года барон Эренталь занял место графа Голуховского, австро-венгерская дипломатия стала более честолюбивой, настойчивой и, нужно прибавить, более вероломной.

К началу 1907 года барон Эренталь, который по происхождению был богемским немцем, очень предприимчивым и лицемерным, вошел в соглашение с Бюловым о том, чтобы сделать русскому министру иностранных дел Извольскому предложение, содержание которого отвечало непрекращавшимся стремлениям Берлина отдалить Россию от Англии, связав ее с Германией. Предполагалось создать для разрешения восточного вопроса группировку из Австрии, России, Германии и Франции, и, таким образом, англо-французское соглашение было бы уничтожено и англо-русская конвенция, которая должна была быть подписана 31 августа 1907 года, становилась бы невозможной.

Русское правительство не поддалось на соблазны и обещания, которые были ему предложены, и этот проект не получил своего завершения. Тогда Эренталь заинтересовался македонскими делами, и в октябре 1907 года Извольский прибыл в Вену, где оба они набросали, при полном видимом согласии, программу судебных преобразований на балканском полуострове. В то же самое время Эренталь цинично предложил Порте сохранить турецкую юрисдикцию, если Австро-Венгрии будет предоставлена концессия на постройку железной дороги через ново-базарский санджак. И, действительно, когда конференция послов собралась в Константинополе, чтобы приступить к изучению проекта судебной реформы, маркиз Паллавичини, посол Австро-Венгрии, и его герман-

ский коллега, барон Маршаль фон Биберштейн, высказывались против введения реформ.

28 января 1908 года барон Эренталь внезапно заявил делегациям, что постройка железной дороги намечена, что она будет построена, и что центральная Европа, посредством этой новой дороги, будет соединена с Египтом и с Индией. Месяцем позже в палате общин сэр Эдуард Грей не мог воздержаться от выражения сожалений по поводу странного поведения Австро-Венгрии, которая выговорила у султана эту выгодную для себя сделку в тот момент, когда все державы сообща работали над тем, чтобы дать балканскому населению нелицеприятное и неподкупное правосудие.

Однако ничто не могло удержать Австрию на той наклонной плоскости, по которой она катилась.

Король Эдуард VII и царь встретились 9 и 10 июня 1908 года в Ревеле и сэр Чарльз Гардвидж снова поднял там в разговоре с Извольским вопрос о македонских реформах, но в это время младотурки поспешили с выполнением заговора, который они подготовляли в течение некоторого времени при участии Австрии.

24 июля произошел переворот в Константинополе. Однако, как известно, король Англии, после своего визита в Ревель, отправился на свидание с германским императором в Фридрихсгоф и с императором Франц-Иосифом в Ишль. Во время этих трех встреч он пытался достичь в переговорах с тройственным союзом ограничения морских вооружений; но вынужден был отправиться в Мариенбад, ничего не достигнув. Ни в Германии, ни в Австрии ему не сообщили о планах барона Эренталя наложить свою руку на Боснию и Герцеговину. Извольский в свою очередь посетил в сентябре в Бухлау,

в Моравии, барона Эренталя в имении графа Бертольда, который был австрийским послом в России; и там русский министр счел, к сожалению, удобным предоставить свободу действий двуединой монархии в Босни́и и Герцеговине с тем, чтобы Австрия обязалась одобрить открытие проливов.

Если, впрочем, верить Извольскому аннексия Боснии и Герцеговины не должна была произойти немедленно, и он требовал, чтобы Россия была заранее осведомлена об этом. Из Бухлау он отправился в Раконидж, где вел с королем Виктором-Эммануилом долгие беседы, которые установили между Италией и Россией весьма дружественные отношения; а 9 октября 1908 года, когда он возвратился в Париж, он получил от Эренталя частное письмо, в котором сообщалось о неминуемости аннексии.

Несколькими днями раньше и неделей позже свидания в Бухлау, князь Фердинанд Болгарский, тайные переговоры которого с Австрией были обнаружены только во время последней войны, прибыл в Будапешт, где он был принят, как король и как царь, и оттуда он проследовал в Вену для совещания с Эренталем. Разве это было простым совпадением, что накануне того дня, когда было подписано на Бальплаце распоряжение об аннексии Боснии и Герцеговины, князь Фердинанд об'явил независимость Болгарии? Мало оснований думать, что это было простой случайностью, так как 3 октября в Париже граф Кевенхюллер, австрийский посланник, заявив об аннексии, и прибавил, что это событие могло бы быть опережено проявлением инициативы со стороны Софии. Есть все основания думать, что здесь имела место двойная комбинация и что она сверх того была одобрена Берлином. Понятно, что Извольский чувствовал себя обманутым Эренталем и

так это в действительности и было. Но он сам совершил ошибку, поскольку он начал переговоры с Австрией и стремился распорядиться судьбой славянского населения, не имея на то его согласия. Чтобы провести аннексию, Австрия оказалась вынужденной послать значительные военные силы в обе провинции, и, так как это создало возбуждение в Сербии, она произвела мобилизацию на границе, что вызвало, в качестве контр-удара, соответствующие мероприятия в России. С другой стороны, младотурецкий кабинет, приписывая происках со стороны Вены об'явление независимости Болгарии, прекратил все коммерческие сношения с Австро-Венгрией. Эренталь был вынужден пойти на соглашение с Турцией. Он отказался в январе 1909 года от прав, которые были предоставлены Австро-Венгрии берлинским трактатом в отношении ново-базарского санджака, обещал установить религиозную свободу для мусульман в Боснии и Герцеговине, обязался уплатить в виде возмещения убытков два с половиной миллиона турецких фунтов и получил взамен признание аннексии. Но зло этим не ограничилось. Произведя территориальное присоединение, вопреки желанию населения, император Франц-Иосиф уничтожил договор, санкционированный международным конгрессом; впервые он вызвал призрак войны; он нарушил все основы права; и сверх того он оскорбил патриотизм сербов, которые всегда рассматривали своих соседей в Боснии и Герцеговине, как братьев по крови. Короче говоря, аннексия 1908 года явилась прелюдией для ультиматума 1914 года. Оба акта имеют одинаковое содержание: первый об'ясняет второй; второй—завершает первый.

Возбуждение в Сербии продолжалось. Под давлением общественного мнения, король составил кабинет из вождей всех партий, который открыто принял

программу сопротивления Австрии. Австрия, с своей стороны, делала все, чтобы подогревать это возбуждение: по ложным доносам она возбудила в Аграме большой процесс против пятидесяти сербов и кроатов, против которых нельзя было выдвинуть ни одной серьезной улики. Их обвиняли в создании обширного заговора, как на территории государств, составляющих двуединую империю, так и на территории Боснии и Герцеговины, с целью образования великой, независимой Сербии. Вы помните, что все документы, которые должны были доказать существование этого воображаемого заговора, были сфабрикованы: одни — полицейскими Землина и Аграма, другие—агентами, которые работали в австро-венгерском посольстве в Белграде под руководством графа Фаргача, которого мы видим в 1914 году среди советников монархии и редакторов ультиматума. Он уже в 1910 году работал над тем, что Австрия называла тогда и позже карательной экспедицией против Сербии. Если бы Сербия не приняла официально аннексию Боснии и Герцеговины, она должна была подвергнуться нападению.

Для Австрии была нужна тогда, точно так же, как ей понадобилось в 1914 году, полная капитуляция со стороны маленького королевства, которое имело смелость не желать сказаться порабощенным. Сербский кабинет попытался аппеллировать к Европе, но, так же как и в 1914 году, монархия не считала возможным признать, что вопрос о балканских национальностях носит международный характер; она желала решать его одна, в соответствии с ее собственными интересами.

С другой стороны положение Сербии создавало для России невозможность признать voie de fait, принятый Австрией; и так как Эренталь не спешил

с выполнением компенсаций, которые он обещал Извольскому, русский министр иностранных дел считал себя свободным от обязательств.

Создалось такое положение, когда в каждую минуту готова была разразиться война. Франц-Иосиф обратился к Вильгельму II, и императорское правительство тотчас же поручило своему послу в России графу Пурталес посетить Извольского и сделать ему предостережение, которое с прелестным евфемизмом Германия квалифицировала, как дружественное представление. 23 марта 1909 года граф Пурталес заявил России, что, если она не признает аннексии Боснии и Герцеговины, без промедления и с полной искренностью, Германия увидит себя вынужденной предоставить свободу действий Австрии в Сербии, и что тогда «это будет означать войну». Посол пошел еще дальше; он дал понять русскому министру, что, в то время когда австрийская армия будет занимать юг, Германия примет военные меры, чтобы гарантировать своему союзнику безопасность его северных границ. В тот же момент доктор Фридьюнг начал в Neue Freie Presse публикацию известных документов, ложность которых была доказана, и которыми пытались показать, что между сербским правительством и многими политическими деятелями Кроации существовало соглашение, направленное против Австрии. Все было готово для операций, которые были начаты в 1914 году. Но русское правительство уступило; перед ультиматумом Германии, оно безоговорочно признало аннексию Боснии и Герцеговины, согласилось на уничтожение ст. 25 берлинского трактата и посоветовало Сербии склониться перед неизбежным.

Англия и Франция, которые не давали еще своего согласия на этот coup de force Австрии, не могли оказаться более сербофилами, чем сама Сербия и

более руссофилами, чем сама Россия; и, таким образом, снисходительная Европа без дальнейших колебаний амнистировала покушение, которое было сделано на ее права.

Печальный прецедент, который освящал несправедливость, ободрил Австрию к созданию новых опасных прецедентов и сделал роковым пришествие войны, которую предполагали предотвратить. Именно в свете этих событий 1908 и 1909 годов следует рассматривать то, что случилось в 1914 году.

Германия и Австрия,—из которых первая являлась зачинщиком, а вторая сообщником в деле захвата двух провинций,—которые систематически подавляли национальное самосознание югославии и благодаря этому довели до отчаяния Сербию, оставались связанными общей ответственностью и, Европа, считавшая возможным избежать войны посредством капитуляции, ставила себя, благодаря слабости и уступчивости, перед новыми угрозами и перед возрастающей опасностью.

Когда предполагалось, что кризис исчерпан, Вильгельм II отправился в Вену 14 мая 1909 года, и Франц-Иосиф выразил ему глубокую признательность от имени своих государств за дружбу, подкрепленную Германией столь действительным образом. Вильгельм II правильно рассчитал, что эта признательность будет все более и более ставить дом Габсбургов в положение блестящего подручного Германии, и на следующий год, когда он сделал 20 сентября новый визит австрийской столице, он не постеснялся в речи, произнесенной в ратуше, напомнить об услуге, которую он оказал Австрии «с верностью—прибавил он—достойной Нибелунгов». И желая придать своему выступлению, как это бывало обыкновенно, нечто

воинственное, он заявил, что он будет стоять «в блестящих доспехах» рядом со своим союзником.

Эренталь, повидимому, считал, что такое выступление благодетеля несколько уменьшает ценность благодеяния. В своем экспозе от 13 октября 1910 года к делегациям он ограничился тем, что обронил с некоторой холодностью следующую пренебрежительную фразу: «Предшествовавшие события показали, что наши союзы имеют реальную ценность». Германская партия австро-венгерской монархии не могла простить ему эту независимость суждений, и, когда он умер, в феврале 1912 года, и был замещен графом Берхтольдом, его авторитет потерял всякий вес среди тех, для которых он столь долго являлся верным слугой.

В промежутке двуединая империя, благодаря столкновениям входивших в нее народностей подверглась потрясению до самых глубин своих. Все более и более потрясаемая в старых устоях противоречивой своей конструкции, она находилась в опасном положении среди государств, которые не имели другого способа для восстановления равновесия, как различные внешние диверсии. Одни политические деятели настаивали на создании федеративного устройства, другие мечтали о проведении в жизнь триединого принципа, который предоставил бы славянам большую долю в управлении общими делами; но Франц-Иосиф был слишком стар, чтобы согласиться на такие новшества; и все оставалось без изменения. Но наблюдатели, даже наиболее оптимистически настроенные, не допускали мысли, что это может продлиться после смерти императора.

В это время пангерманизм продолжал становиться день ото дня более наглым, и 5 апреля 1912 года Жюль Камбон писал мне из Берлина; «В глазах

германской нации мирные намерения императора подверглись сомнению. Офицеры повсюду говорят, что Германия должна пожертвовать все свои средства на развитие сухопутной армии до громадных размеров». Британский военный атташе в Берлине узнал из достоверного источника и довел до нашего сведения, что годичные исправления германского мобилизационного плана, производимые обыкновенно в апреле месяце, назначены на январь с осведомлением об этом компетентных властей [1]).

Сам Франц-Иосиф произносил тревожные слова которые сообщал мне Крозье, наш посол в Вене: »Я думаю—говорил император—что мир стал наименее прочным за последние восемь месяцев» [2]). С своей стороны, наш генеральный консул в Пеште, Фонтеней, доносил еще менее успокоительные сведения: «Австрия мечтает о разделе Турции—сообщал он. Ей кажется удобным использовать, как новый этап, Албанию и дорогу на Солоники через Монастырь. Нет сомнения в том, что Фердинанду Болгарскому не дано обещаний относительно Македонии. Все это делается некоторыми военными кругами Австро-Венгрии. Они ухаживают за Румынией и вселяют ей надежды на образование «болгарского четырехсторонника» [3]).

Эти догадки получали подтверждение со стороны нашего представителя в Софии, Дарда, который сообщал мне, в свою очередь, 24 февраля 1912 года:

«Возрастающая смелость, возобновление активности со стороны венгерских агентов—таковы последствя, которые заставляют сожалеть о смерти

---

[1]) Депеша французского военного атташе в Берлине от 9/II—1912 г.

[2]) Депеша Крозье от 25/IV—1912 г.

[3]) Депеша Фонтеней от 22/II и 27/VII—1912 г.

Эренталя и о приходе к власти графа Берхтольда. Будет ли запрещено офицерам оккупационного корпуса в Боснии и австро-венгерским агентам в Белграде продолжать свои полицейские маневры и безрассудное и провокаторское поведение по отношению к сербам; будет ли запрещено консулам и миссионерам в Албании и Македонии практиковать их опасные интриги против Турок»?

В это время по обстоятельствам, которые для меня еще не вполне ясны, Болгария и Сербия, затем Греция и, наконец, Черногория заключили без ведома Франции и Англии соглашения, подписанные в Софии 29 февраля, 29 апреля 1912 года, 16 мая 1912 года и в сентябре 1912 года.

В настоящее время нельзя сомневаться, что инициатива этих соглашений исходила от Болгарии, так как Гешов, премьер министр в Софии с 11—24 марта 1911 года поставил свою подпись на этих конвенциях и принял на себя труд об'яснить, каким образом он задумал и подготовил этот балканский союз [1]).

По его словам, правительство, которым он руководил в Болгарии, сначала желало в 1911 году сделать честную попытку установить добрые отношения с Турцией; но эта попытка потерпела неудачу, благодаря политике истребления, которую младотурки проводили в Македонии; и Гешов почувствовал необходимость согласиться с сербами относительно предполагаемого сотрудничества.

Король Фердинанд Болгарский находился тогда в своих поместьях в Венгрии. Гешов отправился к нему и имел с ним длительное собеседование в

---

[1]) L'Alliance balkanique, par E. Guéchoff (paris, Hachette, 1915).

королевском вагоне, между Одербергером и Веной, в котором третий блестящий подручный Вильгельма II дал свое полное одобрение проекту своего министра. Ободренный этим одобрением Гешов отправился в Белград и прибыл туда 28 сентября—11 октября 1911 года. Там он встретился с Миловановичем, который сопровождал его до Лапово, и с которым он вел длительные переговоры о своем проекте союза.

Милованович благосклонно отвечал ему и прибавил, что, если договор будет подписан, он должен быть сообщен России, поддержка которой ему казалась необходимой. Гешов не возражал, возвратился в Софию и нашел свой кабинет—как он рассказывает—весьма взволнованным известием начавшейся турецкой мобилизации во Фракии, направленной против Болгарии. Он поспешил тогда дипломатическими переговорами с Сербией, которые велись очень быстро из боязни, чтобы Италия, которая тогда была в войне с Турцией, не подписала бы мира, и чтобы Турция, имея руки свободными, не напала бы на балканские государства. Только после подписания договора Гешов отправил, как то было условлено с Сербией, копию его русскому императору. Она была отправлена в Ливадию с Даневым, председателем народного собрания, который посетил также Петербург и был принят министром иностранных дел Сазоновым в мае. До этого времени, по словам Гешова, Сазонов совершенно не был осведомлен о сербо-болгарском договоре; он рекомендовал Даневу разумную и осмотрительную политику и заявил, что активное вмешательство балканских союзников в македонские дела не встретит сочувственного отклика в России.

Спустя некоторое время Гешов завершил свой план, подписал с Панасом союзный греко-болгар-

ский договор, и, наконец, после словесного соглашения, Черногория вошла в свою очередь в эту новую группировку.

Гешов и другие столь же осведомленные болгары утверждали, что с самого начала король Фердинанд, который был в наилучших отношениях с австрийским двором, осведомил его о балканском союзе. Возможно однако, что им не было сообщено полностью содержания договоров. С другой стороны они долгое время не были известны ни Франции, ни Англии. Они носили очень серьезный характер и могли вызвать на Балканах очень серьезные осложнения.

Первый договор, названный договором дружбы и союза между королевством Болгарией и королевством Сербией, устанавливал, что обе страны взаимно гарантируют их политическую независимость и неприкосновенность их территорий, и что они обязуются помогать друг другу, если одна из великих держав попытается аннексировать или оккупировать какую либо из частей Балканского полуострова. Но к этой конвенции, носящей чисто оборонительный характер, была приложена секретная статья, которая содержала пункты наступательного характера, едва замаскированные, и которая предупредила что, в случае беспорядков в Турции или угроз с ее стороны, соглашение между балканскими народами может войти в силу, в целях осуществления общего действия против Турции. Это соглашение должно быть сообщено России. В случае, если эта держава не будет возражать, это выступление должно состояться. Все территориальные приобретения, которые могут быть получены за время военных действий, должны быть распределены между союзными государствами на основах, определенных дого-

вором. Судьба соседней зоны от озера Охрида должна быть определена, согласно решению русского императора, который является высшим арбитром. Третье соглашение, которое определяло условия взаимной военной помощи, сопровождалось добавлением, что в случае нападения Румынии на Болгарию, Сербия обязана немедленно об'явить ей войну, и что, в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, Болгария с своей стороны обязуется немедленно об'явить войну Австро-Венгрии.

Спустя несколько недель после подписания этих соглашений, в печати многих стран появились смутные указания на них, но ни Сербия, ни Болгария, ни Греция не сообщили нам ничего, и я считаю себя вынужденным прибавить, что Россия, которая несомненно не участвовала в их заключении, на чем настаивала Австрия и Германия, но которая располагала сообщением Данева, а также, как мы увидим позже, донесениями своего посланника в Софии, ни о чем не известила нас сначала.

Я сказал, что на практике франко-русский союз не всегда обходился без затруднений, и что достижение согласованности в политических мероприятиях часто требовало много внимания и терпения.

К началу 1912 года правительство, которым я руководил, констатировало, что узы, связующие обе страны, несколько ослабели под влиянием различных обстоятельств: противоречия интересов Франции и России в вопросе о концессиях на железную дорогу в Анатолии; международный консорциум, который был образован в Китае для разнообразной эксплоатации железнодорожных линий, в который вошли Америка, Англия, Германия, Франция и из которого достаточно бестактно была исключена Россия; и, наконец, сверх всего, несколько холодные отношения

между нашим послом Луи и русским правительством. Луи был очень хорошим представителем, добросовестным, внимательным и осведомленным, но он был болезненным и замкнутым человеком и жил в Петербурге весьма изолированно.

Он почти никогда не виделся с императором, который совершенно перестал думать о правительстве республики, и поведение которого в Киле на долгое время убедило нас в возможности некоторых личных воздействий на политику; сверх того между ним и русским министром иностранных дел Сазоновым существовало некоторое несходство характеров, которое побуждало последнего жаловаться на него в Париж и требовать через Извольского его замещения. Выслушав об'яснения Луи, мы оставили его на посольском посту, но в отношениях между двумя правительствами оставалась некоторая холодность, причины которой для нас были неясны, и которая даже в интересах союза должна была быть устранена.

С другой стороны мы знали, что после своих разногласий с Эренталем Извольский пользовался плохой репутацией в Австрии, и мы были далеки от того, чтобы одобрять все его идеи. Наконец, помимо всего, мы были обеспокоены отсутствием осведомления о балканском союзе, о котором пресса писала в очень неясных выражениях, и о котором мы не получали никаких раз'яснений ни от Луи, ни от Извольского. Фальер и вместе с ним Буржуа, Бриан, Мильеран, Делькассе, Паше, Стег и все другие члены кабинета, которым я руководил, горячо настаивали, чтобы я посетил Россию во время парламентских вакаций.

Я действительно, совершил это путешествие в августе 1912 года. Я обсуждал с императором, Коковцевым, председателем совета министров, и с Сазоно-

вым вопросы, которые вызывали разногласия между двумя странами и которые могли вызвать ослабление союза: дело о нашем после, по которому я поддерживал решение нашего правительства, китайские дела, вопрос о морской конвенции о железной дороге в Анатолии и т. д. Но, конечно, наиболее важные мои собеседования касались вопроса о балканском союзе.

Я резюмировал результат моих собеседований в письменных сообщениях, которые я посылал совету министров и которые сохраняются на Орсейской набережной. Было бы слишком долго читать их Однако все они носят такой характер, что обнаруживают грубую ошибку, совершенную Австрией и Германией, когда последние указывали, что французская политика некоторое время направлялась Россией, и приписывали Извольскому тайное влияние на наше правительство. Пока я ограничусь только тем, что доведу до вашего сведения те донесения, которые были мною в свое время сделаны и находятся в архивах, по поводу переговоров, которые я имел с Сазоновым относительно балканских соглашений.

«Я потребовал от Сазонова раз'яснения по поводу конвенций сербо-болгарской и греко-болгарской. Я не скрыл от него, что мне непонятно, почему эти акты не были сообщены Россией Франции. Извольский отзывался по поводу них незнанием, но заверял, что они преследуют цель поддержания status quo. Но мне казалось совершенно невероятным, чтобы понадобилось так много времени для заключения соглашений, предназначенных просто для сохранения status quo. Возможно, что главная часть этих соглашений содержит, в действительности, предварительный раздел. Сазонов с этим согласился. Он заявил,

что он не знает еще текста греко-болгарской конвенции, которая, однако, касается только определения линии границы, но что он сообщит мне текст сербо-болгарской конвенции и приложенную к ней карту.

«Видел Сазонова. Он имел в руках текст сербо-болгарского соглашения на русском языке. Он мне читал его, переводя. В нем слова status quo упоминаются только в том случае, когда говорится, что оно может быть нарушено! Болгария и Сербия взаимно обязались согласовать время своих мобилизаций: если одна из них считает необходимым мобилизоваться, она предупреждает об этом другую; если другая отказывается сделать это, то вопрос поступает на третейское решение России. Впрочем вопрос об арбитраже России проходит красной нитью через все конвенции. Только часть границы около озера Охрида не определена окончательно.

Россия облечена полномочием определить ее в нужный момент. Я отметил Сазонову, что эта конвенция совершенно не отвечает тому об'яснению, которое мне было дано, что она является поистине соглашением о войне и что она не только обнаруживает задние мысли сербов и болгар, но заставляет опасаться, что их надежды не будут поддержаны Россией и что этот предполагаемый раздел не удовлетворит их вожделений. Он признал, что русский посланник в Софии, пересылая эту конвенцию в Петербург, сам квалифицировал ее, как соглашение о войне. Но так как Сербия и Болгария обязались не об'являть войны и даже не производить мобилизации без согласия России, эта последняя обладает правом veto, обеспечивающим поддержание мира, которым она не преминет воспользоваться».

Через несколько недель после этих собеседований, 17—30 сентября 1912 года, христианские балканские государства сообща об'явили мобилизацию, совершенно не считаясь с правом veto России. Мы увидим, как Франция пыталась сначала помешать их решению и затем помешать военным действиям и предупредить конфликт между Австрией и Россией. В целях осуществления этой миролюбивой миссии, она вошла в ежедневные сношения со всеми державами, но особенно с Англией, которая оставалась в стороне от конфликта, так как она, как и Франция, была менее заинтересована, чем Россия, в балканских делах. В виду этого 15 октября 1912 года я просил нашего посла в Лондоне Поля Камбона передать английскому министерству иностранных дел сведения, которые я получил в Петербурге.

«После моего возвращения из России—писал я Полю Камбону — директор политического департамента даст вам, с моего согласия, совершенно конфиденциальные сведения о содержании конвенций, которые были заключены между Болгарией и Сербией. Вы знаете, что я узнал текст этого соглашения только в Петербурге, когда Сазонов по моей просьбе сообщил мне его, требуя от меня сохранения полной тайны. Он прибавил, что он сам не знает статей греко-болгарской конвенции; он только выразил убеждение, что она заключена на случай, если произойдет «покушение на международное право». Это неопределенное выражение отнюдь не успокоило меня, но чтение сербо-болгарской конвенции меня особенно обеспокоило и после моего возвращения, я не мог скрыть от совета министров те серьезные опасения, которые она мне внушала. До момента встречи моей с Сазоновым мы не имели, не смотря на наши требования, никакого подтверждающего документа. Мы

знали об этом только в виду наличности намеков, которые делал Извольский относительно болгарского займа.

10 апреля наш посланник в Софии телеграфировал, что Гешов просил Сазонова рекомендовать Парижу проэкт размещения займа и «указать на миролюбивые намерения Болгарии». И действительно, именно в это время Извольский предпринимал передо мною в этом духе шаги.

11 мая Извольский посетил меня и снова настаивал, чтобы болгарский заем в 180 миллионов был принят Францией. В этот раз он впервые говорил мне о закулисной стороне сближения Сербии и Болгарии. Он поздравлял себя с результатами, которые он рассматривал, как содействующие мирному разрешению кризиса, и в то же самое время он указывал, что Болгария дала Петербургу самые формальные заверения относительно европейской политики и о том, что ее отныне можно рассматривать как сторонницу тройственного согласия. Но молчание, которое хранилось относительно текста конвенции, известия, которые мы получили с Балкан, даже самые вопросы, поставленные нам Сазоновым относительно позиции, которую примет Франция в случае, если конфликт будет иметь место на Востоке, все это заставляло нас замедлять, насколько возможно, заключение контракта о займе, и, к счастью, ничего не было решено за то время, которое я провел в России.

В тот момент когда я узнал о конвенции в кабинете Сазонова, я не мог воздержаться от восклицания: «Но это же военная конвенция»! Русский министр не казался удивленным моим замечанием; он даже ответил мне: «Вы употребляете то же самое выражение, которое было употреблено нашим по-

сланником в Софии, когда он нам сообщал этот документ». «Но тогда—сказал я—каким образом вы могли просить нас санкционировать размещение болгарского займа на французском рынке»? Министр мне ответил, что императорское правительство не сразу узнало полный текст соглашения.

Затем я резюмировал в моем письме к Камбону наиболее существенные условия договора, которые мне устно были сообщены Сазоновым, и я прибавлял: «Короче говоря, эта конвенция состоялась под руководством России и во всяком случае она приписывает России в текущих событиях и в тех, которые могут воспоследовать, активную и руководящую роль. Сазонов и Извольский в течение нескольких недель стремились сгладить то впечатление, которое произвело на меня чтение этого договора. Они мне повторяли, что Россия к нему не присоединилась, что она свободна отказаться от арбитража, который ей предложен и т. д. Но тем не менее можно ли было быть уверенным, что она знала все? Боязнь тяжких последствий, которую вызывала эта конвенция, в значительной мере обусловила те шаги, которые я не переставал предпринимать в интересах сохранения мира, с тех пор, когда я увидел возрастающую угрозу войны на Балканах. Однако, до сих пор я не считал для себя допустимым нарушить тайну, которую доверил мне Сазонов... Теперь я был уверен, что один из русских депутатов знает наиболее существенные статьи договора, особенно те, которые определяют арбитраж России.

Я предупредил об этом Извольского, который не казался удивленным этим разглашением тайны, и сказал мне: «Болгары разглашают содержание договора в Петербурге, чтобы иметь основание пожаловаться на индеферентизм и инертность русского

правительства». Кроме того, Извольский признал весьма вероятным, что Австрия тоже уже осведомлена о договоре или благодаря проявленной нескромности или через короля Фердинанда, который сделал перестраховку в Вене.

«Зная все это, писал я Камбону, я не хочу принимать на себя ответственность за дальнейшее оставление Англии в неизвестности относительно положения, которое может нас принудить завтра еще более сблизить наши усилия, чтобы избежать распространения балканского кризиса. Я прошу вас секретно сообщить сэру Эдуарду Грею общие указания, которые я вам дал, относительно характера и содержания сербо-болгарской конвенции.

Не скрывая от него моих опасений, отметьте ему все же, что я ни на минуту не подвергаю сомнению искренность миролюбивых намерений русского правительства. Сазонов и Извольский, конечно, не думают, что сближение сербов и болгар вызовет немедленно мобилизацию, предусмотренную конвенцией. Когда вы видели Сазонова в Лондоне, он был еще убежден, что война не начнется, и что Болгария ограничится простой манифестацией. Короче говоря, несмотря на ошибки, им совершенные, императорское правительство продолжает вести политику сохранения мира и status quo, которую она тем менее склонна будет изменить, если встретит более солидную поддержку со стороны Лондона и Парижа. Было бы весьма досадно, если британское правительство сурово отнесется к прошлым ошибкам. Впрочем, я так же, как и вы глубоко убежден в необходимости поддерживать в настоящих обстоятельствах связи тройственного соглашения, и я не сомневаюсь, что английское правительство разделит

по этому поводу точку зрения вашу и французского правительства».

Таким образом, внезапно поставленные в положение, за которое Франция не могла нести никакой ответственности, мы решили отказать Болгарии в размещении займа, который мог бы быть обращен на военные операции, и мы не имели другой мысли, как только обеспечить с помощью наших союзников сохранение мира. Вы увидите, как в течение последних балканских кризисов, включая сюда и события, последовавшие за покушением в Сараево, Россия искренно сотрудничала с Англией и Францией. Она сожалела об аннексии Боснии и Герцеговины; она с удовлетворением видела сближение Сербии, раненой этим насильническим актом, с Болгарией и ее стремление найти моральную поддержку в Петербурге; она могла неосторожно ободрять стремления, впрочем законные, балканских народов к независимости.

Все это не может быть сравнено с тем, что совершила Австрия, захватив путем нарушения договора, две сербо-кроатские провинции.

И впоследствии, когда обнаружилась возможность восточной войны, Россия присоединилась к Англии и к нам сначала для того, чтобы предупредить конфликт, и позже для того, чтобы его локализовать. Я дам позже неопровержимые доказательства единства и настойчивости, с которыми проводились в жизнь эти миролюбивые мероприятия.

Глава IV.

Драма в Сараеве.

В то время, когда я находился в России, в августе 1912 года, Сомсиш, поверенный в делах Австро-Венгрии, посетил Бриана, который замещал меня на Орсейской набережной, и сообщил ему о тревоге, которую внушает его правительству положение на Балканах.

Венский кабинет желал узнать, будут ли великие державы расположены войти в переговоры с ним, «чтобы посоветовать Порте принять политику прогрессирующей децентрализации, обеспечивающей христианским национальностям гарантии, которые они потребуют для себя законным путем, и чтобы повлиять на балканские государства, в целях склонить их мирно ожидать результатов этой политики.

Бриан ответил графу Сомсишу: «Правительство республики с интересом рассмотрит представление графа Берхтольда. Вы можете сообщить ему теперь же, что политика Франции на Востоке имеет своей главной целью сохранение всеобщего мира и поддержание status quo на Балканах. Мы будем, однако, счастливы обменяться взглядами с венским кабинетом» [1]).

Я узнал о предложении графа Берхтольда в Петербурге. Мне тотчас же показалось, что оно представляет попытку найти удобный случай, чтобы

---

[1]) Телеграмма Бриана от 14/VIII – 1912 г.

придать балканским вопросам не только русскую, но и общеевропейскую, постановку. Это был новый и важный шаг со стороны дипломатии двуединой монархии.

С 1897 года Австрия всегда отвергала общее участие, держась в восточных делах, как это было сделано ею, к несчастью для мира, в 1914 году. В 1908 году, в особенности после аннексии Боснии и Герцеговины, граф Эренталь постоянно принимал предосторожности, чтобы уклониться от вмешательства третьих держав. Россия, с своей стороны, вела в отношении дел балканских союзов изолированную политику. Такое поведение двух держав, соперничество которых столь часто осуждалось на Востоке, могло привести рано или поздно к роковым последствиям. Я повидался с Сазоновым и указал ему, что, по моему мнению, возвращение Австрии в европейский концерт могло бы явиться залогом мира.

Он, совершенно понятно, опасался какой либо задней мысли у графа Берхтольда и колебался сначала дать свое согласие.

Однако, устроилось так, как я хотел. Все державы согласились принять участие в обмене мнениями по поводу предложения Австро-Венгрии. Но граф Берхтольд, несколько беспечный grand seigneur, предложив этот проект, не спешил, казалось, с его осуществлением.

Турки хотели забежать вперед и обещали реформы в Албании; при этом известии сербы и болгары заволновались, заявляя, что их обходят в интересах албанцев.

Черногория мобилизовалась. Кто подстрекнул ее? Конечно, не Россия, потому что после моего возвращения в Париж 29 августа, я получил от Жоржа Луи телеграмму, в которой он передавал мне сле-

дующее предложение Сазонова: «Пора воздействовать одновременно и в Цетинье, и в Константинополе, чтобы добиться одновременного отхода сконцентрированных военных сил с обеих сторон границы. Сазонов надеется, что мы согласимся на это предложение. Но особенно беспокоит министра настроение в Болгарии. Все сведения, которые доходят до него, указывают на то, что положение ухудшается, и он считает необходимым, чтобы мы немедленно вошли в соглашение, в целях произвести общие действия для поддержания мира».

Я поспешил ответить Луи [1]): «Я совершенно согласен с Сазоновым относительно необходимости порекомендовать Софии спокойствие. Я возобновлю представления по этому поводу и сообщу болгарскому правительству, что при теперешнем тревожном положении наши банкиры не смогут выдать займа, и что это вызовет отсрочку. Что касается Черногории, я потребую и в Цетинье, и в Константинополе отвести войска в пограничную зону».

3 сентября меня посетил австрийский поверенный в делах, который благодарил меня от имени Берхтольда за внимание, которое я оказал его просьбам, и просил меня потребовать от Порты предоставить другим балканским народам такие же льготы, какие Турция обещала Албанцам.

5 сентября Луи снова телеграфировал мне: «Я видел вчера председателя совета министров (Коковцева). Он озабочен возбужденным настроением в Болгарии: «Мы переживаем, сказал он, очень трудное время. В этом месяце Болгария закончит организацию своего военного снабжения; урожай будет собран и, кроме того, она рассчитывает полу-

[1]) 29 августа 1912 года.

чить деньги и заем». Я разуверил премьера относительно последней части его заявления — продолжал Луи — сообщив ему то, о чем я уже информировал Сазонова, а именно, что на прошлой неделе вы известили болгарское правительство о невозможности для наших банкиров при настоящем тревожном положении выдать заем. Председатель совета министров прибавил, что, к счастью, великие державы воодушевлены мирными намерениями».

6 сентября последовала новая телеграмма Луи: «Я видел сегодня вечером Сазонова. Он сказал мне, что после ознакомления с последним австрийским сообщением, он выразил послу свое удовлетворение по поводу полной согласованности взглядов обоих правительств в вопросе, касающемся необходимости поддержания status quo, и долга для всех держав действовать согласованно».

17 сентября Поль Камбон известил меня в свою очередь о миролюбивых представлениях, сделанных Сазоновым в Берлине: «Сазонов осведомил германское правительство о тревоге, которую внушает ему настоящее положение в Болгарии и в Сербии. Он выразил мысль, что пора державам согласиться относительно способов локализации войны, в случае, если она начнется. Кидерлен ответил, что он весьма расположен принять эту точку зрения».

18 сентября Извольский представил мне от имени своего правительства предложение, которое я немедленно сообщил в Лондон в следующем виде [1]): «Согласно сообщению, которое передал мне русский посол, Сазонов недавно настаивал перед турецким послом на необходимости для оттоманского правительства незамедлительно предпринять реформы

[1]) Телеграмма Полю Камбону 19 сентября 1912 года.

в Македонии, если оно желает избежать серьезных осложнений. Эти реформы должны гарантировать христианскому населению: 1) безопасность личную и имущества; 2) равенство перед законом; 3) участие в местном управлении, согласно этническим признакам.

Я ответил Извольскому, что я смогу присоединиться к почину Сазонова только в том случае, если на это согласится британское правительство и если будут иметься шансы на то, что берлинский и венский кабинеты выскажут готовность присоединиться к нему».

Вы видите, с какой заботой французское правительство старалось поддержать согласованность шагов всех держав. Я цитировал эти телеграммы случайно, из тысячи других подобных, потому что в этот тревожный период Париж и Лондон, Париж и Петербург, Париж и Вена, Париж и Берлин обменивались постоянными сообщениями.

Но, не смотря на все советы, которые им давались, балканские государства, все более и более подстрекаемые лже-беглецами из Турции, начали мобилизацию в свою очередь так же, как и Черногория; и 1 октября 1912 года Жюль Камбон известил меня, что германское правительство считает отныне неизбежной войну между этими государствами и Турцией.

Тем временем Сазонов, беспокойство которого возрастало, отправился в Англию, где он виделся с сэром Эдуардом Греем, и оповестил о своем намерении прибыть в Париж в начале октября.

«Кидерлен — телеграфировал мне Жюль Камбон [1])—не видит иного способа локализовать конфликт между балканскими государствами, как только

---

[1]) 1 октября 1912 года.

в том, чтобы великие державы заявили воюющим, что после окончания конфликта они не согласятся на территориальные изменения на Балканах... Кидерлен констатировал счастливое совпадение обстоятельств, которое позволяет вашему превосходительству видеть завтра Сазонова. Он надеется, что вы пожелаете рассмотреть это предложение. Если Россия примет его и возьмет на себя инициативу предложить соответствующую декларацию о поддержании территориального status quo, я твердо убежден—заявил он—что мы приведем Австрию к сотрудничеству с Россией. Я прошу только—прибавил он—чтобы эта декларация осталась в тайне, потому что очень важно, чтобы она не стала известна Австрии». И германский министр, который стоял за мир и который, как вы видите, оказал безграничное доверие председателю французского совета министров, прибавил: «Будем надеяться, что опасность всеобщей войны будет избегнута: Франция может создать нечто великое, последствия которого могут пойти очень далеко».

На следующий день, 2 октября, Жюль Камбон, которому я посоветовал продолжать переговоры, снова телеграфировал мне: «После свиданья сегодня утром с статс-секретарем, я посетил канцлера, который подтвердил мне то, что было сказано Кидерленом. Россия и Австрия, если они предпримут шаги для поддержания территориального status quo, будут действовать от имени всех держав, включая и Германию. Бетман-Гольвег выразил надежду, что ваше превосходительство сможет побудить Сазонова принять на себя инициативу, которая предлагается; декларация представляется ему очень спешной, по его мнению, нельзя терять ни дня. Он мне повторил, насколько он рассчитывает на сохранение мира,

благодаря вашим усилиям. «Gazette de l'Allemagne du Nord» опубликует сегодня вечером сообщение, которое укажет, что создается соглашение между великими державами, чтобы локализировать конфликт, и выражающее уверенность в том, что они придут к полной согласованности взглядов по этому поводу».

Не теряя ни минуты, я просил Поля Камбона не только осведомить английское правительство о германском предложении, но и повидать Сазонова во время его пребывания в Лондоне и испросить его согласия. Сазонов отнесся к предложению благосклонно, но отложил свой окончательный ответ до собеседования со мной. И я тотчас предупредил Жюля Камбона в Берлине [1]):

«Если Сазонов и отложил—сообщал я—свой ответ до свиданья со мной, я имею основания предполагать, после конфиденциальной телеграммы Вашего брата, что в конце концов Россия предпримет вместе с Австрией от имени Европы энергичные шаги в Константинополе и на Балканах. Желательно избежать потери времени; пусть Германия, пользуясь своим влиянием на Австрию, отсоветует ей всякое изолированное выступление».

Таким образом, я повторяю, что постоянной мыслью французского правительства было не только укрепить европейский концерт, но и воспрепятствовать тому, чтобы в среде держав группа тройственного согласия противостояла группе тройственного союза.

Сазонов прибыл в Париж; я имел длительное свидание с ним 3 октября и тотчас телеграфировал

---

[1]) Телеграмма от 2 октября 1912 года.

в Берлин [1]): «Я имел собеседование с Сазоновым. Россия согласна—или совместно с Австрией от имени Европы, или совместно со всеми европейскими державами—предпринять шаги в балканских государствах, с целью осведомления их, что державы не одобрят нарушения мира, что они решили поддерживать status quo, локализовать конфликт, если он начнется, и не давать государствам, которые мобилизовались, никакой надежды на территориальные приобретения. Сазонов однако отметил, что, по его мнению, эти шаги не достигнут успеха, если великие державы не будут содействовать осуществлению реформ в интересах балканского населения».

В то же самое время я, конечно, предупредил Лондон и рекомендовал осмотрительность в Софии и в Белграде. Мой известный друг, Веснич, который был посланником Сербии в Париже, и Станчев, болгарский посланник во Франции, вспомнят, конечно, с какой настойчивостью я говорил с ними от имени правительства республики, и я должен сказать, что Сазонов вполне присоединился к моим указаниям.

Кидерлен принял с большим удовлетворением сообщение о моих переговорах с Сазоновым [2]) и, получив из Вены известия, которыя он рассматривал, как благоприятные, пригласил Жюля Камбона и выразил ему опасения, как бы переговоры между державами не затянулись. «Он прибавил, телеграфировал Камбон, что здесь будут счастливы, если ваше превосходительство примет на себя инициативу (в виду необходимости действовать быстро, так как время не ждет) формулировать точную редакцию

---

[1]) Телеграмма от 3 октября Жюлю Камбону.

[2]) Телеграма Жюля Камбона от 3 октября 1912 г.

предложения, которая будет представлена на рассмотрение различных кабинетов... В депеше, адресованной сегодня своему правительству, после разговора с вашим превосходительством, германский посол в Париже указывал, что вы текстуально заявили, «чтобы великие державы взяли в свои руки дело осуществления реформ». Статс-секретарь был поражен этим выражением «взять в свои руки», которое ему показалось очень удачным, потому что оно вполне отвечает цели, ничего не компрометируя».

Согласно пожеланию, выраженному Кидерленом, я составил формулу, которую сообщил державам.

4 октября Жюль Камбон осведомил меня, что Кидерлен ее принял, но что ее следует представить на рассмотрение императора; 5 октября император в свою очередь дал согласие. Но 6 октября были потребованы редакционные изменения Веной [1]).

Я немедленно ответил: „Мы, Сазонов и я, принимаем изменения, на которых настаивает граф Берхтольд, из уважения к австрийскому правительству, и в интересах быстрого действия в пользу мира". В тот же самый день «Fremdenblatt», высказывая мысль австрийского правительства, следующим образом оценивал поведение французского правительства: «Быстрой и решительной инициативой французское правительство еще раз дало доказательство своего миролюбивого намерения в стремлении предупредить столкновение с энергией, достойной общей благодарности».

Здесь я задержусь. Я не хочу утомлять вас чтением «Желтой книги», которая еще не опубликована, но которая несомненно когда нибудь появится в свет. Все, что я хотел уяснить вам, в ожидании

[1]) Телеграмма Дюмена, посла в Вене.

появления этой книги, это ту линию поведения, ко торую с самого начала преследовало французское правительство в балканском кризисе. Телеграммы, которые я читал вам, убеждают вас в том, что мы немедленно пришли к твердому решению сохранить тесный и постоянный контакт со всеми державами. Я считаю себя вправе сказать, что с сентября 1912 г. до января 1913 г. не прошло ни одного дня, когда бы я не вел длительных переговоров не только с послами России и Англии, но также с послами Германии и Австрии. В конце концов я достиг в отношениях с этими последними большого взаимного доверия, настолько искреннего, что спустя несколько месяцев, когда я сделался президентом республики, оба они выражали желание видеть меня у себя в посольствах в моем новом положении.

Щекотливый этикет стоял на пути к исполнению этих просьб: мог ли глава государства входить в дом, который, в силу фикции экстерриториальности, стоял на германской земле? Я не хотел считаться с этим затруднением. Мы были в мире с Германией, и я принял приглашение германского и австрийского посланников.

Но вернемся к балканскому вопросу. Вы вспоминаете, что 8 октября, в тот момент, когда все казалось улаженным, черногорские войска аттаковали турецкие войска. Как произошло это внезапное нападение? Часто говорят, что оно произошло с согласия Австрии. Отбросим однако эту гипотезу и останемся в области известных фактов.

Происшедшие события на Балканах вызвали постановку сложных вопросов, которые Европа несомненно предвидела, но которые до того времени она скорее стремилась отсрочить, чем разрешить. Традиционная политика Франции по отношению как к евро-

пейской, так и к азиатской Турции состояла в отстаивании неделимости оттоманской империи. Поддержание территориального status quo позволяло, действительно, избежать или отсрочить события полной неизвестности.

Но быстрое и решительное пробуждение национального чувства, недостатки турецкого управления, невыполнение обещаний относительно реформ, определенных 23 статьей берлинского трактата, беспорядки и насильственные действия, периодически возобновляющиеся, глухая враждебность, вызванная аннексией Боснии и Герцеговины,—все это делало неизбежным осложнения на Балканском полуострове. Итало-турецкая война сама по себе вызывала у народов горячку и длительную нервозность. Время от времени происходили кровавые эпизоды, которые предвещали грядущую катастрофу.

Когда мы узнали при обстоятельствах, о которых я уже говорил, о состоявшихся договорах между балканскими государствами, мы с самого начала сделали все, что от нас зависело, чтобы устранить возможность конфликта. Если бы мы не использовали хотя бы одного шанса из тысячи для того, чтобы достигнуть мирного разрешения возникших затруднений, не сделав усилий для устранения войны, мы не выполнили бы повелительного морального долга.

По инициативе Франции, державы в начале достигли успеха на пути к обеспечению проведения реформ на Балканах без пролития крови и без территориальных потрясений. Союзные государства мобилизуясь, сами заявляли, что целью их требований является немедленное проведение этих реформ, и в то время они еще не питали больших надежд и не отстаивали тех прав, которые они впоследствии считали священными, в виду принесенных для их осу-

ществления усилий и жертв. Формула, на основе которой состоялось соглашение Европы, совершенно не была неожиданной, и, если бы ход событий не уничтожил ее, это европейское сотрудничество не было бы бесполезным, после того как оно, по инициативе Франции, сблизило все державы на почве проявления общей миролюбивой политики.

Когда разразилась война, для Европы ничего больше не оставалось, как только ограничить враждебные действия и уменьшить их продолжительность. Так как мы не желали, как я уже указывал увеличивать затруднения момента систематической несогласованностью действий международных группировок, мы советовали всем державам предложить в ближайшее время воюющим сторонам наше коллективное посредничество; и в целях поддержания ежедневного сотрудничества, мы решили созвать и установить постоянные заседания конференции послов. Английское правительство предложило созвать ее в Париже. Но так как личность Извольского вызывала некоторое недовольство со стороны Австрии, мы предложили созвать конференцию в Лондоне, где авторитет сэра Эдуарда Грея должен был оказать благоприятное влияние на ход переговоров.

Совершенно ясно, что, если бы в 1914 году центральные империи приняли предложение относительно созыва новой европейской конференции, война могла бы быть избегнута.

Детали, которые я сообщу, достаточно ясно показывают, что, не смотря на всю заботу сохранить свой союз с Россией, Франция проявляла с самого начала балканского кризиса беспристрастность и независимость в суждениях и никогда не шла слепо за русскими предложениями, делая напротив, все, чтобы осуществить дружественное посредничество

между Австрией и Россией. Бесполезно, я думаю, опровергать сведения, которые появились в московской большевитской прессе и которые Германия воспроизвела в одной из своих белых книг. Среди бесчисленных телеграмм, исходивших из Петрограда после русской революции, можно отметить две строчки, которые желали использовать для уличения французского правительства.

Извольский телеграфировал Сазонову 12 сентября и 21 ноября 1912 года, что министр иностранных дел Франции заявил тогда ему:

«Если конфликт с Австрией закончится вооруженным вмешательством Германии, Франция немедленно усмотрит в этом casus foederis и не потеряет ни минуты, чтобы выполнить свои обязательства перед Россией». Помимо того, что ничто не гарантирует нам правильности этих цитат, к которым я отношусь с большим недоверием, будем держаться точного смысла этих выхваченных двух строчек. Что они означают? Что посол России, стремясь выяснить, будет ли французский кабинет в 1912 году относиться с уважением, не смотря на неустойчивость нашего парламентского режима, к соглашениям, заключенным более чем двадцать лет назад, запрашивал меня по этому поводу во время тревожных событий на Востоке, и что я естественно ответил ему самым текстом нашего союзного договора: «Если бы Австрия вам об'явила войну и если бы Германия ее поддержала, мы выполним наши обязательства».

Каким образом я мог ответить иначе? И каким моральным авторитетом мы пользовались бы, если бы мы отвергли наши обязательства? Нет, я совершенно уверен, что мною никогда не было произнесено ни одного слова, которое позволяло бы думать, что мы могли в каком либо случае не выполнить наших

обязательств. И я не менее уверен в том, что в то же самое время я советовал России умеренность, мудрость и спокойствие. Телеграммы, которые я цитировал и которые составляют раму для двух строчек, приписываемых Извольскому, решительно указывают, насколько далека была политика Франции в балканском вопросе от того, чтобы вполне солидиризироваться с Россией. Ведь это мы в 1912 году потребовали и достигли того, чтобы все восточные вопросы рассматривались, как вопросы общеевропейского характера.

Но, как ясно показал Говен в своей прекрасной книге, посвященной вопросу о происхождении войны, именно венский и берлинский кабинеты, имевшие возможность удержать балканские государства, не были возмущены, когда военные действия были об'явлены. Они рассчитывали на победу турок и надеялись, что сербы и болгары скоро исчерпают свои силы и превратятся либо в легкую добычу, либо в удобный материал для воздействия. Они были весьма неприятно поражены громкими победами под Киркилиссе, Куманове и под Монастырем, которые позволили сербам пройти через Албанию к Адриатическому побережью и соединиться с болгарской армией под стенами Адрианополя. Обеспокоенная этим, Австрия поспешно вооружалась. В октябре правительство потребовало от парламента чрезвычайных кредитов, которые немедленно были ему предоставлены. Мало по малу все части армии в Боснии и Герцеговине были мобилизованы; более ста тысяч человек было сконцентрировано в Сараево, в Гравоза и затем в долине Дуная, в двух шагах от Белграда.

18 декабря 1912 года наш генеральный консул в Триесте сообщал нам:

„Остановка балканских союзников, сопротивление Адрианополя позволили Австрии подготовиться; она смогла произвести мобилизацию и найти необходимые денежные средства. Пассивность России, которая кажется не готовой и недостаточно сильной для военного выступления, мысль о том, что в этой пассивности повинна Франция, которая стремится помешать войне из боязни общеевропейского конфликта, поведение Англии, которую Австрия считает склонной благожелательно отнестись к ее претензиям,— все это ведет к тому, что Австрия становится все более требовательной".

На лондонской конференции венский и берлинский кабинеты действительно стремились внушить Европе решения, благоприятные для их собственных интересов и противоположные пожеланиям балканских народов.

После того как Сербия не была, как на это надеялись, разгромлена Турцией, нужно было, по крайней мере, отнять у нее плоды ее победы [1]).

Тройственный союз ранее срока был возобновлен, в декабре 1912 года. Несколькими неделями раньше германский генеральный штаб, руководимый Мольтке и Людендорфом, принял новые военные меры, которые он считал—как он говорил — необходимыми, чтобы обеспечить Германии «влияние, которое она должна иметь при решении мировых вопросов». Проект был представлен в том же декабре месяце канцлеру Бетман-Гольвегу. Он был написан Людендорфом и принят военным министром фон-Геерингеном. Он был одобрен 1-го января 1913 года высшим советом генералов, который заседал в королев-

---

[1]) Депеша Аллизе, французского посланника в Мюнхене 10 июля 1913 года.

ском дворце [1]), и был представлен рейхстагу в начале марта. Чтобы укрепить свое военное положение и увеличить его действенность, Германия потребовала от своих плательщиков чрезвычайного налога в миллиард марок.

Только после того, как Германия приняла на себя столь ужасный почин, Бриан, председатель совета министров, и после него его преемник Барту, в полном согласии с военным министром Этьеном, первый предложил, а второй защищал в парламенте закон, устанавливающий во Франции трехгодичный срок службы. Этот закон вожди нашей армии рассматривали, перед угрозой вооружений со стороны Германии, как повелительный долг для нашей национальной безопасности. Об'явление увеличения контингента новобранцев в Германии, тревоги, вызванные балканским кризисом, затруднения, связанные с выполнением марокканского договора, воспоминание об инцидентах в Танжере, Казабланке и Агадире, все это, вполне понятно, вызвало новый под'ем патриотического чувства. Когда германцы похитили в Брюсселе архивы наших бельгийских друзей, они шумно ликовали потому, что в одной или двух своих депешах барон Гильом, бельгийский посланник в Париже, обнаружил известный шовинизм в некоторых проявлениях, весьма безобидных однако, французского общественного мнения.

Барон Гильом был очень честный человек, но несколько нервный наблюдатель, который, как некоторые бельгийцы перед войной, верил в миролюбивое настроение Германии. Он был недостаточно информирован своим знаменитым берлинским колле-

[1]) Жюль Камбон, депеша 6 марта 1913 года и сообщение о проекте военного закона (апрель 1913 года).

гой, бароном Бейенс, который выпустил прекрасную книгу воспоминаний и столь тонко охарактеризовал эволюцию императора и его советников. Барон Бейенс писал сам из Берлина 18 октября 1912 года Давиньону, министру иностранных дел:

«Первым последствием балканского кризиса явилось сближение между императорским правительством и правительством республики. Одинаково желая видеть кризис на полуострове локализованным и избежать европейской войны, они согласились действовать в одном направлении с их уважаемыми союзниками, Россией и Австрией. Личный почин Пуанкаре, в целях восстановления мира, заслужил одобрения и даже похвал со стороны германской прессы»... И даже больше того, в корреспонденции самого Гильома я нахожу от 3 марта 1913 года суждение барона Шена, германского посланника, по поводу позиции французского правительства. Шен жаловался бельгийскому посланнику, что общественное мнение, как во Франции, так и в Германии одинаково возбуждено, и он прибавлял: «Это тем более смешно, что в течение всего кризиса, который мы переживаем, оба правительства выказывают наиболее миролюбивые чувства и в течение долгого времени помогают друг другу, чтобы избежать конфликтов».

Шен, несомненно, обнаружил добросовестность, когда он воздал должное нашим миролюбивым чувствам; он указывал также на миролюбивое настроение своего правительства. Но как бы он об'яснил новые военные меры, принятые Германией без всякого вызывающего повода с нашей стороны? Каким образом об'яснил бы он также то обстоятельство, что несколько дней спустя, после разговора, который он имел с посланником Бельгии, Вильгельм II

прибыл в Поло, чтобы сделать визит австро-венгерскому флоту, и в Венецию, чтобы возобновить перед королем Виктором Эммануилом глубочайшие уверения в своей дружбе? Истина заключается в том, что в тот момент, когда Германия получила одобрение рейхстага для своего нового военного закона, она еще стремилась выиграть время; она желала возможно больше вооружиться, прежде чем рискнуть пуститься в преступную авантюру. Но если прочитать мемуары о том, каким путем, с помощью Людендорфа, она добилась у рейхстага в марте 1913 года одобрения нового военного закона, то можно найти следующие уличающие фразы:

«Нужно заставить народ привыкнуть к мысли о том, что наступательная война с нашей стороны является необходимостью, чтобы разрушить замыслы противника... Нужно вести дело таким образом, чтобы под гнетущим впечатлением могущественных вооружений, значительных жертв и тревожного политического положения пришествие войны показалось бы избавлением» [1]).

Так приучали народ к мысли о необходимости наступательной войны. Но так как надо было ждать удобного момента и проведения в жизнь новых законов, генерал Мольтке советовал своему австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу запастись терпением, и 1 февраля император Франц Иосиф отправил, через посредство полковника Гогенлоэ, личное письмо к царю Николаю II, в котором он предлагал произвести одновременную демобилизацию Австрии и России —предложение, от которого Франц-

[1]) «Livre jaune» 1914 года по вопросу о европейской войне стр. 10 и 11—Людендорф — „Французская фальсификация моей записки 1912 года по вопросу об угрозе войны"—«Deutsche Tageszeitung» от 17 июля 1919 года.

Иосиф воздержался в 1914 году, в тот момент, когда оно могло спасти положение. В феврале 1913 года Англия и Франция посоветовали России, в интересах всеобщего мира, дать быстрый и благоприятный ответ, и по обе стороны границы войска были демобилизованы.

Но в то же самое время, когда Австрия и Германия таким образом, казалось, работали для сохранения мира, они тайно подготовлялись к войне [1]).

24 января 1913 года Энвер-Паша, Талаат и Джемаль Паша захватили власть в Константинополе. Они были, как вам известно, сторонниками Вильгельмштрассе. Германское влияние стало господствующим в Турции.

20 марта австро-венгерское правительство послало в Цетинье угрожающую ноту и, чтобы принудить Черногорию снять осаду Скутари, оно дало адриатическому флоту приказ крейсировать около берегов маленького королевства. Несколькими днями позже, по словам Титтони, сказанным им 24 июня 1915 года в речи в Сорбонне, Австрия обнаружила намерение оккупировать Черногорию и встретила оппозицию со стороны Италии. В этот раз снова кабинеты Парижа, Лондона и Петербурга согласились на компромиссе, который имел своей целью удовлетворить Австрию в значительно большей степени, чем Россию и балканские государства. Они склонились к тому, чтобы повлиять на Черногорию, и не смотря на то, что 23 апреля Скутари пало, благодаря Эссаду-Паше, под ударами осаждающих, лондонская конференция отказалась предоставить город королю Николаю.

---

[1]) Таке Ионеску—Происхождение войны.

30 мая 1913 года турецко-балканский мир был подписан в Лондоне при участии держав.

Сербия получила часть Македонии, но на Адриатике она приобрела только один транзитный порт. Салоники и Крит были окончательно закреплены за Грецией. Силистрия сделалась румынским городом. Европа благожелательно отнеслась ко всем предложениям относительно образования автономной Албании, во главе которой центральные державы добились права поставить принца немецкой крови, принца Вида, из которого они мечтали в будущем сделать проводника германизма.

Германский посол в Лондоне князь Лихновский заявил в своих мемуарах о величайшем беспристрастии, проявленном сэром Эдуардом Греем во время его председательствования в течение долгих дебатов, которые закончились трактатом 30 мая. И действительно, известно, что в продолжение всех переговоров именно умеряющее действие Англии, России и Франции день за днем подготовило заключение мира.

Чем компенсировала Германия наши усилия? Казалось что, она искала случая испытывать наше терпение путем различных инцидентов.

3 апреля в шесть часов утра цепеллин „L. Z. 16“ отправился из Фридрихсгафена в пробный полет. Он имел у себя в гондоле приемочную комиссию, состоявшую из трех германских офицеров. К 8 или 9 часам утра дирижабль пересек нашу границу и пролетел над французской территорией в окрестностях Бельфора.

В течение шести часов он проделывал эволюции над департаментами Верхней Соммы, Вогез и Мерт и Мозель. Не имея больше ни балласта, ни газа, он кончил тем, что спустился в 14 часов на маневрен-

ном поле Люневилля. Это воздушное путешествие не казалось особенно подозрительным и давало возможность германским офицерам свободно заниматься наблюдениями в течение всего утра. Капитан Жорж был однако уполномочен предупредить телеграммой барона Шена о спуске цепеллина, и местные власти предоставили в распоряжение пилота, чтобы облегчить спуск, полтораста человек из люневилльского гарнизона; мы прицепили к экспрессу вагон, посланный из Оосбадена и содержащий баллоны с водородом; мы позволили, наконец, цепеллину возвратиться в Германию по воздуху; короче говоря, поведение Франции было настолько предупредительное, что германское правительство почувствовало себя сначала обязанным публично выразить ему признательность.

Но лишь только дирижабль вернулся на свой аэродром, как германская пресса набросилась на военных чиновников и население Люневилля, которые, как твердила она, были недостаточно вежливы с германскими офицерами. И тотчас же берлинское правительство переняло эти клеветнические нападки.

Шен появился на quai d'Orsay со своим обычным для дурных дней видом. Он жаловался на препятствия, которые будто бы ставились телеграфным сообщениям капитана и пилота, на меры, которые были приняты, чтобы держать экипаж в отдалении от дирижабля, на оскорбительные надписи, которые прохожие начертили мелом на гондоле.

Французское правительство не успело еще проверить эти разнообразные обвинения, когда днем 13 апреля произошел новый инцидент в Нанси.

В этот день две германские группы явились в качестве туристов в лотарингскую столицу. Одна из этих групп завязала незначительную ссору с продавцом газет; другая, в рядах которой находилась

одна оперная певица, посетила вечером казино, буйно вела себя за столом и была призвана к порядку несколькими студентами. После закрытия казино, немцы направились к вокзалу, чтобы сесть на ночной поезд и их веселость вызвала вокруг них маленькую манифестацию, конечно, неуместную, которая проводила их до платформы станции и закончилась обменом несерьезными ударами. Как ни печально было это несчастное столкновение с иностранными путешественниками, оно, казалось, могло бы найти свое об'яснение в их поведении, тем более, что наибольший ущерб, который она вызвала, была потеря одной шляпы. Никто не мог предполагать, чтобы это скандальное происшествие могло принять размеры исторического события. Зато германская пресса была на страже. Она сейчас пошла войной на Францию и через день, 15 апреля, Рихтгофен внес этот вопрос в рейхстаг.

Не ожидая подтверждения фантастического рассказа, который опубликовали рептильные газеты, министр иностранных дел Ягов с величайшей поспешностью высказал порицание французам.

В то время, как императорское правительство, казалось, не имело другого желания, как только раздуть ночной скандал до степени международного конфликта, французское правительство лойяльно произвело административное расследование, в результате которого оно отозвало двух полицейских агентов, сместило главного и специального комиссара и предложило уйти в отставку даже префекту департамента Мерт и Мозелль. Могла ли Франция еще более ясно показать Германии и всему миру стремление правительства республики исключительно строгими мерами призвать всех агентов государства

поддерживать между Германией и нами добрососедские отношения?

Позволено ли мне будет прибавить, что в то же самое время президент республики в стремлении показать, что Франция не чувствует за собой никакой вины, сам искал случай войти в сношения с императором Вильгельмом в наиболее предупредительной форме?

5 марта, после катастрофы у Гельголанда, я послал следующую телеграмму: «Я узнал об ужасной катастрофе, которая повергла в траур императорский флот. Я приношу вашему величеству мои глубокие соболезнования и просьбу выразить мое сочувствие семьям тех, которые погибли при исполнении своего долга».

И император ответил: «Берлин, 6 марта. Очень тронут симпатией, которую вам угодно было засвидетельствовать мне по случаю ужасной катастрофы у Гельголанда, прошу вас, господин президент, принять мою искреннюю благодарность точно так же, как и благодарность германского флота. Подписано: Вильгельм, император, король».

23 мая 1913 года была послана новая телеграмма императору, чтобы поздравить его по случаю бракосочетания принцессы Виктории-Луизы.

15 июня император праздновал двадцатипятилетнюю годовщину своего восшествия на трон.

По этому поводу телеграмма президента республики: «В этот момент, когда ваше величество празднует двадцатипятилетнюю годовщину своего восшествия на престол, прошу принять мои искренние поздравления и приветствия вам и императорской и королевской фамилии. Подписано: Р. Пуанкаре». И император отвечал: «Весьма тронутый вашим любезным вниманием, прошу вас, господин

президент, принять мою искреннюю благодарность за поздравления и привет, который вы были добры выразить мне по случаю моего юбилея. Подписано: Вильгельм, император, король».

11 сентября 1913 года, во время путешествия, которое совершал в Лимузен, я узнал о гибели цеппелина около Гельголанда и из лагеря в Куртине я послал императору «выражение моего соболезнования». Он снова благодарил меня

Пятью днями позже майор — впоследствии генерал — Винтерфельд, германский военный атташе во Франции, тот самый, который во время заключения перемирия был послан Германией в качестве парламентера к маршалу Фошу, сделался жертвой несчастного случая с автомобилем, во время наших больших маневров на юго-западе, и был переправлен в Гризольль в дом одного жителя, который оказал ему любезное гостеприимство. Я сам присутствовал на маневрах; я немедленно отправился к изголовью раненого и зная, что он очень любим императором, поспешил сообщить о нем сведения его государю: «Гризолль, 16 сентября. Я посетил майора Винтерфельда, который сделался жертвой несчастного случая с автомобилем во время маневров. Я очень рад сообщить вашему величеству, что предсказания врачей благоприятны, и что положение майора уже значительно улучшилось. Констатированы только контузии и кровоподтеки без всякого перелома. Я имел возможность говорить с ним и он не проявил никаких признаков усталости во время разговора. Прошу ваше величество принять уверение в моем высоком уважении к вам. Р. Пуанкаре».—«Гризолль, 17 сентября. Я глубоко сожалею о том, что мне приходится известить ваше величество, что ночью положение майора Винтерфельда признано врачами более

тяжелым, чем они думали раньше. Обнаружен перелом таза, который потребует хирургического вмешательства. Г-жа Винтерфельд, предупрежденная, прибыла к раненому. Р. Пуанкаре». И из Кадинена император отвечал: «По прибытии моем сюда, я получил обе Ваши любезные телеграммы, которые Вы были так добры послать мне относительно состояния здоровья майора Винтерфельда. К сожалению, второе известие устранило надежду на благоприятный исход которую давала первая телеграмма. Несчастный случай, должно быть, очень серьезен. Очень тронут той заботой, которую вы проявили к раненому, и той теплой симпатией, которую вы мне засвидетельствовали по этому случаю. Прошу Вас, господин президент, принять мою глубокую и искреннюю благодарность. Прошу верить, господин президент, в мое глубокое уважении к Вам. Вильгельм II, император, король».

Рана майора была, действительно, очень тяжела; в течение многих месяцев он лежал в Гризолле, где за ним ухаживали с большой заботой и преданностью французские врачи.

Правительство республики не упускало, таким образом, случая, чтобы засвидетельствовать Германии знаки примирения, которым оно вдохновлялось. Что делала Германия? Она тщеславно праздновала столетие сражений 1813 года, и император обратился к своей армии со следующим воинственным приветствием: «Мы тоже пойдем в битву с радостью и уверенностью в сердце». А что делала Австрия? Она искала, при поддержке Германии и в сообществе с королем Фердинандом Болгарским, случая, чтобы снова зажечь войну, которую с таким трудом удалось потушить на Балканах [1]).

См. Bardoux—La Marche à la guerre. гл. IV.

В ночь с 29 на 30 июня Фердинанд отдал генералу Савову приказ аттаковать сербскую армию на Вардаре. 10 июля Румыния, в свою очередь, открыла военные действия против Болгарии, а при виде того, как христианские нации воюют друг с другом, германофильское правительство Константинополя поспешило бросить свои войска на Адрианополь и во Фракию.

Данев, который был преемником Гешова на посту председателя совета министров в Болгарии, всегда уверял, что он оставался в полном неведении относительно этого необдуманного поступка, и с своей стороны генерал Савов заявлял—и это не было опровергнуто—что он повиновался приказу, данному его королем.

Повидимому, несомненно установлено, что прежде чем броситься на сербов, своих вчерашних союзников, Фердинанд Кобургский получил от Австро-Венгрии, в то время союзницы Румынии, заверение, что румынский король Карл I Гогенцоллерн окажет ему помощь за обещание дунайского четырехугольника.

Австрия расчитывала, что это сотрудничество Румынии и Болгарии будет иметь своим последствием полный разгром Сербии. Но когда в мае месяце венский кабинет уполномочил своего посланника князя Фюрстенберга осведомить правительство короля Карла, что, в случае конфликта между Болгарией и Сербией, Австро-Венгрия открыто встанет на сторону Болгарии против Сербии и будет защищать ее в случае нужды вооруженной рукой, Майореску, министр иностранных дел, отсутствовал, а Таке Ианеску, в то время министр внутренних дел, который получил это осведомление, оказал ему такой холодный прием — как он сам потом рассказы-

вал [1]), что князь Фюрстенберг не решился возобновлять своего сообщения Майореску.

Далекая оттого, чтобы соединиться с Болгарией, Румыния спросила австрийскую опеку: она мобилизовалась, но против Болгарии. Баллплатц пытался ее удержать и сохранить ее с тройственным союзом. Он предложил ей выпрямление границы к югу от Силистрии и территориальные приращения за счет Сербии. Тщетные усилия. К Румынии вернулось правильное понимание ее пути, и король Карл вынужден был склониться перед волей своей страны и отказаться входить в заговор против Сербии. Предоставленный самому себе, король Фердинанд Болгарский попался в свою собственную ловушку. Он думал раздавить Сербию, и был разбит ею.

И тотчас австро-венгерское правительство нашло другое средство для осуществления своего неизменного плана. В тот самый момент, когда вторая балканская война закончилась, и когда мир был подписан в Бухаресте, Австрия обратилась к Германии и к Италии и заявила им о своем намерении самой действовать против Сербии.

5 декабря 1914 года Джиолитти разоблачил в итальянском парламенте этот цинический шаг, которого совершенно достаточно для того, чтобы осудить двуединую монархию и заранее нам уяснить ее гнусное поведение в 1914 году. В августе 1913 года покушения в Сараево не было; Австрия не имела никакого предлога, чтобы уничтожить Сербию. Вот однако то, что телеграфировал маркиз де-Сан-Джулиано 9 августа Джиолитти, тогдашнему председателю совета министров Италии:

---

[1]) Журнал «La Roumanie, см. ст. Таке Ионеску

«Австро-Венгрия осведомила нас так же, как и Германию, о своем намерении действовать против Сербии и она рисует это выступление, как действие оборонительное, надеясь использовать его в отношении к тройственному союзу, как casus foederis, который я считаю неприменимым в данном случае. Я стремлюсь согласовать свои усилия с Германией, в целях помешать этому австрийскому выступлению, но необходимо прямо сказать, что мы не рассматриваем этот преждевременный акт, как оборонительный, и что, следовательно, мы не считаем, что здесь приложим casus foederis. Я прошу тебя телеграфировать мне в Рим, одобряешь ли ты меня».

Таким образом, Австрия в августе 1913 года думала об'явить войну Сербии за то, что Сербия вместо того, чтобы быть разгромленной Фердинандом Болгарским, оказалась победоносной; и чтобы попытаться оправдать нападение, о котором она мечтала, австрийское правительство спрашивает у Италии и у Германии: «Согласны ли признать, что нападая на Сербию, я совершаю лишь оборонительный акт, и согласны ли вы впоследствии притти мне на помощь, как это предвидит наш тройственный союз?».

И вот каким образом ответил ей Джиолити: «Если Австрия выступит против Сербии, это будет означать, что casus foederis больше не существует. В этом выступлении она должна расчитывать только на свои силы. Не может быть вопроса о защите, поскольку никто не желает нападать на нее. Необходимо, чтобы это было заявлено Австрии в наиболее решительной форме, и надо надеяться, что соответствующее выступление со стороны Германии удержит Австрию от этой опасной авантюры». Надо надеяться! Джиолити, очевидно, был несколько скептически настроен относительно линии поведения Германии,

В это время были люди более осведомленые, чем мы; но и к нам стали поступать тревожные известия.

5 сентября 1913 года мы узнали, что в Мюльхаузене производится учет лиц, подлежащих мобилизации от тридцати до сорока пяти лет,—мера, которая никогда не практиковалась со времени 1871 года. А наш консул в Базеле осведомил нас, что в Кирхене, в одной из общин баденского герцогства, соседней с Швейцарией, ландштурм получил те же самые указания [1]).

И не смотря на это германская дипломатия еще раз получила от тройственного согласия новую уступку. Пользуясь затруднениями, которые испытывала Болгария, Турция снова заняла Адрианополь. Германия, которая стремилась любой ценой поддержать требования Константинополя, настаивала перед Англией, Россией и Францией на том, чтобы Турции были предоставлены Адрианополь, Демотика и Киркилисе; хитроумная комбинация, которая, отбрасывала Болгарию от Босфора, натравляла ее против Сербии и подготовляла в будущем, при содействии центральных империй, турецко-болгарский союз.

«Болгария подписала мир с Турцией—писала «Кельнская газета» от 7 октября не для того только чтобы закончить войну, но также для того, чтобы найти в Константинополе поддержку в отстаивании общих интересов. Представляется невозможным, чтобы столь несовершенные договоры, какими оказались лондонский и бухарестский трактаты, обеспечивали бы на Востоке длительный мир. Австрия, которая со всех точек зрения была недовольна результатами войны, искала более чем когда либо случая проявлять

---

[1]) См. доклад сенаторской следственной комиссии.

свое влияние в Софии. А наша позиция, позиция Германии, какова она должна быть? Наша линия поведения на Востоке состоит в том, чтобы поддерживать при всяких условиях Австрию».

Вы видите, не правда ли, все более и более, как 1913 год об'ясняет события 1914 года [1]).

17 октября—новая тревога. Албанцы, несомненно подстрекаемые Австрией, возобновили свои нападения на Сербию; они были отброшены и, чтобы преследовать их, сербские войска временно перешли границу, определенную лондонской конференцией. Понятно, что Европе предстояло обсудить и ликвидировать инцидент. Но Австрия так не думала. Она хотела действовать самостоятельно и своими собственными мерами. Она посылает с одобрения Германии ультиматум в Белград.

Сербия в конце концов уступает, и на этот раз Австрия не осмеливается идти дальше.

Несколькими днями позже его величество король Бельгии, посетил в Люнсбурге драгунский полк, почетным полковником которого он был, и встретился с императором Германии и с начальником генерального штаба генералом Мольтке. И он был так поражен характером речей своих собеседников, что прежде чем возвратиться в Брюссель, поручил барону Бейенс, бельгийскому посланнику в Берлине, конфиденциально осведомить Жюля Камбона о том, что произошло во время этого важного свидания. До этого времени король разделял общее мнение, что влияние императора направлено в сторону поддержания мира. Но он нашел императора совершенно

---

[1]) См. Pierre Bertrand—«L'Autriche a voulu la grande guerre (ed. Bossard, 1916).—Eruest Denis,—„La grande Serbie",—Henry Wick ham, Steed—«L'Angleterre et la guerre».

отдавшимся мыслям о военных планах, сетующим без всяких оснований на тревожное состояние умов во Франции и заявляющим, что война близка и неизбежна.

«Чем об'яснить—писал Бейенс [1]), что император сообщил королю эту свою пессимистическую уверенность, и что она оказала большее влияние на державного собеседника, чем господствовавшая еще в то время в Бельгии уверенность в миролюбивых чувствах императора. Причиной тому было то, что, по словам императора, Франция будто бы сама желала войны, и что с этой целью она будто бы спешила вооружиться, как это видно из проведения закона о трехгодичной военной службе. Ясно, что, говоря таким образом, Вильгельм был уже уверен в победе». И барон Бейенс продолжает: «Бельгийский король, который лучше знал истинное настроение общественного мнения и правительства Франции, тщетно пытался разубедить его».

6 ноября король Альберт имел другое собеседование с генералом Мольтке, и этот последний, высказавшись так же, как и император, относительно Франции, указывал на неизбежность предстоящей войны и еще более, чем император был убежден в достижении успеха.

«Какова была цель—спрашивает себя Бейенс—этих сообщений? Не трудно ответить на этот вопрос. Они были вызваны стремлением пригласить Бельгию броситься, перед лицом грядущей опасности на западе Европы, в об'ятья более крепкие, в об'ятья, которые готовы были открыться, чтобы стиснуть Бельгию и потом задушить ее»!

---

[1]) L'Allemagne avant la guerre (Van Oest et C-ie) См. «Livre jaune»—депеша Жюля Камбона 22 ноября 1913 года.

Эти новые планы императора, которые возникли в тот самый момент, когда в Саверне офицеры, по его указанию, оскорбили беззащитных эльзасцев, несколько дней спустя проявились на Востоке.

В декабре месяце военная германская миссия утвердилась на берегах Босфора, и ее начальник Лиман-фон-Сандерс был поставлен во главе армейского корпуса в Константинополе, и затем, после представлений со стороны России, он был призван к обязанностям, которые совершенно не отдалили его от проливов, так как он был назначен главным инспектором турецкой армии в звании маршала. В то же самое время, Турция, по указанию Германии, купила один крейсер и заказала другие, а новый военный министр Энвер-бей раскассировал всех офицеров, которые считали невыносимым германское влияние.

Перед лицом всех этих тревожных симптомов Франция оставалась по прежнему верной своей политике мира.

Думерг, который пришел к власти после падения кабинета Барту, даже дал Германии новые доказательства доброго расположения Франции. Он вел в чрезвычайно примирительных тонах переговоры относительно железных дорог в Малой Азии и о багдадской линии.

Сержан, помощник управляющего государственным банком Франции, и консул Генри Понсо, которые были посланы в Берлин Пишоном и которые прибыли на Вильгельмштрассе несколько дней спустя после разговора императора с королем Бельгии, вошли в сношения с Розенбергом, советником министерства иностранных дел, Радовицем, советником посольства, с Гвиннером и Гельферихом, директорами германского банка. Жюль Камбон вел с своей стороны переговоры с Циммерманом, и не смотря на

многочисленные затруднения, которые были созданы германской делегацией, соглашение между представителями обоих групп было достигнуто 9 февраля 1914 г. Впрочем, это не обошлось без того, чтобы канцлер и сам император не обнаружили бы в разговоре с Жюлем Камбоном и французскими делегатами странного нетерпения:

«Германский народ нуждается в экспансии—повторял канцлер; Германия желает получить свое место под солнцем [1])». «Кончайте дело, и в особенности без промедления»—решительно заявлял император [2]).

Несколько недель спустя, секретарь князя Лихновского, германского посла в Лондоне, возвратился из Вены и по своем возвращении доложил своему шефу, что германский посол в Вене Чиршки заявил ему о неизбежности войны [3]).

Это было решено задолго до преступления в Сараево, причем была определена не только предварительная подготовка, но и поводы для кровавого решения.

Со старым императором Австрии происходила такая же эволюция, как и с Вильгельмом II.

В мае месяце маркиз Паллавичини, австрийский посол в Константинополе, был принят в аудиенции императором. Монарх также считал войну неизбежной. «Центральные державы—сказал он—не могут принять бухарестского договора, как акта, окончательно решающего балканские вопросы, и только война одна может привести к приемлемому решению».

Маркиз Паллавичини сам рассказал об этом собеседовании Моргентау, послу Соединенных Штатов

---

[1]) Депеша Жюля Камбона, 28 февраля 1914 года.
[2]) Протокол 14-го заседания делегаций, 5 февраля 1914 года.
[3]) Мемуары князя Лихновского.

в Константинополе, который указывает на это в своих мемуарах [1]).

Но мы имеем нечто большее, чем это; мы располагаем, как вы увидите позже, непосредственным признанием самого Франца-Иосифа.

Австрия, действительно, испытывала удары по больному самолюбию. Этот принц Вильгельм Вид, которого она успешно провела, с согласия держав, на трон Албании, и который встретил как в Париже, так и в Лондоне весьма вежливый прием, совершил вместе со своим правительством ряд грубых ошибок и в мае месяце был изгнан албанцами.

Император Вильгельм тотчас же почувствовал необходимость сговориться по восточному вопросу с наследным принцем эрцгерцогом Францем-Фердинандом, которого он считал, в течение уже некоторого времени, своим постоянным конфидентом и с которым еще недавно он встретился в Мирамаре. Новое свидание было назначено на 12 июня, и так как «любопытство публики и интерес со стороны дипломатов были очень возбуждены этим свидетельством дружбы, то чтобы не вызывать беспокойства» было решено, что наследный принц встретит своего державного друга в славившемся своими розами имении своем, в Конопиште, в Богемии. На таком толковании смысла свидания настаивал Ягов до 1919 года в своей книге «Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges» [2]). Вероятно, однако, что, вдыхая запах роз, эрцгерцог и император обменялись взглядами, по поводу создавшегося политического положения.

17 февраля германский посол в Вене, Чиршки, послал канцлеру доклад, который совершенно не

---

[1]) Французский перевод, стр. 83—84.
[2]) Уже цитированная работа барона Бэйенс.

касался вопросов садоводства и который начинался следующим образом:

«Граф Берхтольд был приглашен в Конопишту эрцгерцогом Францем-Фердинандом после от'езда его величества императора. Министр рассказывал мне сегодня, что его императорское и королевское высочество выразил полнейшее удовлетворение визитом его величества императора. Они обсуждали всевозможные вопросы и смогли констатировать полное совпадение их взглядов [1])».

Каковы были на самом деле эти взгляды? Император не рассказывал об этом, а эрцгерцог унес, несомненно, с собой в могилу эту тайну.

В день убийства, когда Вильгельм II получил печальное известие, он был на призовых гонках в Киле, на борту его яхты находился монакский князь, и вот после того как он прочел телеграмму, он произнес, к великому смущению своего гостя, следующую фразу:

«Теперь, все, что я делал, приходится начинать сызнова»—загадочная фраза, которая поразила монакского принца, сообщившего мне ее по своем возвращении в Париж, не будучи в состоянии, конечно, расшифровать ее смысл.

Как бы там ни было, но на следующий же день после свидания в Конопиште, Австрией были приняты необ'яснимые военные меры. 27 июня, т.-е. накануне покушения в Сараево, наш посланник в Белграде писал:

«На белградской границе в течение последних дней предпринимаются военные приготовления. В Боснии и Далмации сконцентрировано сто тысяч

---

[1]) Die deutschen Dokumente, № 4-цитир. работа Каутского стр. 45.

человек и на берегах Савы и Дуная установлены кардоны из войск и жандармерии. Землинская бригада усилена каваллерией и артиллерией. Железная дорога охраняется войсками от Землина до Шабатки».

В то же самое время в Балльплатце принялись за работу и подготовили большой меморандум, предназначенный для того, чтобы показать всю невыносимость положения на Балканах.

Как отмечает Карл Каутский, этот документ невозможно иначе рассматривать, как облеченное в дипломатические формы предложение превентивной войны против России.

«Авторы меморандума принялись сначала за Румынию, король которой, тоже Гогенцоллерн, принимал царя в Констанце; они доносили на него, что он отдалился от Австрии, не смотря на все «дружеские увещания». «Они не ожидали—прибавляет он—благоприятной перемены в нем, и приходили к заключению, что Австрия должна отказаться не только в отношении к Румынии, но также и в отношении к Сербии и России, от того, что они несколько пренебрежительно называли политикой спокойного ожидания» [1]).

Этот меморандум, который был написан между 14 и 27 июня, Франц-Иосиф лично направил Вильгельму II после трагической смерти эрцгерцога и комментировал его в письме, которое также было опубликовано германской делегацией и которое содержало пространное экспозе с обвинениями, направленными против Румынии, Сербии и России.

После указаний на то, что быть может невозможно доказать участие сербского правительства

---

[1]) Die deutshen Dokumente, № 4.

в сараевском преступлении, он жалуется на политику Юго-Славии, которая представляет из себя— говорит он—постоянную опасность для его династии и его государств. Как будто эта постоянная опасность не создалась потому, что двуединая монархия аннексировала провинции и угнетала население; он жаловался на Румынию, которая по его словам, сближалась с Сербией; и он добавлял: «Усилия моего правительства должны направляться в будущем к изолированию и уничтожению Сербии». И он заранее намечает программу интриг, которые центральные империи должны попытаться завязать сначала во время войны в Софии и даже в Константинополе а; затем в Бухаресте и в Афинах. «Первым шагом должно явиться укрепление положения нынешнего болгарского правительства, с тою целью, чтобы Болгария, реальные интересы которой совпадают с нашими, была ограждена от нападок со стороны руссофилов. Если в Бухаресте будут знать, что тройственный союз решил не оставлять мысли о привлечении Болгарии в тройственный союз и готов предложить то же самое Румынии, тогда может быть там поймут, на какой опасный путь они вступили благодаря дружбе с сербами. Если это возымеет успех, следует пойти еще дальше и попытаться сблизить Грецию, Болгарию и Турцию».

Император все же откровенно признает в этом письме, что мысль изолировать и уничтожить Сербию пришла Австрии раньше роковой даты 28 июня. Смерть эрцгерцога не была каплей крови, которая переполнила чашу; она была только предлогом, использованным монархией Габсбургов, чтобы произвести насилие над Сербией и чтобы послать против маленького народа Straf-Expedition, карательную экспедицию, которую высокомерная и

задорная политика двуединой империи об'явила необходимой.

Ко всем политическим мотивам, которые толкали Австрию на рискованный путь войны, нужно прибавить и те финансовые затруднения, которые возрастали с 1912 года, благодаря вооружениям и повторным мобилизациям.

16 декабря 1913 года Дюмен, наш посол в Вене, писал нам: «Австро-Венгрия находится в тупике, из которого она не знает, как выбраться. Таким образом, ощущение, что народы движутся к полям сражений, толкаемые непреоборимой силой, возрастает день ото дня... Мне кажется существенным отметить, что здесь пытаются приучить к мысли о всеобщей войне, как к единственному возможному средству поправить финансы, которые пришли в полное расстройство после бесплодных, правда, военных напряжений, которые делались за последний год».

Это было время, когда в Берлине, в Вене и Будапеште умы подготавливались таким образом к мысли о грядущем конфликте, когда эрцгерцог Франц-Фердинанд покидал богемские розы, чтобы присутствовать на военных маневрах в Боснии.

Чем—простой ли бестактностью или же тонким рассчетом являлось то, что днем его торжественного в'езда в аннексированную столицу была избрана дата 28 июня, «Видов Дан», которая является для сербов годовщиной поражения, нанесенного им турками в 1389 году, в Мерльской равнине благодаря измене? Прибыть в Сараево 28 июня—это было во всяком случае гнусным вызовом гордому народу, который так тяжело переживал воспоминания о своем былом рабстве.

Другая странность. Эрцгерцог, наследный принц, прибыл в Сараево с своей женой, княгиней Гогенберг, с намерением проследовать в открытом экипаже по улицам славянского города, который с трудом выносил владычество австро-венгров, и, однако, как кажется, не было принято никаких мер предосторожности. Ни полиции, ни охраны... Правда, говорят, что эрцгерцог имел основание доверять славянам, и что он мог даже в их глазах сойти за друга, в виду того, что он—неизвестно, правда, так ли это — имел проект реорганизации империи на основе триализма. Я не хочу здесь пускаться в описание обстановки, которая остается очень загадачной, но мне кажется, что этого не следует связывать с тем или иным толкованием различных проектов, которые приписываются эрцгерцогу. Что не подлежит сомнению,—так это то, что по отношению к сербам он всегда был сторонником сильных и решительных мер; что прибывая в Сараево 28 июня, он, казалось, стремился оскорбить национальные чувства населения и что во всяком случае в этот день он не давал никаких обещаний относительно предполагаемой децентрализации и никакой надежды на освобождение. Чем об'яснить, что при таких условиях австровенгерские власти в Боснии оказались виновными в такой беспечности, что доктор Билинский, высший администратор провинции счел своим долгом выразить им строгое порицание за поведение?

Однако, весь город оказал эрцгерцогу радушный прием. Но, как только кортеж направился к городской думе, была брошена бомба юным типографщиком Габриновичем, который по странной случайности был сыном полицейского агента в Сараево. Снаряд взорвался позади кареты эрцгерцога. Двадцать лиц, среди которых находились и два адьютанта

Франца-Фердинанда, было ранено. Генерал Потиорек, губернатор Боснии-Герцеговины, счел, что ничего не следует менять в программе дня. Эрцгерцог продолжал свой путь к городской думе, принял там поздравления муниципалитета, отвечал указанием на уверенность в привязанности населения Боснии и Герцеговины и затем отправился в госпиталь, чтобы узнать о здоровье двух раненых офицеров. По дороге туда один боснийский студент, Гаврило Принцип, бросился к карете Франца Фердинанда с револьвером в руке и произвел два выстрела.

Первая пуля ранила эрцгерцога в горло; герцогиня Гогенберг, которая быстро встала, получила вторую пулю в живот. Оба были переправлены в Конак, в безнадежном положении, где они не замедлили испустить последний вздох.

В тот день, когда свершилось это гнусное преступление, в Париже происходил розыгрыш приза Лонгшамп. Граф Сечени, австрийский посол, находился рядом со мной в президентской трибуне, когда была получена телеграмма, извещающая о смерти эрцгерцога и герцогини Гогенберг. Я выразил, конечно, послу все негодование, которое это ужасное покушение вызвало во всей Франции и мои глубокие соболезнования несчастью, которое поразило императорскую семью; и я покинул трибуну раньше окончания бегов.

Когда я пожимал руку Лаговари, посланнику Румынии, этот весьма проницательный наблюдатель балканских событий сказал мне с настороженным видом: «Это несчастье может вызвать тяжелые последствия». . . . Они оказались—увы!—ужасающими. И однако 13 июля, когда австро-венгерское правительство послало в Сараево советника Визнера, чтобы обследовать документы следствия начатого против авторов покушения, он телеграфировал в Вену [1]):

[1]) Цитир. работа Каутского, стр. 48 и 49.

«Участие сербского правительства в организации покушения или в подготовке его и в снабжении оружием, ничем не доказывается и даже не может подразумеваться. Существуют, напротив, указания, которые устанавливают полное отсутствие его соучастия».

Разве это было важно Австро-Венгрии? За отсутствием участия сербского правительства постарались найти и втянуть в дело сараевских преступников одного или двух сербов из Белграда.

Этого оказалось достаточно, чтобы иметь нужный предлог и чтобы зажечь пожар во всей вселенной.

ГЛАВА V.

Трагические дни.

5 июля 1914 г. граф Сечени, посол Австро-Венгрии, посетил меня, чтобы поблагодарить от имени императора Франца-Иосифа за соболезнования, которые я выразил императорской фамилии по случаю убийства эрцгерцога. Во время собеседования я снова выразил тот ужас, который это преступление вызвало во всей Франции, и прибавил, что политические убийства являются обыкновенно, как это было и в случае убийства президента Карно во Франции, делом рук отдельных фанатиков. Граф Сечени, с которым, как уже говорил, я находился в великолепных личных отношениях и который— я убежден в этом—не помышлял о европейской войне, ответил мне однако: «Преступление Казерно не было вызвано франкофобской агитацией в Италии. Наоборот, в Сербии в течение многих лет пускаются в ход явно и тайно все способы, чтобы вызвать возбуждение против австро-венгерской монархии».

Он сам доносил об этом разговоре в следующих выражениях [1]): «Во исполнение ваших указаний я передал Пуанкаре благодарность австро-венгерского правительства за его соболезнования. Президент воспользовался этим случаем, чтобы возобновить уверения в том, что он со своей стороны принимает участие в трауре монархии и нашего государя.

---

[1]) Красная австро-венгерская книга №4. (См. Pierre Bertrand «L'Autriche a voulu la Grande Guerre (éditions Bossard).—Расшифрованная телеграмма на quai d'Orsay во время войны. См. Joseph Reinach. Histoire de douze jours (Felix Alcan).

Намекая на враждебные манифестации, которые сербы направляют против нас, он напомнил, что после убийства президента Карно итальянцы подвергались по всей Франции преследованиям населения. Я отметил ему, что в этом случае преступление не имело никакой связи с анти-французской агитацией в Италии, тогда как в Сербии, следует помнить, в течение многих лет практикуются явно и тайно все виды агитации против монархии. Заканчивая свидание, президент выразил свое убеждение в том, что сербское правительство весьма предупредительно по отношению к нам в вопросе о судебном преследовании и розысках, направленных против возможных сообщников преступления; это долг, от которого ни одно государство не могло бы отказаться».

Утверждение, которое было приписано послом мне, тотчас же было воспринято его правительством.

Форгач, который сфабриковал все документы аграмского процесса, инспирировал также и канцелярии Балльплатца. С его помощью последний рассчитывал возложить ответственность за сараевское покушение на правительство и армию Сербии. Судебное расследование велось, конечно, открыто; преследования имели место; были выслушаны многочисленные свидетели; и когда Австрия решила послать ультиматум Сербии, о котором вы знаете, она не осмелилась заявить, что сербские армия и правительство были непосредственно замешаны в преступлении, но она утверждала, что заговор, исполнителями которого явились Гаврило Принцип и Габринович, был организован в Белграде с помощью полковника сербской службы, Танкосича, что шесть бомб и четыре пистолета, которыми действовали преступники, были выданы в

Белграде этим офицером и другим лицом, по имени Милан Циганович, что бомбы оказались ручными гранатами, полученными из оружейного склада сербской армии, и что в целях обеспечения успеха покушения Циганович учил Принципа, Габриновича и Гравеса обращаться с гранатами и стрелять из пистолетов.

Если даже считать все эти факты правильно установленными, что они доказывают? Участие одного или двух сербов из Белграда в покушении не может остаться безнаказанным, и, конечно, следовало требовать строгих репрессий против виновных. Но австро-венгерское правительство хотело другого. Когда оно подготовляло свою ноту к державам, оно стремилось обвинить в соучастии все сербское королевство; оно упрекало его в допущении в прессе и в школах враждебной пропаганды, направленной против империи, и в предоставлении свободы действий ассоциациям, которые занимались агитацией против монархии и продолжали протестовать против аннексии Боснии и Герцеговины. Пикантная деталь, которая была открыта Эрнестом Дени, указывает, что все было искусственно и наспех сделано в этих австрийских обвинениях. Во французском тексте меморандума, который был вручен графом Сечени 27 июля, т. е. накануне об'явления войны Сербии, Бьенвеню-Мартен, временно исполнявшему обязанности министра иностранных дел, было сказано, что, в целях обеспечения тайны заговора, Тангосич и Циганович послали Циан Кали с приказом к обоим исполнителям убить себя после покушения. Циан Кали, что это еще за новый преступник, который был подослан к заговорщикам, чтобы напомнить им о священной клятве, которую они дали—умереть вместе со своей тайной? Эрнест

Дени, вооружившись немецким текстом меморандума, констатировал, что речь шла о цианистом калии, и что первоначальная редакция просто означала: «Руководители покушения вручили исполнителям цианистый калий с приказанием отравить себя, как только убийство будет совершено».

Поспешность, с которой производился перевод, обнаруживается во всем содержании досье. Но, плохо-ли, хорошо-ли, они держались вымышленного предлога.

В составленном после покушения меморандуме, о котором я уже говорил, и который Франц Иосиф отправил Вильгельму II, после извещения о смерти эрцгерцога было прибавлено post-scriptum, кончавшийся такими словами: «необходимость вынуждает монархию силой разорвать петлю, которой противник желает задушить ее». Это означало, что маленькая Сербия желает задушить Австро-Венгрию. Нужно было однако спешить, и более, чем кто-либо другой, спешил император Германии.

30 июня Чиршки, германский посол в Вене, отправил в Берлин донесение, в котором он писал:

«Вчера авторитетные лица выражали в моем присутствии желание окончательно свести счеты с сербами. Я пользуюсь каждым случаем, чтобы спокойно и серьезно предупредить принятие поспешных мер». Вильгельм делает отметку на этом донесении: «Кто уполномочил его на это?—пишет он (кто уполномочил Чиршки держаться этой примирительной позиции?). Это очень глупо. Это совсем его не касается. Это исключительно дело Австрии решать, что она должна делать. Позже, если дело пойдет плохо, скажут: виновата Германия, которая не пожелала. Пусть Чиршки сделает мне удовольствие оставить все эти глупости. С сербами нужно покончить воз-

можно скорее... Теперь или никогда!» 4 июля этот документ с указанной отметкой был отослан из кабинета императора в министерство иностранных дел. Приказ был дан: не удерживать Австрию, напротив, подстрекать ее к внезапному выступлению против Сербии.

Австрия не нуждалась в подталкивании на такое выступление. За два дня до этого Дюмен телеграфировал из Вены французскому правительству: «Преступление в Сараеве вызывает живейшее злорадство в военных австрийских кругах и у тех, которые не соглашаются сохранить за Сербией приобретенное ею на Балканах место. Расследование по поводу покушения было потребовано от белградского правительства в невыносимой для его достоинства форме, а отказ в нем послужил бы поводом к военному воздействию».

В тот самый день, когда донесение Чиршки было возвращено на Вильгельмштрассе, граф Гойос, начальник кабинета министра иностранных дел, прибыл в Берлин с личным письмом Франца-Иосифа, о котором я уже раньше говорил и которое настаивало на необходимости изолировать Сербию и уничтожить ее.

На следующий день, в тот момент, когда я принимал благодарность от графа Сечени, в Потсдаме, в императорском дворце, состоялось длительное и таинственное заседание.

По словам «Белой книги», опубликованной Германией в июне 1919 года, в этот день не состоялось заседание коронного Совета, под председательством императора, хотя об этом и говорили; в Потсдаме имели место только незначительные и безобидные разговоры. Австрийский посол Сегени, которому граф Гойос доверил письмо Франца-Иосифа, при-

был, чтобы вручить его императору Вильгельму II, и был приглашен императором к завтраку. Несколькими минутами позже и, конечно, совершенно случайно, канцлер Бетман-Гольвег и помощник министра иностранных дел, который замещал Ягова, тоже явились к императору, чтобы обсудить политическое положение; а на следующий день Вильгельм, успокоенный этими собеседованиями, отбыл на крейсере в Северное море; он, конечно, был совершенно уверен в сохранении мира.

«Белая книга» прибавляет однако: «Специальные решения не были приняты (в Потсдаме), так как и без того невозможно было в силу союзных обязательств отказать Австрии в поддержке, которая ей была нужна, и в получении реальных гарантий со стороны Сербии». «Белая Книга» признает в другом месте, «что в Берлине отдавали себе также отчет в возможности вмешательства со стороны России и в последствиях этого, но, говорит она, не рассчитывали на какую-либо возможность всеобщей войны. Что касается до намерения вызвать европейский конфликт, то об этом не может быть и речи».

Другими словами, входят в комнату, наполненную горючими веществами, зажигают спичку, бросают ее в связку пакли и говорят: «Я хочу поджечь только эту маленькую связку. Если разразится пожар, я буду ни при чем».

Однако было хорошо известно, что разгром Сербии явился бы не только coup de force, противным человеческим законам, но что подобное предприятие не может оставить общественное мнение России индифферентным и поставит снова на очередь восточный вопрос.

Доказательство, которое не оставляет никаких сомнений на этот счет, находится в «Красной австрий-

ской книге» 1919 года [1]). Граф Сегени сообщил своему правительству разговор с Вильгельмом II и следующим образом передал слова императора: «По его мнению, не нужно долго ждать с началом действий. Позиция России будет, конечно, враждебной, но к этой возможности долго готовились, и мы можем быть уверены, что, если даже начнется война между Австрией и Россией, Германия останется верной нам. Россия к тому же не готова к войне».

Правда, если верить профессору Гансу Дельбрюку и другим авторам меморандума об ответственности за войну, граф Сегени, старый и утомленный, мог плохо понять императора; но мы то ясно понимаем отметки, которые мы читали только что, и которые совершенно совпадают со словами в донесении австрийского посла.

Князь Лихновский, германский посол в Лондоне, тоже подтверждает раз'яснения, данные графом Сегени: «Я узнал,—пишет он в своих мемуарах,— что во время решительной дискуссии 5 июля в Потсдаме венские требования встретили простое и ясное признание всех облеченных полномочиями лиц и даже с тем добавлением, что было бы недурно, еслиб это вызвало войну с Россией. Так, по крайней мере, было сказано в австрийском протоколе, который граф Менсдорф (посол Австро-Венгрии в Англии) получил в Лондоне». Правда, Тирпиц писал в своих мемуарах: «Согласно раз'яснениям, данным им (императором Вильгельмом) моему заместителю утром 6 июля в парке нового дворца в Потсдаме, император не считал вероятным вмешательство России для защиты Сербии, так как царь не будет протежировать цареубийцам, и к тому же Россия не была в

[1]) Глава I, стр. 22.

это время способна ни с военной, ни с финансовой стороны вести войну. Император прибавил, несколько нервозно, что Франция наложит узду на угрозы России, в виду неблагоприятного состояния французских финансов и отсутствия у нее тяжелой артиллерии. Об Англии император совершенно не упоминал. Не думалось даже о возможности затруднений с этим государством».

Но в первом томе германской Белой книги, опубликованной в начале войны в то время, когда можно было еще рассчитывать на победу, не принимались еще те предосторожности, которые сочли нужным принять после поражения, и там было сделано следующее признание: «Мы могли сказать от всего сердца нашей союзнице, что мы разделяем ее точку зрения, и заверить ее, что тот путь, на который она сочла необходимым вступить, чтобы положить конец агитации Сербии против существования монархии, встретит с нашей стороны сочувствие. Мы понимали, что военные действия со стороны Австро-Венгрии против Сербии могут вызвать на сцену Россию, и мы приняли участие в войне, выполняя наши союзные обязательства» [1]).

Император Германии знал, конечно, что, предоставляя Австрии свободу действия, он создает общее затруднительное положение, и прежде, чем пуститься в Северное море, он позаботился предпринять ряд военных мер. Нота, датированная 30 августа 1917 года и составленная фон Бушем, помощником статс-секретаря, содержит следующее [2]) «На следующий день после того, как посол Австро-Венгрии вручил в июле 1914 года письмо императора

---

[1]) Стр. 3 и 4.

[2]) Die deutsche Dokumente и т. д. Выпуск VIII.

Франца-Иосифа, привезенное графом Гойосом, его величеству императору, и после приема канцлера Бетман-Гольвега и помощника статс-секретаря Циммермана, в Потсдаме у императора состоялось совещание военных начальников. В нем приняли участие Кипелль, заместитель Тирпица, капитан Ценкер, представитель главного морского штаба, представители военного и морского министерства и генерального штаба. Было решено принять, в виду возможных осложнений, подготовительные к войне меры. В заключение были отданы приказы. Из источника абсолютно достоверного. Подпись: Буш».

С своей стороны адмирал Тирпиц рассказывает в своих «Воспоминаниях» [1]), что император, действительно, пригласил в Потсдам капитана Ценкера и военного министра Фалькенгейна. Наконец, в октябре 1919 года было начато открытое расследование по поводу ноты Буша, и было установлено, что, если и не состоялось в начале июля в Потсдаме настоящее заседание коронного совета, то император во всяком случае вызывал туда адмирала Каппелля и генерала Бертраба, представителя генерального штаба. Прежде, чем сесть на крейсер, он пожелал все же, если не дать приказы, то, по крайней мере, осведомиться о состоянии морских и сухопутных сил.

Возвратившись в военное министерство, генерал Бертраб сообщил о своем разговоре с императором графу Вальдерзее, который писал по этому поводу: «Император сказал генералу, что он обещал императору Францу-Иосифу помочь ему германскими силами, если выступление, которое предполагалось Австрией против Сербии, вызовет осложнение... Что

[1]) 1919 г. стр. 209.

касается меня, который замещал генерала Мольтке во всех делах, касающихся войны—продолжает граф Вальдерзее,—я уже ничего не мог поделать, после аудиенции Бертраба в Потсдаме. Работы по мобилизации, согласно намеченному плану, были закончены 31 марта 1914 года. Армия была готова, как всегда».

Спустя два дня, 7 июля, состоялось заседание австрийского совета министров, о котором нас информирует австрийская «Красная книга» 1919 года[1]). Граф Берхтольд доложил, что пришло время навсегда поставить Сербию в положение, когда она не сможет больше вредить. Он прибавил, что императорское правительство Германии обещало безусловно помочь Австрии в войне против этой страны, и он не утаивал, что поединок с Сербией может иметь своим последствием войну против России. Но, заключил он, будет лучше, если война начнется теперь же, потому что Россия со дня на день становится все более влиятельной на Балканах.

Граф Тисса, председатель венгерского совета министров, показал себя более умеренным. Он признавал, что война против Сербии стала возможной, но он осудил формулу войны во что бы то ни стало и заявил, что он не соглашается на внезапное нападение на Сербию без предварительных дипломатических шагов. «Об этом, однако,—заметил он—кажется, думали, и это, к моему великому сожалению, обсуждалось в Берлине графом Гойосом».

Совет министров постановил, казалось, согласно желанию графа Тисса, до мобилизации послать ультиматум Сербии; но мнение всех присутствующих состояло в том, что «чисто дипломатический успех,

---

[1]) Стр. 25 26, 27 28.

даже если он приведет к унижению Сербии, не будет иметь цены, и что нужно предложить столь тяжкие условия, чтобы отказ от их выполнения был заранее предрешен, с тем, чтобы имелась возможность перейти к решительным действиям в форме военных мероприятий».

Конечно, германский посол в Вене Чиршки был осведомлен графом Берхтольдом об этом совещании, и он сообщил о нем в Берлин.

10 июля он снова известил свое правительство о разговоре, который граф Берхтольд имел с Францем-Иосифом и который ему немедленно был сообщен. Император заявил, что он соглашается поставить Сербии конкретные условия. На это Вильгельм II, отмечая донесение Чиршки, написал: «Но очень ясные и очень категорические! Они (австрийцы) имели достаточно времени для этого!»

«Если сербы—продолжал Чиршки,—примут все условия, которые им будут поставлены, это будет решение «очень неприятное» для графа Берхтольда, и он раздумывал еще об условиях, которые можно было бы поставить Сербии и которые явились бы совершенно невыполнимыми. Министр жаловался затем на позицию, занятую графом Тисса, которая создает ему затруднения на пути к решительному выступлению против Сербии. Граф Тисса полагает, что нужно действовать по-джентельменски». И здесь император Вильгельм ставит свою пометку. «Против убийц! После всего того, что произошло! Глупость!».

Умеренность графа Тиссы не долго продолжалась; он скоро присоединился к точке зрения графа Берхтольда, и 11 июля граф Сечени получил из Вены следующую телеграмму: «Достигнуто полное соглашение с Германией во всем, что касается политиче-

ского положения, созданного покушением в Сараеве и о всех возможных последствиях этого» [1]).

Затем 14 июля Чиршки телеграфировал в Берлин: «Граф Тисса посетил меня сегодня, после разговора с графом Берхтольдом. Граф мне сказал, что он всегда советовал благоразумие, но что каждый день укрепляет его во мнении, что монархия должна принять энергичные решения («ясно»— отмечает император...) Граф Тисса прибавил также, что занятая Германией позиция, удостоверяющая, что она будет стоять рядом с монархией, оказывает наиболее сильное влияние на твердость решения императора».

Таким образом можно считать доказанным, что Германия могла бы удержать Австрию.

Чиршки продолжает: «Окончательный текст ноты, предназначенной для Сербии, еще не составлен. Это будет сделано в воскресенье (19 июля). Что касается вопроса о времени вручения ноты Сербии, то решено сегодня, что более предпочтительно подождать от'езда Пуанкаре из Петербурга, т. е. 25 июля». И император, всегда спешивший, бросает следующие два слова: «Как жаль!»

Но Австрия знала, что она делала, когда отсрочивала на несколько дней посылку ультиматума. Президент республики отправился в Россию. Не следует, чтобы Вивиани и он были осведомлены об ультиматуме во время их пребывания там. В противном случае французское правительство могло бы на месте договориться с союзным правительством о мерах для поддержания мира, и удар не достиг бы цели.

---

[1]) Дешифрованная на quai d'Orsay за время войны телеграмма.

Тогда же, 12 июля, австро-венгерский министр иностранных дел телеграфировал графу Сечени: [1]). «Я прошу ваше сиятельство осведомить меня о дате отправления президента в Россию и вероятной длительности его пребывания там. А также дать мне указания относительно программы путешествия.» И пунктуально, 13 июля, после наведения справок на quai d'Orsay, граф Сечени сообщил в Вену требуемые указания.

К тому времени прошло уже много месяцев, как было решено путешествие президента республики не только в Россию, но и в Швецию, Норвегию и в Данию. В начале 1913 года произошел обмен визитами между королем Англии и президентом, между королем Испании и президентом, и правительству казалось затруднительным замедлять дальше визиты, которые делались Феликсом Фором, Лубе и Фальером государю союзной страны и которые являлись традиционной демонстрацией верности нашим соглашениям.

6 января Думерг, тогдашний председатель совета министров, телеграфировал нашему послу в Петербург, оповестить об этом визите и узнать время наиболее удобное для императора. В виду парламентской сессии и выборов, предполагалось определить для визита или время от 10 до 20 мая, или какой либо из дней после 16 июля.

Уже почти около года послом Франции в Петербурге был Делькассе. Бриан и Жоннар отозвали Луи, который все более и более недомогал, и сочли полезным заменить его достаточно известным политическим деятелем, который имел бы более свободный доступ к императору. Делькассе попросил все же

---

[1]) Телеграмма, дешифрированная во время войны.

освободить его от обязанностей в феврале 1914 года, и правительство Думерга заменило его тогда Палеологом.

Делькассе ответил председателю совета министров, что Сазонов весьма рад намечающемуся визиту и посоветуется с императором в будущую аудиенцию, но что Николай II ради здоровья царевича отправляется в Крым, где пробудет с марта до мая месяца.

Пресса того времени отметила этот проект путешествия, и Тьебо, наш посланник в Стокгольме, сообщил 15 января министру иностранных дел, что, по его мнению, было бы очень желательно, чтобы, возвращаясь из России, президент остановился в Швеции, как это сделал Фальер в 1908 году.

20 января Делькассе телеграфировал Думергу: «Пребывание в Крыму, куда императорская фамилия должна отправиться в марте из-за здоровья императрицы и наследного великого князя, делает невозможным визит в мае месяце. И очень вероятно, что императорская фамилия не вернется в Петербург раньше начала июня. Время наиболее благоприятное для императора определяется между 7 и 20 июля по русскому стилю т, е. между 12 июля 2 августа по нашему стилю».

Думерг, с своей стороны, поручил нашему послу осведомиться, отправится ли император во Францию, чтобы отдать визит, и это обещание было дано.

Таким образом была установлена программа пребывания президента в России от 20 до 24 июля. Короли Швеции, Норвегии и Дании пригласили представителя Франции посетить их страны, причем время возвращения определяло бы даты осуществления этих визитов.

Если я сообщаю эти детали, то делаю это для того, чтобы показать, насколько абсурдны рассказы, которые Германия распространяет по поводу этого путешествия. Еще, задолго до того как мы узнали в Париже о смерти эрцгерцога Франца-Фердинанда, до того все было предрешено: и вопрос о дороге, и вопрос о гаванях для остановки. Не только было неудобно по отношению к четырем иностранным правительствам не исполнить данного слова, но сверх того эта непредвиденная отмена известного и давнего плана заключала в себе риск, как бы в ней не усмотрели доказательства того, что международное положение внушает тяжелые опасения. Не следовало возбуждать умы и смущать общественное мнение. Французский кабинет под председательством Вивиани единодушно решил, что план, установленный предыдущим министерством, должен быть выполнен в назначенное время.

В среду 15 июля обе палаты утвердили бюджет 1914 года, который нормально должен был быть утвержден еще пять месяцев назад, и сессия палат была закрыта.

Совет министров заседал под моим председательством с 8 до 10 часов вечера для рассмотрения текущих дел перед моим от'ездом, а в 11 часов вечера я отправился на Северный вокзал, где я нашел Вивиани. В пять часов утра мы достигли Дюнкирхена и переехали на крейсер «France».

Четыре дня нашего путешествия были прелестны, и, когда мы, Вивиани и я, беседовали на палубе, мы часто спрашивали друг друга с беспокойством о том, что скрывается за медлительностью Австрии в сообщении нам своих намерений, но ни председатель совета, ни я, мы не думали о возможности грядущей войны.

В четверг 20 июля наш крейсер, в сопровождении французских и русских судов, остановились при великолепной погоде на кронштадтском рейде. И среди судов и пароходов, которые проходили толпой перед нами, я отметил с волнением судно, которое было нанято в складчину всеми членами французской колонии. Мы спустились в шлюпку, чтобы отправиться на императорскую яхту; с сердечной простотой царь пригласил нас поместиться в купе, и мы тотчас отправились в Петербург. Разговор, который я имел с императором на корме яхты, может быть резюмирован так же, как и все последующие разговоры, содержанием того письма, которое он написал мне 30 апреля—13 мая 1916 и которое Вивиани передал мне по возвращении из своей поездки в Россию.

«Я чувствую — сказал мне император — большое удовольствие снова видеть Вивиани, хранителя печатей, с которым я уже раньше познакомился, и снова вспомнить в связи с этим о моем последнем собеседовании с вами. Мы озабочены только тем, чтобы обеспечить мирное развитие наших обеих стран, в то время как враг стремится нарушить мир Европы в надежде достичь мировой гегемонии».

Мы были действительно не осведомлены о том, что подготовлялось в Вене и в Берлине, но настороженные таинственностью, которой характеризовалась австро-германская политика, я и Вивиани имели только одно стремление: работать изо всех сил для сохранения мира и для того, чтобы лучше гарантировать, в случае нового кризиса, верность России не только союзу с Францией, но также и соглашению с Англией. Вспомним, на самом деле, как умеряюще было в 1912 и 1913 году влияние британского кабинета и, в особенности, сэра Эдуарда Грея,

и отметим, что во всех балканских затруднениях полное согласие между Лондоном и Парижем являлось лучшим залогом сохранения европейского концерта.

К сожалению, в это время между Англией и Россией происходили прискорбные трения. Персидский вопрос принял с некоторых пор во взаимных отношениях обеих стран значительную остроту. Англия сетовала, не без основания я думаю, на позицию некоторых русских консулов, которые нарушали соглашение 1907 года и вели себя в Персии, как в завоеванной стране.

Я вместе с Вивиани очень надеялся убедить императора в законности недовольства со стороны британского правительства и энергично настоять на том, чтобы Россия постаралась устранить причины недовольства. Я встретил со стороны императора склонность к соглашению; он добросовестно признал, что русские агенты, преследуя местные интересы, очень легко упускают из виду интересы общие; он заверил меня, что он твердо решил создать дружественные отношения с Англией, и даже поведал мне, что несколько раньше написал королю Георгу, прося его отнестись благожелательно к заключению между обеими странами оборонительной морской конвенции. Во всем, что он мне говорил, император казался очень искренно настроенным в пользу мира; он совершенно не останавливался так же, как и я, на обсуждении возможного конфликта.

Вопрос о взаимоотношениях Англии и России несколько деликатный, и я не касался его во время разговора с Николаем II, который мы имели на борту яхты «Александрия» между Кронштадтом и Петергофом. Мы обменялись только общими замечаниями—и я даже вынужден сказать—достаточно

банальными о необходимости поддержания нашего союза. Большая часть разговора касалась пейзажа, который открывался нашим глазам, вопроса о самочувствии императорской семьи и наследника, здоровье которого улучшалось, и некоторых русских политических деятелей, о характере функций которых император хотел заранее поставить меня в известность.

Только на следующий день, во вторник 21 июля, утром, я получил возможность иметь с императором более длительное собеседование. Николай II отдал мне визит в петергофском дворце и оставался около часа со мной. Он обещал мне в скором времени сделать визит во Францию и выразил надежду, что здоровье императрицы позволит ей сопровождать его. Он не думал, конечно, в это время, так же как и я, что над миром разразится катастрофа, которая помешает реализации этого проекта. Он с благодарностью говорил о Франции, о том приеме, который ему был некогда оказан, и с видимой радостью надеялся повторить свое посещение Франции в 1915 году. В этот вторник 21 июля император, я свидетельствую это, не только не хотел войны, но даже не предвидел ее возможности.

Он кратко коснулся различных вопросов, которые в то время стояли перед Европой: он говорил мне об Албании,—он осуждал с некоторой строгостью неопытность и ошибки князя Вида; о Хиосе и Митилене — он находил, что сопротивление Греции требованиям Турции должно быть оправдано; о частичной мобилизации, которая была произведена в Италии, чтобы предупредить, как говорили, угрозы забастовок на железных дорогах; он смотрел несколько скептически на указанные мотивы; о короле Фердинанде Болгарском, которого он упрекал за

навязывание народному собранию, путем парламентского coup de force, займа, заключенного с германскими банками; о Турции, с которой, как он говорил, Россия в настоящее время находится в дружеских отношениях; о Швеции, позиция которой его беспокоила; она производила, говорил он мне, ничем неоправдываемые вооружения, которые, повидимому, направлялись против России; он просил меня дать королю Швеции, когда я буду в Стокгольме, формальное заверение в мирных намерениях императорского правительства.

Я ему ответил, что охотно передам эти заверения, но, информированный нашим посланником в Стокгольме Твебо, я добавил, что Швеция со своей стороны формулировала жалобы против России, которые кажутся основательными; особенно она жалуется на попытки шпионажа, одобряемые, повидимому, русским морским атташе.

Император протестовал против этих обвинений; я просил его навести справки и сказал ему, что Швеция была бы ему благодарна, если бы он дал соответствующий формальный приказ морскому атташе. Он обещал мне собрать справки. Он говорил мне также, конечно, об Австрии и о Сербии, но по этим вопросам он не был более осведомлен, чем я. Он спрашивал о намерениях Австрии, и неизвестность, в которой он находился так же, как и я, не позволяла придти по этому вопросу к какому либо определенному заключению. Он только повторил мне: „Нужно, чтобы в этом вопросе, как и во всех других, обе наши страны действовали согласованно». И с своей стороны я сказал: «Да, как в 1912 и 1913 году, необходима согласованность между нами и Англией, но без создания оппозиции со стороны одной группировки по отношению к другой, для

настойчивого поддержания европейского концерта и мира».

Впрочем, я заранее формулировал мысль свою и французского правительства в тосте, который я произнес накануне на банкете, устроенном императором: «Прошло почти двадцать лет с тех пор, когда в ясном предвидении нашей судьбы обе страны об'единили усилия их дипломатий и счастливые результаты, увенчавшие эту постоянную согласованность действий, ежедневно чувствуются в равновесии мировых сил. Образованный на основе общности интересов, освященный мирными стремлениями обоих правительств, опираясь на сухопутные и морские силы, которые знают, уважают друг друга и братаются между собою, укрепленный долгим опытом и полный искренней дружбы, наш союз, первый почин которого был положен императором Александром III и президентом Карно, постоянно давал доказательство своей благотворности и непоколебимой прочности. Ваше величество может быть уверено, что завтра, как и вчера, Франция будет отстаивать, в близком и ежедневном сотрудничестве с своей союзницей, интересы мира и цивилизации, для которых оба правительства и обе нации не перестают работать».

Ни Вивиани, ни я, за все время нашего пребывания в России, не произнесли ни одного слова, которое не согласовалось бы с этим официальным заявлением.

Во вторник после полудня мы отправились из Петергофа в Петербург. Император не сопровождал нас, и я был, признаюсь, несколько удивлен, что он предоставил нам одним посетить столицу, население которой, конечно, было бы счастливо устроить ему встречу.

Серьезные забастовки происходили в это время в городе, и—правда или неправда—императорское правительство склонно было видеть в этом провокацию со стороны Германии; нс тем не менее улицы были заполнены веселой и оживленной толпой. После приема французской колонии в посольстве, мы принимали дипломатический корпус в Зимнем дворце. Сопровождаемый Вивиани, я дал сначала короткую аудиенцию всем иностранным послам. Сэр Джордж Бьюкенен, посол Англии, выразил мне пожелание, чтобы персидский вопрос потерял возможно скорее свою остроту и чтобы все причины разногласий между Англией и Россией были устранены. Он не утаил от меня опасений, которые внушало ему молчание Австрии и неизвестность ее намерений. Граф Пурталес, посол Германии, встретил меня с безупречной вежливостью; он породнился с одним французским семейством, и я главным образом касался его личных дел. Барон Мотоно, посол Японии, с которым я давно был знаком, коротко изложил мне свою мысль, которую он часто высказывал и которая для него была особенно дорога: заключение четверного согласия между Францией, Россией, Англией и Японией. Я ответил ему, что уже существующие соглашения между Японией и Англией, так же как и между Россией и Японией естественным путем обеспечивают его стране дружбу Франции.

Маркиз Карлотти, посол Италии, дал мне дружественное заверение, что передвижение войск на полуострове об'ясняется исключительно забастовками на железных дорогах. Граф Чапари, посол Австро-Венгрии, выказывая исключительную учтивость, вел себя с чрезвычайной осторожностью. Он заявил мне и Вивиани, но в весьма неопределенных формах, что его правительство решило предпринять

в Белграде шаги, характер которых окончательно не определен, и он дал понять нам, что Австрия считает Сербию ответственной за сараевское покушение. Я спросил его, установило ли следствие причастность к убийству сербского правительства, на что он мне ответил уклончивыми фразами. Я сказал ему, как и графу Сечени 5 июля, что я очень надеюсь, что Сербия облегчит Австрии преследование и наказание виновных, и прибавил, что может быть было бы несправедливо делать ответственным весь народ за преступление отдельных лиц. Я заключил свои слова выражением уверенности, что вопрос о справедливом наказании убийц не вызовет международного обсуждения и не поведет к новому балканскому кризису и к новым осложнениям между Австрией и Россией. Граф Чапари дал мне банальные уверения относительно безобидного характера австрийской политики. Я ему напомнил о европейском сотрудничестве в предшествующие годы, и он удалился, учтиво пожимая мне руку, но оставляя у меня, несмотря на все, впечатление, что Австрия подготовляет „кое что". Что? Об этом невозможно было догадаться, но все же загадка была достаточно тревожной, чтобы желать предвидеть возможное. Нужно было избежать того, чтобы Россия, которая всегда рассматривалась, как покровительница Сербии, не осталась изолированной в этот критический момент от Англии и от Франции.

Мы должны были все же рекомендовать ей в то же самое время умеренность, такую политику, которая прочно опиралась бы на союз с Францией и на соглашение с Англией, которая в 1912 и в 1913 годах обеспечила сохранение мира и которая казалась единственно возможной, чтобы предотвратить опасность, угрожавшую нам.

После этих коротких собеседований я отправился к другим иностранным дипломатам и среди них к представителю Сербии Спалайковичу, ограничиваясь тем, что выразил им всем пожелания благополучия странам, которые они представляют.

Следующие два дня прошли на смотру в Красном Селе и на театральных представлениях, которые были нам предложены, и о которых я мог бы сообщить вам красочные рассказы.

До самого от'езда я имел с императором разговор только во время завтрака в четверг, и он касался снова вопроса о Швеции. Император просил меня передать королю, что он сохраняет лучшие воспоминания о своем пребывании в Стокгольме пять лет тому назад и о визите, который король сделал ему в Финляндии. Он настаивал на дружеском расположении России к Швеции, как и ко всем другим странам; и когда я ему напомнил о сетованиях шведского правительства, он ответил мне: «Конечно, это возможно, агенты военных министерств часто совершают неосмотрительные поступки. Я наведу справки и, если сделаны ошибки, я не замедлю их исправить».

— Могу ли я передать это королю?—спросил я.

— Не только можете, но я прошу вас об этом— ответил император.

В тот же самый день, в четверг 23 июля вечером, он отправился на крейсер „France", на котором был предложен обед императору, императорской фамилии и членам русского правительства. Мы все продолжали ничего не знать о решениях Австрии. В конце обеда я поблагодарил в нескольких словах императора и Россию за оказанный мне прием и закончил фразой, которая почти текстуально воспроизводила прежние заявления Карно, Фора, Лубэ

и Фальера: «По всем вопросам, которые ежедневно ставятся перед правительствами и которые определяют согласованную деятельность их дипломатий, согласие всегда устанавливалось и не перестанет устанавливаться с тем большей легкостью, чем больше обе страны видят результаты успеха, достигаемого каждой из них, благодаря этому сотрудничеству, и чем больше обе они воодушевлены общими идеалами мира, чести и достоинства».

К 10 часам вечера император покинул меня, повторив мне, что он рассчитывает посетить Францию весной 1915 года; „France“ и „Jean-Bart“ обменялись последними приветствиями с императорской яхтой, и, оставшись одни—Вивиани и я—мы поднялись на мостики крейсера, чтобы подышать ночным бризом и обменяться своими впечатлениями. Они не были особенно оптимистическими; мы спрашивали себя, что означает молчание Австрии, но мы были далеки от того, чтобы предчувствовать, что должно было случиться, и мы совершенно не думали торопиться с нашим возвращением; оставалось в силе наше прежнее решение, что после Стокгольма мы посетим Копенгаген и Христианию.

Но 21 июля германский главный морской штаб, осведомленный своим морским атташе в Петербурге, сообщил Ягову, министру иностранных дел, что мой от'езд из Кронштадта назначен на 23 июля в 10 часов вечера. В тот же день Ягов телеграфировал графу Пурталесу, чтобы получить подтверждение этому сообщению, и тотчас же предупредил Вену [1]).

---

[1]) Die deutschen Dokumente и т. д. № 93, 96, 112, 127. См. цитир. раб. Каутского.

„Я запросил графа Пурталеса о программе визита Пуанкаре. Он известил меня, что президент уедет из Кронштадта в четверг вечером в 11 часов, т. е. в 9 с половиной часов по времени центральной Европы. Если представление будет сделано в Белграде завтра в 5 часов пополудни, о нем будет известно в Петербурге во время пребывания Пуанкаре".

И германский посол в Вене Чиршки отвечал 23 июля: „Императорское и королевское правительство горячо благодарит вас за ваше сообщение. Барону Гизль (посланнику Австрии в Белграде) предлагается замедлить вручение ультиматума на один час". И действительно, ультиматум был вручен сербскому правительству только 23 июля в 6 часов вечера и стал известен в Петербурге только после ухода „France".

К чему это стремление скрыть от правительства республики этот ультиматум и помешать всяким немедленным переговорам по этому поводу между нами и Россией?

Согласно телеграмме Чиршки, датированной 14 июля [1]), австро-венгерское правительство хотело просто избежать, чтобы в Петербурге или в Кронштадте не было бы отпраздновано „в состоянии опьянения от шампанского" (выражение принадлежит Чиршки) братание, которое могло в то время повлиять и, может быть, упрочить положение обеих держав. Но что было страшного в этом братании? Не война, конечно, так как она была несколькими днями позже одновременно об'явлена России и Франции; они боялись соглашения о мире и одной из тех попыток посредничества, которые Австрия от-

[1]) Die deutschen Dokumente и т. д. № 49.

вергла в последующие дни, но которые, несомненно, причинила бы много беспокойства.

Действительно, в той неизвестности, в которой мы находились в момент нашего от'езда из России, Вивиани мог сделать только одно: утром он телеграфировал Бьенвеню-Мартен, который замещал его на quai d'Orsay, что он достиг соглашения с Сазоновым постараться предупредить выступление со стороны Австрии против сербской независимости; он просил, чтобы Дюмен обратился с дружеским призывом к умеренности графа Берхтольда, и прибавлял, что английский посол в Петербурге надеется, что его правительство присоединится к этому шагу [1]).

Но было уже слишком поздно.

Утром 24 июля, мы не успели еще выйти из Финского залива, как получили по беспроволочному телеграфу резюме австрийской ноты, посланное французским послом в России. Австрия утверждает—говорило сообщение,—что сараевские бомбы были доставлены убийцам сербским военным складом; она требует, чтобы офицеры и унтер-офицеры были немедленно преданы суду; чтобы сербское правительство осудило официальным порядком пропаганду своих агентов и чтобы оно из'явило согласие на ведение расследования в Белграде одновременно сербскими и австро-венгерскими чиновниками.

Тотчас же Вивиани телеграфировал в Лондон и в Петербург, что, по его мнению, следует: 1) чтобы Сербия немедленно согласилась на все требования, совместимые с ее достоинством и независимостью; 2) чтобы она испросила продолжение двадцатичетырехчасового срока, в который Австрия требовала ответа; 3) чтобы Англия, Россия и Франция согла-

---

[1]) Livre jaune № 22.

сились о поддержке этой просьбы; 4) чтобы тройственное согласие изыскало возможности произвести в случае необходимости расследование через международную комиссию, вместо комиссии австро-сербской.

Но, пока мы подвигались к Швеции, к нам поступали тревожные радиограммы, вскоре дополненные телеграммами, с которыми мы могли ознакомиться в посольстве после нашего прибытия в Стокгольм [1]).

Мы узнали там, что Шен предпринял шаги на quai d'Orsay, требуя предоставить разрешение вопросов, связанных с ультиматумом, непосредственно Австрии и Сербии; германский посол прибавил, что вмешательство других держав могло бы вызвать „непоправимые" последствия.

Это была плохо скрытая угроза и отказ от всякой попытки достичь европейского соглашения.

Мы были информированы также о том—но все это, конечно, было в общем и совершенно неполном виде—что Поль Камбон отстаивал перед сэром Эдуардом Греем мысль о том, чтобы Англия предприняла в Берлине соответствующие шаги, и что сэр Эдуард Грей, который находил австро-венгерский ультиматум совершенно невероятным, согласился просить Германию повлиять на Вену в целях предоставления более длительного срока; и Вивиани поспешил ответить, что он вполне одобряет инициативу Поля Камбона. С другой стороны, Жюль Камбон посетил Ягова, который сказал ему: „Я не знал австрийской ноты, пока не получил ее; но я ее одобряю, и нам остается только одно—локализовать конфликт".

---

[1]) Livre jaune № 23 и последующие.

По роковой случайности, которая еще более осложнила неудовлетворительность нашей осведомленности, никакого известия не поступало из Белграда в Париж. Наш посланник Деко заболел и должен был быть замещен Боппом, который не успел еще прибыть на место службы. От самого шведского короля мы узнали, что по истечении срока ультиматума австрийский посланник покинул Белград. С своей стороны, Дюмен, наш посол в Вене, телеграфировал, что австро-венгерское правительство мобилизовало несколько армейских корпусов—пять или шесть, точно не было известно. В течение всего этого зловещего дня, в субботу 25 июля, который мы целиком провели в Стокгольме, мы были вынуждены переходить от одной церемонии к другой и делать веселое лицо при весьма мрачном состоянии духа. Король Швеции Густав V, шведское правительство, население—все оказали нам весьма радушный прием; но наши мысли были далеко от всего этого.

В королевском дворце я встретил русского посланника Неклюдова, которого я нашел воодушевленным самыми оптимистическими ожиданиями, и который выражал надежду, что, благодаря доброй воле, проявленной с одной и с другой стороны, нам удастся устранить кризис.[1]) Я передал также шведскому королю дружеские заверения, которые дал мне император, и обещание, которое им было сделано, чтобы положить конец тем злоупотреблениям, на которые сетовала Швеция; но ясно чувствовал в этот час, что не северной стране угрожает опасность.

---

[1]) См. статью Неклюдова в Revue des Deux Mondes 15/I 1920 г.

Наш посланник в Стокгольме Тьебо запросил своего коллегу в Христиании, что делал в водах около Бергена германский император. Сначала нам ответили, что император остается на месте; немного позже, днем, мы были предупреждены, что он отбыл по неизвестному направлению.

Что же, однако, нужно было делать нам? Французское правительство нас еще не призывало. Возвратиться прямо в Париж, это могло бы взволновать общественное мнение не только Франции, но и Европы и дать повод предполагать, что мы верим в возможность всеобщей катастрофы. Это поспешное возвращение, с другой стороны, вынудило бы нас не выполнить обещания по отношению к Дании и Норвегии. Прежде, чем прибегнуть к такой крайности, мы решили подождать, чтобы Париж нам прислал какое нибудь положительное указание. И во все время, пока „Lavoisier'" шел мимо фиордов, между островами, с которых доносились крики „ура" до „France", которому глубокая посадка мешала подойти к Стокгольму, мы были еще далеки от мысли о европейской войне, в виду чего мы еще рассчитывали посетить Копенгаген и Христианию.

В воскресенье 26 июля мы плыли в открытом море Балтики, когда радио-телеграмма известила нас, что император Германии покинул свой крейсер и направился к Килю. Но в нашем пловучем жилище мы получали только заглушенное эхо извне. Мы не имели определенных указаний ни из Петербурга, ни из Парижа; нам становилось все более и более тревожно в нашем одиночестве и изолированности; и день воскресенья закончился тем, что мы, затерянные между волнами и небом, не имели никаких полезных известий с земли.

В понедельник 27 июля, с самого утра мы полу-

чили известие, что германская эскадра, следуя примеру императора, покинула Северное море. В то же самое время радиограммы из Парижа известили нас об несколько нетерпеливом ожидании нашего возвращения. Абель Ферри, который был в то время статс-секретарем и который так мужественно погиб во время войны, поставил нас в известность, что общественное мнение и пресса упрекают нас за продолжение путешествия, не смотря на возрастающую серьезность положения.

Мы не считали возможным оставаться глухими к этому призыву издалека. Вивиани предупредил наших посланников в Копенгагене и в Христиании. Я телеграфировал королям Дании и Норвегии, что серьезность событий повелительно требует моего возвращения во Францию, и что я прошу принять мои извинения. После полудня 27 июля, когда мы находились в северном направлении от мекленбургской бухты нас встретил германский крейсер и очень корректно салютовал нам при проходе; германский миноносец, напротив, поспешил свернуть с дороги на наших глазах и направился к Кильскому каналу. Оба они, конечно, были подосланы, чтобы точно осведомиться о нашем маршруте, потому что крейсер, который салютовал нам, поспешил отправить в Берлин шифрованную радиограмму, перехваченную на „France“, но которую мы расшифровать не могли. В то же самое время мы получили весьма неопределенные сведения из Лондона и Парижа. Германия заявила английскому правительству, что, если война не будет локализована, положение ухудшится, а сэр Эдуард Грей ответил, что, если на Востоке начнется война, ни одна держава не может оставаться к этому равнодушной. [1])

[1]) Livre jaune № 50.

В Берлине заявления, сделанные статс-секретарем русскому поверенному в делах, были мало утешительны и расплывчаты. Когда этот последний предложил ему присоединиться к выступлению в Вене в целях продлить срок, Ягов возвразил, что он уже действовал в этом направлении, но что было уже поздно. На просьбу о получении отсрочки министр возразил, что дело касается вопроса внутреннего управления и не войны, а местного карательного воздействия. Бьенвеню-Мартен прибавлял: „Ягов притворяется, что он не верит в возможность общего конфликта в виду выступления Австрии. В Берлине наблюдается настоящий взрыв шовинизма. Император Германии прямо возвратился в Киль. Жюль Камбон считает, что при первых военных мероприятиях со стороны России Германия немедленно ответит и, видимо, не будет ждать предлогов, чтобы напасть на нас. В Вене посол Франции не успел присоединиться к представлению своего русского коллегии, чтобы добиться продления срока, данного Сербии; он не сожалеет об этом, потому что это представление было категорически отвергнуто, и Англия равным образом не имела времени дать инструкции по этому поводу своему представителю. Нота английского посольства была передана мне; она сообщает о переговорах британского посла в Петербурге с Сазоновым и Палеологом. Сэр Эдуард Грей выражает мнение, что четыре незаинтересованные державы должны настоять перед Россией и Австрией, чтобы их армии не переходили границы, и чтобы они дали время Англии, Франции, Германии и Италии испробовать свое посредничество.

Спустя несколько часов нами было перехвачено новое сообщение по беспроволочному телеграфу, которое было послано Бьенвеню—Мартеном нака-

нуне вечером: [1]) «Резюме сербского ответа на австрийскую ноту—сообщал он—запоздало приходом к нам на двадцать часов. Не смотря на то, что сербское правительство уступило по всем пунктам, исключая небольших деталей, посланник Австро-Венгрии порвал сношения, доказывая таким образом твердое намерение своего правительства произвести нападение на Сербию. Германский посол—продолжал Бьенвеню-Мартен—сделал мне сегодня после полудня (26 июля) сообщение, предлагающее Франции повлиять на Россию в умиротворяющем духе. Австрия—сказал он мне—заявила России, что она не ищет ни территориального приращения, ни нарушения неделимости сербского королевства, ее единственным намерением является обеспечение ее собственного спокойствия и организации полиции. От решений России зависит избежать войны; Германия чувствует себя солидарной с Францией в горячем желании сохранить мир и твердо надеется, что Франция употребит свое умиротворяющее влияние на Россию. Я ответил на это настоящие, что позицию России следует считать умеренной, что она не совершила ничего, что бы могло заставить сомневаться в ее миролюбии, и что мы согласны с ней в стремлении найти путь к мирному разрешению конфликта. Нам кажется, что в качестве примирителя должна выступить Германия в Вене и результатом этого выступления должно быть предотвращение военных мероприятий для оккупации Сербии. Посол мне заметил, что это было бы несовместимо с позицией, занятой Германией, «что вопрос касается только Австрии и Сербии.» Я ему возразил, что посредничество в Вене и в Петербурге

[1]) Телеграмма от 26 июля.

могло бы быть осуществлено четырьмя другими державами, менее заинтересованными в этом вопросе Шен отозвался тогда отсутствием инструкций по этому поводу".

Эти телеграммы прибывали к нам урывками и часто представляли большие трудности для расшифровки.

Однако во вторник 28 июля, когда мы вышли в Северное море, сообщения стали несколько более правильными и с рей „France" [1]) к нам поступала довольно точная информация.

Шен сделал на quai d'Orsay три характерных заявления. В среду он прочел Бьенвеню-Мартену ноту, в которой германское правительство категорически брало на себя посредничество между Австрией и державами, одобряя австрийский ультиматум Сербии и прибавляя, что Германия горячо желала бы, чтобы конфликт был локализован; всякое вмешательство другой державы—говорил Шен—в виду наличности союзов, может вызвать „непоправимые последствия". В следующий раз, в пятницу, когда выступление уже имело место, и державы, имея в виду его внезапность, краткость срока и опасность всеобщей войны, посоветовали Сербии уступить, Шен снова появился, чтобы смягчить свое выступление. Он афишировал свое удивление по поводу произведенного впечатления и протестовал против того, что Германии приписывались намерения, которых она не имела.

В третий раз, когда результат был достигнут, и Сербия почти совершенно уступила требованиям Австрии, германский посол дважды появлялся на quai d'Orsay, чтобы подчеркнуть миролюбивые на-

---

[1]) Livre jaune №№ 61 и 62.

мерения Германии и ее стремление работать для поддержания мира. Но—прибавлял Бьенвеню-Мартен—„настоящее положение остается тревожным, в виду непонятного отказа Австрии принять покорность Сербии, ее мобилизации и угроз захватить Сербию. Позиция, занятая австрийским правительством с начала кризиса, при поддержке со стороны Германии, ее отказ вести какие либо переговоры с державами не позволяют на практике последним с пользой осуществить вмешательство без посредничества со стороны Германии. Однако время не терпит, так как, если австрийская армия перейдет границу, будет весьма затруднительно устранить кризис в виду того, что Россия не сможет допустить оккупации Сербии после того, как эта последняя действительно подчинилась австрийской ноте, предоставив ей всяческие удовлетворения и гарантии. Германия самым фактом занятой ею позиции предназначена вмешаться с пользой и быть услышанной Веной; если она не сделает этого, она оправдает все подозрения и примет на себя ответственность за войну".

Хранитель печати, заместитель министра иностранных дел, продолжал в следующих выражениях:

„Державы и в особенности Россия, Франция и Англия ограничились их спешными советами Белграду уступить; таким образом они выполнили свою роль; теперь только одна Германия может быть быстро услышана Веной, дать советы Австрии, которая получила удовлетворение и не может, из за деталей легко устранимых, вызвать всеобщую войну. Вот изложение того, что предполагает сделать лондонский кабинет. Сазонов заявил английскому послу, что в связи с обращением Сербии к державам, Россия будет держаться в стороне; сэр Эдуард

Грей формулировал кабинетам Парижа, Берлина и Рима следующее представление: послам Франции, Германии и Италии в Лондоне поручено изыскать совместно с сэром Эдуардом Греем средство для разрешения настоящих затруднений, при условии, что на время этих переговоров Россия, Австрия и Сербия воздержатся от всяких активных военных операций. Сэр А. Никольсон говорил по поводу этого представления с послом Германии, который показал себя благожелательно настроенным; формула эта одинаково благожелательно встречена в Париже и в Риме. Теперь слово за Германией, у которой есть еще возможность иначе, чем на словах только, показать свою добрую волю".

И Бьенвеню-Мартен, телеграфируя в том же самом духе Жюлю Камбону, указал ему: „Я прошу вас придти к соглашению с вашим английским коллегой и предпринять перед германским правительством шаги в такой форме, какая вам покажется удобной".

Но вот снова «France» перехватывает радио с Эйфелевой башни и снова Бьенвеню-Мартен доносит нам о настоянии Шена поместить в газетах заметку, об'являющую солидарность Германии и Франции. Министр об'ясняет, что посол производит на него впечатление человека, стремящегося компроментировать Францию в глазах России и, в случае неудачи, переложить на Россию и на Францию ответственность за возможную войну. И Бьенвеню-Мартен прибавляет, что он сам опубликовал заметку намеренно менее обвиняющую и содержащую следующее: «Германский посол и министр иностранных дел имели новое свидание, во время которого они изыскивали способы для выступления держав в пользу сохранения мира». На все телеграммы, которые получа-

лись таким образом, отрывок за отрывком, Рене Вивиани ответил 28 июля из своей каюты на борту «France»: «Я вполне одобряю ответ, который вы дали барону Шен; позиция, которую вы заняли, говорит сама за себя; в поисках путей для мирного разрешения конфликта мы вполне согласны с Россией, которая не ответственна за настоящее положение и не прибегла еще ни к одной мере, могущей вызвать малейшее подозрение; но очевидно, что Германия не задумается отказаться давать в качестве примирителя советы австро-венгерскому правительству, поведение которого создало кризис. Все же следует держаться по отношению к германскому послу той же линии поведения. Этот совет, впрочем, находится в полном согласии с двукратным предложением Англии, отмеченным в вашей телеграмме. Я совершенно одобряю комбинацию, предложенную сэром Эдуардом Греем, и я приглашаю непосредственно Поля Камбона довести это до его сведения. Важно, чтобы в Берлине и Вене знали, что мы в полном согласии поддерживаем усилия, которые делает британское правительство в целях изыскать способы для разрешения австро-сербского конфликта. Выступление четырех незаинтересованных держав не может состояться только в Вене и в Петербурге. Предлагая осуществить его также и в Белграде, сэр Эдуард Грей учитывает логику положения; и, не исключая Петербурга, он предлагает, с другой стороны, Германии средство выйти с достоинством из положения, которое германское правительство создало заявлением в Париже и в Лондоне, что все дело с его точки зрения представляется чисто австро-сербским и лишенным общеевропейского характера».

На следующую ночь Вивиани получил новое послание от Бьенвеню-Мартен [1]):

«Вопреки заверениям, данным как в Берлине, так и в Париже германскими агентами о желании их правительства напрячь усилия для сохранения мира, никакого соответствующего выступления не последовало с их стороны, чтобы удержать Австрию; английское предложение, которое состоит в том, чтобы четыре менее заинтересованные державы об'единились в целях достичь задержания военных мероприятий в Вене, Белграде и Петербурге, встречает в Берлине отношение, обрекающее его на неудачу. Австрийский посланник известил нас, что его правительство предпринимает завтра энергичные меры, с целью принудить Сербию дать удовлетворение и гарантии, которые потребованы от этой державы. Граф Сечени не об'ясняет, в чем именно эти меры будут заключаться; мобилизация, начиная с 28 июля, представлялась, по словам нашего военного атташе в Вене, решенной».

В среду утром 29 июля мы прибыли в Дюнкирхен и поспешили высадиться на французскую землю, которая за бесконечно долгие дни нашего путешествия казалась нам так страшно далекой. Мы предупредили мера города Терквем, что нам не представляется возможным задержаться в городе, как мы обещали ему при от'езде, и мы действительно поспешно сели в поезд, который должен был доставить нас в Париж.

На насыпях, на платформах вдоль по железнодорожному полотну теснилась толпа, в которой виднелось много рабочих и докеров, и в этой колеблющейся массе было столько единодушия и патриоти-

---

[1]) Livre jauné № 77.

ческой решимости, что мы были тронуты до слез. По всему нашему пути от Дюнкирхена до Парижа, на вокзалах, повсюду наблюдалось то же самое зрелище.

В оскорблении, нанесенном Сербии, вся нация видела покушение, направленное против прав народов; позади Австрии она видела Германию, и после Танжера, после Агадира, после всех тех вызывающих поступков, которые она перенесла, она увидела в событиях, происходящих на Дунае, новый вызов.

Один из политических деятелей, который нас встретил в Дюнкирхене, сказал мне: «С нас довольно! Страна теряет терпение».—«Никогда не нужно терять терпения — ответил ему я.—Попытаемся еще спасти мир».

Два члена правительства, Рене Рену и Абель Ферри выехали нам на встречу. Они поставили нас в известность о тех мерах предосторожности, к которым кабинет решил прибегнуть в наше отсутствие: отпускные военные были призваны; войска, которые находились в лагерях, присоединились к своим гарнизонам; все чиновники получили приказ оставаться на своих постах; было закуплено продовольствие для Парижа; короче говоря, были отданы все распоряжения на случай, если мобилизация окажется неизбежной, но ничего не было сделано такого, что походило бы на начало мобилизации.

На Северном вокзале военный министр Мессими, который вместе с другими членами кабинета ожидал нас на платформе, сказал мне:

«Вы увидите Париж, господин президент; это великолепное зрлище»!

Да, действительно, это было великолепное зрелище. Раньше, во время и после войны я имел много случаев видеть, как бьется сердце Парижа, но никогда

я не видал манифестаций столь глубоко трогательных, как эта—29 июля 1914 года. Из открытого ландо, где я сидел рядом с Вивиани, я смотрел на это бесчисленное население, которое вышло изо всех кварталов города и поместилось около окон, на тротуарах, во всех уголках улиц. Толпа все время восклицала: «Да здравствует Франция»! Она имела единую душу; она выражала единую мысль и единую волю: «Сделайте еще все возможное—говорил нам Париж,—чтобы мы избегли ужасов войны; но, если вы не достигнете успеха, доверьтесь нам. Все, сколько нас есть, мы сумеем исполнить наш долг».

Глава VI.

Попытки сохранить мир. Война.

Возвратившись 29 июля в Париж, Вивиани и я узнали о многом, что произошло за время нашего отсутствия и что нам было еще не известно. Однако, мы были далеки от того, чтобы тогда же знать все, что стало известно после того, как революция открыла архивы Вены и Берлина. Германский император, как мы уже знаем, отправился в Северное море 7-го июля, дав инструкции австро-венгерской дипломатии и посовещавшись с представителями германского морского и генерального штаба. Он находился в отсутствии до 27 июля. Это путешествие носило настолько явный характер alibi, подготовленного германским правительством, что 18-го июля Ягов запросил гр. Веделя, одного из лиц свиты императора, о маршруте яхты «Гогенцоллерн» и сказал: «Так как мы будем говорить о локализации возможного конфликта между Сербией и Австрией (т. е. обеспечивать разгром Сербии), не следует волновать мир преждевременным возвращением его величества, но с другой стороны, нужно обеспечить присутствие императора в случае, если события, которых предвидеть нельзя, вызовут необходимость принятия важных решений (мобилизации)» [1]).

Но издалека император не терял из вида того плана, который был намечен им в Потсдаме [2]), и

---

[1]) Die deutschen Dokumente etc. № 67. Каутский, французский перевод стр. 85.

[2]) Я получил от Мориса Бомпара, сенатора департамента Мозель, бывшего посланника в Константинополе, следующее интересное письмо: „Париж, 10 марта 1921 г. Г. Президент. В

19 июля он отдал приказ флоту собраться к 25 июля, т. е. после вручения ультиматума [1]).

23-го июля имперский канцлер предупредил гр. Веделя, что австрийская нота будет вручена после полудня, и что срок, определенный ультиматумом, истечет 25-го июля.

«Вмешательство со стороны других держав— телеграфировал он—вовлекло бы нас в конфликт. Не следует, однако, думать, что это произойдет немедленно, т. е. другими словами, что Англия решится немедленно вмешаться. Путешествие президента Пуанкаре, который покидает сегодня вечером Кронштадт, посетит Стокгольм 25-го, Копенгаген 27-го, Хри-

---

прошлый раз Вы говорили о коронном совете, который имел место в Потсдаме 5 июля 1914 г. Я могу Вам сообщить по этому поводу следующие данные:

В то время барон Вагенгейм, германский посол в Турции, был в Берлине. Он возвратился несколько неожиданно в Константинополь 14 июля. В последующие дни он сделал визит маркизу Гаррони, итальянскому посланнику; он ему сказал тогда, сообщая, как союзнику: „Война решена. Это решение было принято на большом совете, который был созван в Потсдаме, под председательством императора перед его отправлением в Норвегию". Маркиз Гаррони сначала не говорил об этом сообщении; кажется даже, что оно представлялось ему настолько чудовищным, что он ему не поверил. Но когда война началась, барон Вагенгейм принял участие во всех последующих событиях. Моргентау, американский посланник, передает в своих мемуарах подробный рассказ, который сообщил ему германский коллега об этом Совете в первые дни августа 1914 г. Неосторожные разоблачения барона Вагенгейма скоро достигли меня, и спустя некоторое время я получил подтверждение со стороны самого маркиза Гаррони, у которого я стремился проверить правильность заявления Вагенгейма. Не вдаваясь в те детали, которые передает Моргентау и которые ему, может быть, не были сообщены, он признал, что перед началом конфликта барон Вагенгейм сделал ему указанное сообщение. Примите и пр. М. Бомпар"

[1]) Die deutschen Dokumente, etc. № 101.

стианию 29-го и прибудет в Дюнкирхен только 31-го июля замедлит всякое решение. Английский флот, по сообщению главного штаба адмиралтейства, 27-го возвращается в места стоянки. Преждевременный созыв нашего флота мог бы вызвать общее беспокойство и показаться подозрительным для Англии» [1]).

Таким образом надеялись, что президент республики и председатель французского совета министров будут совершать свое путешествие, не прерывая его, что Австрия будет иметь время разгромить Сербию раньше их возвращения, что Англия замедлит высказаться, и императорское правительство полагало, что при этих условиях оно еще может отложить созыв своего флота. Но император спешил и 25-го июля, по своему собственному почину, отдал приказ германскому флоту направиться к Кильскому каналу. Канцлер ему телеграфировал, что английский флот находится в различных местах, что «сэр Эдуард Грей не думает пока о непосредственном участии Англии в европейской войне», и что лучше было бы подождать с приказом о преждевременном возвращении германского флота. Тотчас же Вильгельм впадает в ярость и строчит телеграмму в пренебрежительных выражениях своему штатскому канцлеру; он презрительно подчеркивает его психологию штатского человека. «Мобилизация в Белграде—говорит он—может вызвать русскую мобилизацию, которая будет иметь своим последствием мобилизацию в Австрии; в этом случае настоятельно необходимо концентрировать мои морские и сухопутные силы... Вот чего штатский канцлер никак не может понять» [2]). Как замечает

---

[1]) Die deutschen Dokumente № 101.

[2]) Die deutschen Dokumente, etc. № 182.

по этому поводу Каутский, публикуя эти документы, Вильгельм предвидел ясно, что австрийский ультиматум Сербии мог иметь своим вероятным последствием всеобщую войну; он понимал, что это может вызвать катастрофу; и тем не менее, он продолжал свое преступное подстрекательство. Но до последнего часа он пытался скрыть свою игру и заставлял Австрию делать то же самое.

Накануне дня, когда в Белграде был вручен ультиматум, наш посланник в Вене, Дюмен, посетил Балльплатц, и барон Маккио, начальник отдела министерства, подтвердил ему, что требования, которые формулированы австрийской нотой, позволяют рассчитывать на мирную развязку. Передавая это раз'яснение Бьенвеню—Мартен, Дюмен прибавлял, правда с осторожностью: «Я не знаю, насколько можно доверять этим надеждам, имея в виду привычки императорской канцелярии» [1]). Барон Маккио повиновался приказу двух императорских правительств: успокаивать Европу до тех пор, пока они не нанесут удара Сербии.

23-го июля австрийский ультиматум был вручен в Белграде; 24-го июля он был сообщен державам, и 25-го Сербия должна была на него дать ответ. И так, все было устроено с тем расчетом, что бы Франция, Англия и Россия были захвачены врасплох быстрым ходом событий.

В то же самое время Германия повсюду кричала, что она не принимает участия в австрийских мероприятиях и что она не была заранее осведомлена о тексте австрийской ноты. Мы уже знаем, что она намеренно предоставила carte blanche Австрии; но, сверх того, нужно считать установленным, что бер-

[1]) «Livre jaune» français 1914 г. № 20.

линское правительство было осведомлено, вопреки своему утверждению, об ультиматуме раньше, чем он был вручен Сербии.

Германский посол в Вене Чиршки получил экземпляр ноты и 21-го июля, он отправил его в Берлин с письмом, которое прибыло туда 22-го июля. Таким образом, Вильгельмштрассе имело время телеграфировать Балльплатцу задержать решительное действие, но как оно могло сделать это, когда в течение многих недель оно толкало Австрию на путь крайних мероприятий?

В своей книге о происхождении войны Ягов настаивает на том, что документ, посланный Чиршки, был получен им только вечером 22-го июля, после визита австрийского посланника, около 7-ми или 8-ми часов, который сам вручил ему текст ноты. Даже принимая эту версию, мы не можем не отметить, что у канцлера было еще время телеграфировать в Вену, так как оба императорские правительства согласились не предпринимать шагов в Белграде до 6-ти часов вечера 23-го июля, т. е. до того часа, когда я должен был покинуть Россию. И совершенно очевидно, что Германия после того, как она подстрекала Австрию, не думала о том, чтобы удержать ее, даже тогда, когда она знала текст документа, способного вызвать пожар. Кроме того, мы располагаем признанием помощника статс-секретаря Циммермана. 11-го августа 1917 года он писал Бушу: «Дорогой Буш, указания „Evening News“ являются точными в той части, которая говорит, что мы действительно получили ультиматум почти за 12 часов до вручения его Сербии, но я совершенно не помню, чтобы по этому поводу было произнесено хотя бы одно слово американскому дипломату. Таким образом, можно опу-

бликовать опровержение (следовательно, по словам Циммермана можно было опровергнуть точное сообщение; для этого было бы достаточно только заботливо замаскировать правду).—И он продолжает: «Но что касается своевременности этого опровержения, принимая во внимание, что мы не сможем бесконечно скрывать то обстоятельство, что мы знали содержание документа—это другой вопрос [1]).

Красная австрийская книга 1919 г. подтверждает также, что германский посол имел еще 21-го июля полный текст ультиматума. Горячность, с которой Германия отстаивала противоположную версию, ясно показывает, что она отдавала себе отчет в страшной ответственности, которую она брала на себя фактом своего соучастия в австрийском выступлении. Она надеялась изменить карту мира. Весь ее план ясно изложен в том рапорте, который баварская миссия в Берлине отправила в Мюнхен 18-го июля и который содержал следующее: «В интересах локализации войны императорское правительство предпримет дипломатические шаги перед великими державами сейчас же после вручения австрийской ноты в Белграде. Ссылаясь на факт путешествия императора на север и на то, что начальник генерального штаба и прусский военный министр находятся в отпуску (вы видите комедию и игру в alibi), германское правительство будет настаивать на том, что оно было застигнуто врасплох выступлением Австрии, точно так же, как и другие державы. Оно будет стремиться получить со стороны держав признание того, что разногласие, существующее между Австрией и Сербией является делом, касающимся только этих двух государств [2])». Другими словами,

[1]) Die deutschen Dokumente etc. Anhang VII.
[2]) Die deutschen Dokumente etc., Anhang VII № 2.

оно будет стремиться получить от держав согласие на разгром Сербии. Таким образом, мы видим предупреждение со стороны немца, который осведомляется в Берлине, чтобы в свою очередь осведомить Мюнхен. Но заговорщики рассчитывали на отсутствие благоразумия со стороны Сербии, которой Россия и Франция заранее советовали умеренность.

25-го июля в указанный час Пашич, председатель сербского совета министров, дал ответ, который содержал в существенных своих пунктах согласие на удовлетворение неслыханных требований со стороны Австрии. Спустя полчаса после вручения этого ответа и даже не заботясь внимательно прочитать его, барон Гизель, австрийский посланник в Белграде, нотифицировал разрыв дипломатических сношений и покинул город. В то же самое время Австрия начала мобилизацию.

28-го июля она об'явила войну Сербии; 29-го она бомбардировала Белград. Как писал о том кн. Лихновский, германский посол в Лондоне, «одного взгляда Берлина было бы достаточно, чтобы заставить гр. Берхтольда удовольствоваться дипломатическим успехом и быть удовлетворенным сербским ответом. Но этого не случилось. Далекая от сочувствия такому шагу, Германия толкала ее на путь войны».

Германия толкала ее на путь войны—поистине, это нужно считать совершенно установленным. Как только стало известно 25-го июля о волнении, вызванном вручением ультиматума в Белграде, германский император поспешил написать телеграмму: «Так как вся эта, так называемая, великая сербская держава является бессильной, и так как все славянские государства подобны ей, следует твердо идти

к намеченной цели» [1]). И когда Чиршки сообщил, что гр. Берхтольд, чтобы уверить Россию в своем добром к ней расположении, посетил русского поверенного в делах, император отметил еще 26-го июля [2]) на телеграмме своего посла: «Совершенно излишне. Это создает впечатление слабости и испрашивания извинений. Это совершенно неправильно и должно бы быть избегнуто. Австрия питает добрые намерения. Она предприняла известные шаги и не должна, хотя бы внешне, стремиться допускать их к обсуждению». Германия продолжала подстрекать Австрию, и 25-го июля гр. Сегени телеграфировал из Берлина в Вену [3]): „Здесь полагают, что предполагаемый отрицательный ответ Сербии (вы видите, что они не расчитывали на согласие со стороны Сербии; они считали ультиматум настолько сурово составленным, что было исключено всякое опасение мирного разрешения конфликта) вызовет немедленно об'явление нами войны, связанное с военными действиями. Нам советуют действовать поспешно и незамедлительно и поставить мир перед совершившимся фактом".

Особенно перед Англией император и его правительство хотели замаскировать свои истинные намерения. Они надеялись обманывать ее до последнего часа. 22-го июля кн. Лихновский отправил из Лондона в Берлин донесение, в котором он указывал, что сэр Эдуард Грей высказал пожелание, чтобы Австрия считалась с национальным достоинством Сербии. „Национального достоинства Сербии не существует—писал Вильгельм.—Вопрос не касается Грея; это дело касается исключительно его величе-

---

[1]) Die deutschen Dokumente etc. № 159.
[2]) Ibid... № 155.
[3]) Красная австрийская книга 1919 г.

ства Франца Иосифа. Гигантское бесстыдство Англии" [1]). 24-го июля последовало новое донесение Лихновского и новое примечание Вильгельма. Австрийская нота была сообщена Англии; сэр Эдуард Грей сказал германскому послу, что она превосходит все, что можно было бы предвидеть, „и что государство, которое согласилось бы на удовлетворение подобного требования, перестало бы находиться в числе независимых государств". „Это было бы очень желательно—отмечает Вильгельм—Сербия не является государством в европейском смысле слова; это—банда громил". Лихновский прибавляет: „Грей мне сообщил, что он готов вмешаться в целях получения согласия на продолжение срока в ожидании, что, может быть, окажется возможным найти способ разрешения конфликта". „Бесполезно"—отсекает Вильгельм. „Грей, наконец, предложил, что в случае опасной напряженности положения четыре державы, не являющиеся непосредственно заинтересованными,—Англия, Германия, Франция и Италия, предпримут шаги в целях посредничества между Россией и Австро-Венгрией" (как вы вспомните, именно таким путем был спасен мир в 1912 г.). „Бесполезно—повторяет Вильгельм.—Я меньше всего расчитываю на то, чтобы Австрия попросила меня об этом. В вопросах чести и жизненных интересов с другими не советуются" [1]).

Англия не была одинока в стремлении предостеречь Германию. То же самое делала и Италия.

7-ая статья договора тройственного союза говорила, что договаривающиеся державы должны достигнуть соглашения между собою раньше, чем

---

[1]) Die deutschen Dokumente, etc. № 374.

[2]) Ibid... № 157.

изменится положение вещей на Балканах, и что, если Австрия получит территориальное приращение, Италия будет иметь право на вознаграждение. 24-го июля германский посол в Риме Флотов телеграфировал, что он имел довольно бурное об'яснение с председателем итальянского совета министров Саландрой и с министром иностранных дел маркизом Сан-Джулиано. Этот последний заявил, что по смыслу договора тройственного союза раньше, чем предпринимать агрессивные шаги, могущие вызвать столь тяжкие последствия, Австрия должна войти в соглашение со своими союзниками. Не будучи осведомленной, Италия не может считать себя связанной обязательствами. И министр прибавил: „Текст австрийской ноты составлен в столь агрессивных выражениях, что общественное мнение Европы будет против Австрии и что оно окажется сильнее, чем любое правительство". „Болтовня—пишет Вильгельм.—Италия уже хотела смошенничать в Албании, и Австрия нахмурила брови. Все это болтовня, которая станет ясна в ходе событий" [1]). Несмотря на оптимизм императора, берлинское правительство было смущено заявлением Италии, пыталось добиться соглашения между римским и венским кабинетом, и 25-го июля Бетман-Гольвег телеграфировал Чиршки: „Начальник генерального штаба также считает совершенно необходимым, чтобы Италия была удержана в тройственном союзе. Таким образом, достижение соглашения между Веной и Римом необходимо" [2]). Сам император, несмотря на презрение, которое он чувствовал по отношению к Италии, согласился с точкой зрения своего правительства, и

[1]) Die deutschen Dokumente etc. № 168.
[2]) Ibid... № 202.

27-го июля Ягов телеграфировал германскому послу в Австрии: „Его величество император считает необходимым, чтобы Австрия вошла в соглашение с Италией на основе 7-ой статьи союзного договора по вопросу о компенсации. Его величество приказал сообщить эти инструкции вашему превосходительству, прося вас довести их до сведения гр. Берхтольда". [1]).

Откуда это такая забота создать сближение между Австрией и Италией? Конечно, в виду все большей и большей возможности начала всеобщей войны Германия стремилась обеспечить себе поддержку со стороны тройственного союза в целом.

На одну минуту позиция, занятая Италией, и неожиданная уступка со стороны Сербии заставили колебаться императора Вельгельма. 28-го июля он написал Ягову [2]), что ответ Белграда выполняет требования Дунайской монархии и что „унизительная капитуляция, об'явленная urbi et orbi, исключает всякий повод для начала войны". Тем не менее, он прибавляет: „Сербы принадлежат к восточным народам и поэтому—обманчивы, лживы и неискренни. Чтобы привести в действие их прекрасное обещание, нужно прибегнуть к некоторому насилию. Это нужно сделать таким путем, чтобы Австрия заняла Белград. Это необходимо также для того, чтобы дать армии, напрасно мобилизованной третий раз (отметьте, что сам Вильгельм признает, что австрийская армия была мобилизована), видимость успеха в глазах заграницы и, по крайней мере, моральное удовлетворение в том, что она прошла по иностранной территории".

---

[1]) Idid... № 267.

[2]) Deutsche Politik, 18 июля 1919 г. Die deutschen Dokumente etc. № 293.

Таким образом, в тот самый момент, когда он считал выполненными требования Австрии, Вильгельм признавал необходимым совершить хотя бы легкое насилие над Сербией и, если он казался колеблющимся на минуту перед окончательным решением, то он сам об'ясняет секрет этих мимолетных колебаний. 28-го июля германский генерал Хелиус, состоящий при царе, доносит о разговоре, который он имел в этот самый день с кн. Трубецким, одним из приближенных императора Николая. Кн. Трубецкой отметил, что после ответа Сербии Австрия приняла бы на себя тягчайшую ответственность, если бы она вызвала европейский конфликт. И Вильгельм, выдавая свою скрытую мысль, роняет следующие слова: „Та же самая забота овладела мною после чтения сербского ответа". Таким образом, забота, которая им овладела, заключалась в том, чтобы Австрия не казалась ответственной; но когда Хелиус сообщает следующие слова Трубецкого: „Мы надеемся, что император Германии даст Австрии добрый совет не слишком натягивать лук, признать добрые намерения Сербии и предоставить державам или третейскому суду в Гааге решить вопрос о тяжбе", тотчас же Вильгельм спешит написать: „Абсурд. Все это фразы для того, чтобы переложить на меня ответственность. Я этого не хочу" [1]).

И, действительно, он настолько твердо решил попытаться переложить эту ответственность на Россию, что 28-го июля его канцлер Бетман-Гольвег телеграфировал Чиршки: «Ответ сербского правительства на ультиматум позволяет считать, что Сербия пошла так далеко навстречу австрийским требованиям, что, если императорское правительство сохра-

---

[1]) Die deutschen Dokymente etc. № 337.

нит совершенно независимое положение, следует предвидеть, что оно восстановит против себя европейское общественное мнение. Может быть, согласившись на предложение о посредничестве и на конференцию с участием других держав, Австрия избегнет упреков, которые в конце концов будут ей сделаны даже со стороны германского народа за провоцирование ею мировой войны. В этих условиях победоносная война на трех фронтах не может быть гарантирована. Итак, нужно, чтобы ответственность за возможный конфликт перед государствами, которые непосредственно не заинтересованы в вопросе, была бы возложена при всяком повороте событий на Россию. Вы должны заботливо избегать создавать впечатление, что мы хотим удержать Австрию. Следует только стараться найти такую форму, которая позволила бы Австрии осуществить свою цель, т. е. прекратить пансербскую пропаганду, не прибегая к мировой войне, и, если в конечном счете эта война не может быть избегнута — улучшить, по возможности, условия, в которых нужно будет вести ее, чтобы добиться нашего успеха [1]).

На следующий день, после сербского ответа Германия задержалась одну минуту на краю той пропасти, в которую она толкала Австрию. Но, вместо того, чтобы говорить ясно и указать двуединой монархии: «т. к. вы получили удовлетворение, то оставайтесь покойны», она еще советовала «легкое насилие», военную оккупацию Белграда; она не желала создавать впечатления что она стремится удержать Австрию; она позволила австро-венгерскому

[1]) Ibid. № 323.

правительству об'явить войну Сербии; она заботливо стремилась переложить ответственность за войну на Россию и подготовить историческую фальсификацию, к которой она прибегла с начала военных действий.

Эта тактика совершенно ясно сквозит в телеграфной корреспонденции, которой обменивались тогда между собой Вильгельм и Николай, и которую белая германская книга воспроизвела с пропусками и со смешением дат [1]).

28-го июля, после об'явления Австрией войны Сербии, русский император телеграфировал из Петергофа германскому императору: «Я счастлив, что ты возвратился в Германию. В столь тяжкий момент я прошу тебя придти мне на помощь. Постыдная война об'явлена маленькому народу. Негодование, которое разделяю и я, громадно по всей России. Я предвижу, что очень скоро я не смогу более сопротивляться давлению, которое оказывают на меня, и что я буду вынужден прибегнуть к крайним мерам, которые приведут к войне. Чтобы предупредить катастрофу начала европейской войны, я прошу тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все, что в твоей власти, чтобы помешать твоему союзнику зайти слишком далеко». Вильгельм прочел эту телеграмму и поставил на ней пометки. Он поставил два восклицательных знака рядом со словами «постыдная война» и прибавляет: «Признание собственного бессилия и попытка возложить на меня ответственность за войну. Телеграмма содержит скрытую угрозу и стремление вызвать приказ задержать руку союзника».

Несмотря на мольбу царя, Вильгельм отправил в Петроград телеграмму, которая им предназнача

[1]) Die deutschen Dokumente etc. №№ 323 и т. д. Доклад сенаторской комиссии расследования.

лась для того, чтобы оправдать в глазах Николая воинственное поведение Австрии: «С величайшим беспокойством узнал я о впечатлении, которое произвел на твою империю решительный шаг Австро-Венгрии против Сербии. Беспрерывная травля, которая направляется против Австрии в течение многих лет в Сербии, привела к чудовищному покушению, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд.,. Несомненно, ты согласишься со мной, что мы оба, как государи, заинтересованы настаивать на наказании тех, кто совершил это страшное убийство. (Таким образом, он уже одобряет Австрию за желание наказать Сербию, которая ей уступила, и он пытается взывать к солидарности императоров и королей, чтобы запугать Николая); с другой стороны, я нисколько не скрываю от себя, насколько трудно тебе и твоему правительству сопротивляться проявлениям общественного мнения. В память нашей сердечной дружбы, которая давно связывает нас обоих, я употреблю все мое влияние, чтобы заставить Австро-Венгрию придти к лойяльному и удовлетворительному соглашению с Россией. Я рассчитываю, что ты поддержишь мои усилия в стремлении устранить все затруднения, которые могут еще встретиться. Твой друг и кузен, искренний и преданный, Вильгельм».

Мы увидим позже, что далекий от того, чтобы делать усилия, о которых он заявлял, Вильгельм изобретал, напротив, всякие способы, чтобы избежать возможности вступать на путь соглашения, которое ему было предложено Англией и Францией. Но теперь я должен отметить тот факт, что телеграмма царя прибыла в Берлин 29-го июля в час ночи, и что ответная телеграмма императора Вильгельма была отправлена в ту же ночь в час сорок

пять минут. В Белой книге, однако, были спутаны даты обоих телеграмм, чтобы заставить верить, что Вильгельм телеграфировал первый, и что Николай ему отвечал. В этом направлении пошли еще дальше. Из Белой книги был совершенно исключен ответ императора России, который был отправлен из Петергофа 29-го июля в 20 час. 30 мин. и который представляет из себя документ величайшей важности [1]); именно, этим и об'ясняется отсутствие его в Белой книге.

«Я тебя благодарю — говорилось в телеграмме царя—за твою телеграмму столь дружественную и утешительную, в то время как оффициальные сообщения твоего посла моему министру носят совершенно другой характер. Я прошу тебя выяснить причину этой несогласованности. Хорошо бы было подвергнуть австро-сербскую проблему рассмотрению на Гаагской конференции. Я верю в твою осмотрительность и в твою дружбу. Подписано: Твой Ники, который тебя любит».

Отметьте эту телеграмму. Это было 29-го июля. Война Сербии была об'явлена. Белград был накануне бомбардировки; германский посол говорил в Петербурге угрожающим тоном; и тем не менее царь предлагал Вильгельму подвергнуть австро-сербское разногласие рассмотрению на Гаагской конференции. Он пошел еще дальше, чем было возможно, в интересах разрешения вопроса путем соглашения. Что ответило германское правительство? Канцлер Бетман-Гольвег немедленно телеграфировал своему послу в Россию: «Я прошу ваше превосходительство выяснить в немедленном собеседовании с Сазоновым так называемые противоречия между нашими заявле-

---

[1]) Die deutschen Dokumente etc. № 360.

ниями и телеграммой его величества. Мысль о Гаагской конференции естественно исключается в данном случае».

Была исключена возможность созыва конференции в Гааге, исключена возможность всякой международной конференции, было исключено всякое посредничество—таково было желание Германии.

В тот же день, в среду 29-го июля, мы вернулись в Париж, Вивиани и я; после полудня было созвано заседание совета министров, на котором мы долго изучали положение. Мы получили сведения, что Бопп прибыл в Белград 25-го июля, что он рекомендовал всевозможные уступки, совместимые с достоинством Сербии, что Бьенвеню-Мартен дал 24-го июля те же самые советы Весничу, и что эти советы были поддержаны посланниками Англии и России. Но сейчас же наше умиротворяющее поведение оказалось парализованным приказом, который канцлер Германии послал 23-го июля всем своим агентам. «В данном деле—сообщал он—все вопросы должны быть разрешены только между Австрией и Сербией». И, действительно, когда сэр Эдуард Грей проявил инициативу в вопросе о предложении кабинетам Берлина, Парижа и Рима сотрудничества, в целях сохранения мира, Германия, которая вначале выразила принципиальное сокласие на посредничество, немедленно уклонилась и совершенно категорически отвергла мысль о конференции и даже о совещании послов [1]). Сейчас же по прибытии в Париж Вивиани телеграфировал Полю Камбону, прося его поддержать английское правительство в этих попытках достичь соглашения: «Я вас уполномачи-

---

[1]) Телеграмма Жюля Камбон от 27/VII. «Livre jaune» №№ 73 и 74.

ваю—говорил он—просить сэра Эдуарда Грея возобновить возможно скорее в Берлине в форме, которую он найдет наиболее действительной, его предложение о посредничестве четырех держав, которое получило принципиальное одобрение германского правительства. Русское правительство со своей стороны должно выразить непосредственно то же самое желание английскому правительству. Об'явление Австрией войны Сербии, отправка ею войск на австро-русскую границу, последовавшая вследствие этого русская мобилизация на галицийской границе исключает возможность непосредственных австро-русских переговоров» [1]).

Действительно, австро-венгерское правительство сейчас же отвергло попытки Сазонова в этом направлении и сэр Эдуард Грей, извещенный об этом, тотчас же предпринял новые попытки создать дружественное вмешательство со стороны четырех менее заинтересованных держав.

Та же самая игра возобновилась тогда в Берлине [2]). Германское правительство принимало в принципе мысль о таком вмешательстве, но оно не хотело и слышать ни о конференции, ни о посредничестве. «Хорошо—ответил сэр Эдуард Грей кн. Лихновскому—попросите Ваше правительство, чтобы оно само подготовило формулу. Какова бы она ни была, если она даст возможность сохранить мир, она будет одобрена Англией, Францией и Италией». Но этот разговор с германским послом оставил у сэра Эдуарда Грея такое тревожное впечатление, что, сообщая его Полю Камбону, он счел своим долгом

---

[1]) Livre jaune № 97.

[2]) Qui a voulu la guerre? par M. M. Durckheim et E. Denis professeurs à l'Université de Paris (Armand Collin p. 25 и 28).

указать, что он находит положение очень серьезным и что у него мало надежды на мирное разрешение конфликта.

Предчувствия сэра Эдуарда Грея оправдывались все более и более. Моллар, французский посланник в Люксембурге, телеграфировал, что германский гарнизон Тионвилля отправился по направлению к Пьервиллер против Гомекура. Наш консул в Мангейме предупредил нас о проходе двух поездов, которые провозили войска из Аугсбурга в Мец. Наш консул в Штутгарте информировал нас, что отпускные военные получили 28-го июля телеграфный приказ вернуться в свои части; наш генеральный консул во Франкфурте, Руссен, сообщал нам о важных передвижениях войск, которые продолжались весь вечер, ночь и утро [1]).

В $5^1/_2$ час. по-полудни Шен не замедлил появиться на quai d'Orsay, чтобы спросить у Вивиани о мерах военной предосторожности, которые приняло правительство республики. Правда, он прибавил, что Франция свободна поступать таким образом, но—сказал он—«в Германии мы не имеем ни права, ни возможности сохранять в тайне эти приготовления. И пусть не будет возбуждено французское общественное мнение, если Германия сочтет необходимыми некоторые меры». «Мы ничего не можем иметь против того, чтобы кто нибудь принимал меры предосторожности,—ответил Вивиани;—мы думаем только о том, чтобы поддержать мир; мы готовы ко всему, чтобы достичь этого, и мы предложим начать переговоры, в целях избежания войны» [2]). Я должен сказать, что Шен добросовестно сообщил

---

[1]) «Livre jaune», № 88.

[2]) Ibid № 101.

своему правительству об этом разговоре. «Вивиани—телеграфировал он в Берлин—не оставляет надежды на сохранение мира, о чем здесь горячо мечтают» [1]). Очень важное замечание, которое я вас прошу отметить. Накануне войны Шен сам извещал Германию о мирных намерениях французского правительства.

Вивиани посетил меня в течение ночи. У него был Извольский. Русский посол сообщил ему, что гр. Пурталлес посетил в Петербурге Сазонова и заявил ему: «Германия решила мобилизовать свои вооруженные силы, если Россия не прекратит свои военные приготовления».—«Но,—возразил русский министр—мы начали наши приготовления только тогда, когда Австрия мобилизовала 8 армейских корпусов и отказалась от всякого мирного разрешения ее разногласий с Сербией». И Сазонов поручил своему послу сообщить нам, что при таких условиях „Россия считает войну неизбежной и что она расчитывает на нашу помощь, как ее союзника". В полном согласии со мной Вивиани телеграфировал немедленно в Петербург и Лондон. Он, конечно, сообщал, что Франция готова выполнить союзные обязательства, но он поспешил добавить: «Впрочем, она не будет пренебрегать никакими усилиями в целях разрешения конфликта, в интересах всеобщего мира. Переговоры, начатые между менее заинтересованными державами, позволяют еще надеяться, что мир сможет быть сохранен. Я считаю также уместным указать, чтобы в мерах предосторожности и защиты, к которым Россия видит себя вынужденной прибегнуть, она не предпринимала непосредственно никакого решения, которое бы да-

[1]) Телеграмма Шена, дешифрованная за время войны.

вало Германии повод для частичной или полной мобилизации своих сил" [1]). И 30-го июля Палеолог, который выполнил данное ему поручение, запрашивал Вивиани: «Сазонов, которому я сообщал о Вашем желании избежать всяких военных мероприятий, могущих дать Германии повод для общей мобилизации, ответил мне, что, действительно, прошлой ночью генеральный штаб в своем заседании отсрочил принятие военных мер предосторожности, чтобы избежать всякого нарекания. Вчера начальник русского генерального штаба призвал военного атташе германского посольства и дал ему честное слово, что мобилизация, приказ о которой был дан этим утром, касается исключительно Австрии. Тем не менее в своем собеседовании, состоявшемся после полудня между гр. Пурталлесом и Сазоновым, последний счел себя вынужденным указать, что Германия не желает произнести в Вене решительное слово, которое сохранило бы мир. Император Николай получил такое же впечатление от телеграмм, которые он получил лично от императора Вильгельма. С другой стороны, генеральный штаб и военное министерство России получили тревожное известие о приготовлениях германской армии и германского морского министерства. Сообщая мне эти известия, Сазонов прибавил, что русское правительство не прервет своих усилий, которые оно делает для достижения соглашения. Он повторял мне: „До последнего момента я буду вести переговоры" [2]).

Мы знаем теперь, по крайней мере частично, императорские телеграммы, о которых говорил Сазонов. Я говорю частично, потому что Германия не

---

[1]) „Livre jaune" № 101.

[2]) „Livre jaune" № 102.

опубликовала в своих белых книгах той телеграммы, которую царь отправил 29-го июля кайзеру, чтобы об'яснить ему, что в виду австрийской мобилизации Россия вынуждена отвечать аналогичными мерами. Император Германии возражал, что Австро-Венгрия мобилизовалась только против Сербии и что, если Россия мобилизуется против Австрии, посредническая миссия, которую он на себя принял—ничего не делая, конечно, для того, чтобы ее выполнить—сделается невозможной.

И Николай II ему немедленно телеграфировал: «Петергоф, 30-го июля, час 20 минут пополудни. Сердечно благодарю тебя за твой быстрый ответ. Сегодня вечером я посылаю Татищева с инструкциями. Военные меры, которые приняты теперь, принимались уже в течение 5-ти дней в целях защиты против приготовлений Австрии. Я хочу от всего моего сердца, чтобы эти меры ничего не изменили в твоей роли посредника, которую я горячо приветствую. Мы нуждаемся в твоем энергичном посредничестве по отношению к Австрии, чтобы она пришла к соглашению с нами».

В этот день, 30-го июля, оставался еще луч надежды. Утром совет министров снова собрался в Елисейском дворце. Председатель совета и Мессими, военный министр, были извещены, что Германия приняла меры предосторожности в нескольких стах метрах от нашей границы по всему фронту от Люксембурга до Вогезов и что она даже держит свои войска в боевой готовности.

После совещания с генералом Жоффром, который должен был стать главнокомандующим в случае войны, Вивиани и Мессими предложили совету министров принять соответствующие военные меры, но держать наши войска в 10 километрах от границы.

запрещая им подходить ближе. Вивиани немедленно просил Поля Камбона сообщить об этой мере британскому правительству и прибавлял: „Наш план, имеющий характер оборонительный, предвидел, однако, что боевое расположение наших прикрывающих войск должно было бы быть также придвинуто возможно ближе к границе. Оставляя, таким образом, линию границы без защиты от внезапного нападения со стороны противника, правительство республики хочет показать, что Франция не менее, чем Россия, не несет ответственности за нападение".

Чтобы подкрепить это утверждение, Вивиани сравнивал меры, принятые за последние дни по обе стороны границы: германские отпускные были призваны на 5 дней раньше, чем наши; укрепления соседних с Францией мест началось в Германии с 25-го июля, когда ничего подобного еще не делалось у нас. Вокзалы были заняты войсками в Германии в тот же день, в субботу 25-го июля, а у нас только во вторник 28-го июля; германские резервисты получили индивидуальные приказы явиться в то время, когда наши оставались в покое около их очагов; и, наконец, дважды германские патрули уже проникали на нашу территорию [1]).

Однако, 30-го июля в настроении германского правительства произошло некоторое замешательство, вызванное, повидимому, характером собеседования Грея, которое состоялось накануне с кн. Лихновским. Боязнь Германии обусловливалась возможностью вмешательства Англии в конфликт. В виду этого имперский канцлер передал своему послу в Австрии заявление британского министра со следующими комментариями: „Если Австрия отвергнет

[1]) „Livre jaune" № 106.

всякое посредничество, мы окажемся перед лицом столкновения, в котором, по всем видимостям, Италия и Румыния не будут на нашей стороне, а Англия окажется против нас. Мы окажемся, таким образом, перед сопротивлением четырех великих держав. В случае выступления Англии главная тяжесть борьбы легла бы на Германию. Политический престиж Австрии, честь ее армии и получение удовлетворения ее требований со стороны Сербии могли бы быть достаточно ограждены занятием Белграда и других мест. Унижением Сербии монархия укрепила бы свою позицию как на Балканах, так и в России При этих условиях мы обязаны рекомендовать в спешном порядке к сведению кабинета Вены принять посредничество при определении почетных условий. В противном случае ответственность за происшедшее была бы чрезвычайно тяжела для Австрии и для нас" [1]).

Таким образом, несмотря на то, что Австрия еще не выступала публично, позиция, принятая сэром Эдуардом Греем, заставила на минуту задуматься Германию об ужасной ответственности, которую принимает на себя она и Австрия; она поставила Вену в известность о своих опасениях; но в то же самое время, какое мирное разрешение конфликта она считала для себя желательным? Унижение Сербии и укрепление своей позиции перед Россией.

В тот же самый день после полудня Бетман-Гольвег просил германского посла в Вене убедить австро-венгерское правительство возобновить переговоры с Петербургом [2]) и вечером он еще раз

---

[1]) Die deutschen Dokumente etc. № 395—Kautsky, trd. fr. op. cit. p. 148, 149.

[2]) Ibid. № 396.

телеграфировал, выразив пожелание, чтобы Австрия не отвергала английских предложений. „Если Англия достигнет успеха в своих усилиях— говорил он—в то время, как Вена на все отвечает отказом, Вена покажет этим, что она обязательно желает войны, за что нас будут упрекать, в то время как Россия окажется не виновной. В результате наше положение будет невыносимо даже перед лицом нашего собственного народа. Поэтому мы можем только энергично рекомендовать Австрии принять предложение Грея, которое спасает ее положение во всех отношениях" [1]). Но, едва эта телеграмма была отправлена, как Вильгельмштрассе послало другую с предписанием Чиршки не выполнять первой [2]).

Это случилось, благодаря вмешательству германского генерального штаба, который под предлогом, что военные приготовления России и Франции не позволяют больше делать дипломатических усилий, считал необходимым провести быстрое решение [3]). Накануне вечером имел место в Потсдаме, под председательством императора, чрезвычайный Совет, на который были приглашены военные власти. В результате этого совещания, в течение той же самой ночи канцлер спешно вызвал посла Великобритании сэра Гошена; он выразил ему опасения, что европейское столкновение отныне становится неизбежным, и, по словам сэра Гошена, канцлер предложил ему крупную сделку, чтобы обеспечить нейтралитет Англии: „Если Великобритания,—сказал канцлер— согласится остаться в стороне, императорское правительсто готово дать всяческие заверения, что в

[1]) Ibid. № 441.
[2]) Ibid. № 450.
[3]) Ibid. № 451 и 464

случае победы оно не будет искать никакого территориального увеличения за счет европейских владений Франции. Но оно отказывается принять такое же обязательство относительно французских колоний... Что касается Бельгии, то операции, которые Германия может оказаться вынужденной предпринять на ее территории, будут зависеть от того, что сделает Франция" [1]).

Таков был гнусный торг, который Германия поспешно предложила послу Великобритании. Ничто не может лучше доказать, что 29-го июля вечером после совещания в Потсдаме она с легким сердцем приняла бы участие в войне против Франции, если бы была уверена в нейтралитете Англии. Неуверенность, в которой она находилась относительно позиции британского правительства, являлась для нее в то время единственно сдерживающим моментом... Однако, ее генеральный штаб не считал этот мотив достаточным для того, чтобы замедлить удар. 30-го июля в час пополудни оффициальная газета Lokal Anzeiger выпустила специальное издание с об'явлением общей мобилизации германской армии и флота. Это издание распространилось в Берлине и затем было из'ято распоряжением правительства, которое отправило опровержение в иностранные посольства [2]). Но, конечно, новость, сообщенная Lokal Anzeiger, была тотчас передана из Берлина в Петербург и Вену. В России она казалась тем менее невероятной, что в это самое время в Берлине все говорили о неизбежности германской мобилизации.

---

[1]) Сообщение британского правительства относительно европейского кризиса, № 85.

[2]) Сообщение Жюля Камбона Вивиани, посланное из Берлина в 15 ч. 30 м. и полученное в Париже в 22 часа.

Жюль Камбон телеграфировал Вивиани 30 июля в 2 часа 30 минут пополудни: „Имеется слух, что мобилизация решена сегодня утром советом министров и, вероятно, завтра будет об'явлена. Корреспондентам газет на Вильгельмштрассе заявили, что нельзя ни опровергать, ни подтверждать слухов, распространившихся сегодня утром, но что приняты серьезные решения. Царит большое возбуждение".

В то же самое время сэр Джордж Бьюкенен телеграфировал из Петербурга в Лондон: „Возбуждение приняло здесь такие размеры, что, если Австрия откажется пойти на уступки, Россия не сможет больше сдерживаться и теперь, когда она знает, что Германия вооружилась, она не сможет из-за стратегических соображений замедлить превращение частичной мобилизации в мобилизацию общую".

Действительно, громадная территория русской империи и недостаточность путей сообщения делали русскую мобилизацию значительно более продолжительной, чем мобилизация других европейских государств. Весьма понятно также, что новость о том, что происходило в Берлине, присоединившаяся к известию о бомбардировании Белграда, 29 июля, вызвала в Петербурге очень сильное возбуждение [1]).

На следующий день, в пятницу 31 июля, Дюмен телеграфировал из Вены Вивиани: „Общая мобилизация, касающаяся всех мужчин от 19—42 лет, об'явлена сегодня утром в первом часу правительством Австро-Венгрии" [2]). И немного позже, в тот же самый день, Вивиани получил от Палеолога следующее сообщение: „В виду общей мобилизации в Австрии и секретных мероприятий мобилизационного характера, принятых в Германии уже в тече-

[1]) Livre jaune № 113.
[2]) Livre jaune № 115.

ние 6-ти дней, дан приказ об общей мобилизации русской армии; Россия не может, не подвергая себя серьезной опасности, приостановить исполнение начатых мероприятий; действительно, она принимает только военные меры, соответствующие тем, которые уже предприняты в Германии" [1]).

В действительности, все подтверждало нам враждебные намерения Германии. Ализе извещал нас из Мюнхена, что кадровые офицеры призваны в ночь с 30-го на 31-ое, и что железнодорожные мосты охраняются войсками. Наш посланник в Копенгагене осведомлял нас, что на границе с Данией началась мобилизация и что войска из Гамбурга отправлены на восток. Руссен телеграфировал из Франкфурта, что вопреки опровержениям Германия начала по крайней мере частичную мобилизацию, и что многочисленные рекруты покинули Франкфурт вечером 30-го июля. Мы получили много других подобных же сообщений и в пятницу утром, когда снова собрался совет министров, перед ним открылся горизонт, который не переставал омрачаться.

Ночью прибыла телеграмма от Жюля Камбона следующего содержания [2]): «Нерешительная позиция английского правительства может вызвать весьма тяжкие последствия, потому что здесь (в Берлине) надеются на успех борьбы против Франции и России, если они будут одни. Только возможность вмешательства со стороны Англии тревожит императора, его правительство и путает все их расчеты. Вопрос о продовольствии поставлен здесь, и приняты особые меры для его разрешения».

---

[1]) Livre jaune № 118.

[2]) Весьма срочная телеграмма из Берлина за № 231 от 31 июля 1 ч. 30 м., полученная в Париже в 3 часа утра.

Осведомившись об этой телеграмме, я предложил совету министров, который принял мое предложение, спешно переслать королю Георгу личное письмо, чтобы осведомить его, насколько важно немедленное и открытое заявление со стороны Англии.

«По всем известиям, которые мы получаем—говорил я—можно думать, что, если Германия имела бы уверенность, что английское правительство не вмешается в конфликт, в который вовлечена Франция, война была бы неизбежна, и что, наоборот, если бы Германия была уверена, что entente cordiale было бы подтверждено, в худшем случае, совместным выступлением Англии и Франции на поле сражения, это явилось бы большой гарантией для того, чтобы мир не был нарушен».

Это письмо было опубликовано во время войны английским правительством [1]).

---

[2]) „31-ое июля 1914 г. Дорогой и высокий друг. В виду той тяжелой обстановки, в которой находится Европа, я считаю необходимым непосредственно сообщить вашему величеству те известия, которые получены из Германии правительством республики. Военные приготовления, которые предприняты императорским правительством, особенно в непосредственной близости к французской границе, с каждым днем приобретают все большую интенсивность и все большие размеры. Франция, решившая сделать все, что от нее зависит, чтобы сохранить мир, до сего времени ограничивалась наиболее необходимыми мерами предосторожности. Но, повидимому, ее благоразумие и умеренность усиливают агрессивность Германии. Благодаря этому, мы находимся, может быть, несмотря на осторожное поведение правительства республики и полное спокойствие общественного мнения, накануне ужасных событий.

По всем известиям, которые мы получаем, можно думать, что, если Германия имела бы уверенность, что английское правительство не вмешается в конфликт, в который вовлечена Франция, война была бы неизбежна, и что, наоборот, если бы Германия была уверена, что entente cordiale было бы подтверждено в худшем случае совместным выступлением Англии и Франции на поле сражения, это явилось бы большой гарантией для того, чтобы мир не был нарушен.

Вильям Мартен, директор протокольной части, отправил его немедленно в Лондон, и в тот же самый вечер оно было получено королем. До последней минуты мы не хотели, как Вы видите, пренебрегать хотя бы одним шансом для сохранения мира.

Правда, наши военные и морские соглашения представляют полную свободу действия правительству вашего величества, и в письмах, которыми обменялись в 1912 г. сэр Эдуард Грей и Поль Камбон, Англия и Франция взаимно обязались начать переговоры в случае европейского конфликта и вместе придти к соглашению относительно вопроса об их совместном действии.

Но взаимное понимание, которое существует в общественном мнении обеих стран в вопросе о соглашении Англии и Франции, то взаимное доверие, с которым наши оба правительства не переставали работать в пользу сохранения мира, та симпатия, которую ваше величество всегда свидетельствовало Франции, все это позволяет мне осведомить вас с полной откровенностью о моих впечатлениях, которые одинаково общи правительству республики и всей Франции.

Этим обусловливалось, я думаю, поведение английского правительства, которое стремится сделать последние возможные попытки найти пути к мирному разрешению конфликта.

Мы сами, с самого начала кризиса, рекомендовали нашим союзникам сохранить умеренность, от которой они не отступали. В полном согласии с королевским правительством и с последними предложениями сэра Эдуарда Грея, мы будем продолжать идти по тому же самому пути. Но, если все попытки к соглашению будут отвергнуты, и если Германия и Австрия попытаются спекулировать на отсутствии решения со стороны Англии, требования Австрии останутся непоколебимыми, и соглашение между нею и Россией сделается невозможным.

Я имею глубокую уверенность в том, что в этот час, чем больше Англия, Франция и Россия дадут пример единства в их дипломатических усилиях, тем больше можно будет расчитывать на сохранение мира.

Ваше величество извинит мне этот шаг, который вызван единственным желанием видеть окончательно укрепленным европейское равновесие.

Я прошу ваше величество верить в мои самые сердечные чувства. **Раймонд Пуанкаре**".

Но в это самое время положение еще более ухудшилось. Состояние войны было об'явлено в Германии, и в то же самое время императорское правительство поручило гр. Пурталес потребовать от России демобилизации, с определением срока в 12 часов, и с указанием на необходимость демобилизации как на границе Австрии, так и на границе Германии. Если это не будет сделано, говорил он— Германия сочтет себя обязанной мобилизоваться [1]).

Шен явился, чтобы об'явить это решение, и— странная деталь—в ноте, обращенной к Франции, имелась особенно угрожающая фраза, которая отсутствовала в ноте к России: «Мобилизация будет неизбежно означать войну». Эта фраза имела своей целью несомненно дать Шену возможность запросить Францию о том, что она намерена делать в случае войны между Германией и Россией. Вивиани уклонился от непосредственного ответа, и Шен заявил ему, что он придет получить ответ завтра днем, в субботу, в час дня. Он прибавил несколько тревожных слов. Он просил Вивиани выразить президенту республики свое глубокое уважение и заявил, что он хочет запросить инструкции для определения своего дальнейшего поведения. Короче говоря, казалось, что он заявляет нам о своем от'езде [2]).

Председатель совета министров, с которым я был в постоянном контакте, поспешил сообщить мне об этом собеседовании. Мы пришли с ним к соглашению, что в субботу, когда Шен снова появится, Вивиани просто заявит, что Франция будет действовать согласно своим интересам. Ответить, что она останется нейтральной—это явилось бы, поистине,

---

[1]) Die deutschen Dokumente etc. № 490—Livre jaune № 116.

[2]) „Livre jaune", № 120.

изменой нашему союзнику; ответить, что мы придем на помощь России—значило бы рисковать еще более отягчить тяжелое положение; сверх того, это означало бы дать Германии благоприятный предлог—угрожать нам об'явлением войны.

Состояние войны позволяло Германии немедленно призвать своих резервистов, произвести секретным образом мобилизацию и об'явить осадное положение.

Действительно, в тот же день Германия прервала железные пути на территории смежной, с нашей границей, прекратила проход поездов и даже задержала один французский локомотив.

Трижды совет министров собирался в Елисейском дворце. После нового совещания с генералом Жоффр, военный министр увидел себя вынужденным предложить правительству соответствующие меры предосторожности. Они были утверждены, и совет министров предписал образовать вторую линию прикрытия. Но, по соглашению с военным министром и с генеральным штабом, правительство, желая сохранить безупречную позицию, не отдавало пока еще приказа о мобилизации. В этот момент мы еще не знали инструкций, которые были получены Шеном от канцлера Бетман-Гольвега, когда он появился на quai d'Orsay, чтобы предложить коварный вопрос Вивиани. Телеграмма, которую он получил, была дешифрована во время войны. Она содержала следующее: «Россия, вопреки нашему посредничеству, которое еще продолжается, и несмотря на то, что мы не предприняли никаких мер относительно мобилизации, решила мобилизовать свою армию и весь флот. Мы заявили там, что положение становится весьма опасным и может привести к войне, если Россия не приостановит в те-

чение 12-ти часов всех военных мероприятий против нас и Австрии. Мобилизация неизбежно будет означать войну. Благоволите запросить французское правительство, сможет ли оно, в случае русско-германской войны, остаться нейтральным. Ответ должен быть дан в течение 18-ти часов. Немедленно телеграфируйте час, когда будет вручен запрос. Этого требует необходимость спешить». И телеграмма продолжалась очень сложным и запутанным шифром, скрывающим следующие слова: „Если французское правительство об'явит себя нейтральным, Ваше превосходительство должны довести до его сведения, что мы вынуждены в качестве гарантии этого нейтралитета требовать сдачи крепостей Туля и Вердена, которые мы займем и возвратим после окончания войны с Россией. Ответ на этот последний вопрос должен придти сюда раньше субботы в 4 часа пополудни". Подписано: Бетман-Гольвег. Вот какое вознаграждение нам было бы предложено в случае, если бы мы нарушили наше союзное обязательство! Несмотря на все это, луч надежды еще оставался вечером 31-го июля.

Гр. Сечени прибыл на quai d'Orsay, чтобы сделать следующее заявление: „Мое правительство официально уведомило Россию, что оно не преследует никаких территориальных выгод и что оно не нарушит суверенитета Сербии; равным образом, оно отвергает всякое намерение оккупировать санджак. Но эти заявления о незаинтересованности сохранят свою силу только в том случае, если война будет локализована между Австрией и Сербией. В случае европейской войны мы возобновим наши требования". Комментируя эти заявления, австрийский посланник дал понять, в неоффициальной форме, что, если его правительство не могло ответить на запросы держав

говорящих от своего собственного имени, можно было бы ответить Сербии или какой либо другой державе, которая запросила бы его относительно условий от имени Сербии. В то же самое время в Петербурге австрийский посол посетил Сазонова и заявил ему, что его правительство согласилось бы войти в переговоры с Россией. Сазонов, весьма удовлетворенный этим, предложил, чтобы переговоры имели место в Лондоне. Все это обнадеживало, и Вивиани поспешил предупредить наших послов в Лондоне, в Петербурге, в Берлине, в Вене и в Риме [1]). Таким образом, казалось, что события идут в сторону достижения соглашения. И, может быть, действительно, все устроилось бы, если бы не было ультиматума, который Германия адресовала России, и в котором она требовала полной демобилизации. Вот что телеграфировал из Берлина 1-го августа Жюль Камбон [2]): „Ультиматум России может только уничтожить последние шансы на сохранение мира, т. к. начатые переговоры, повидимому, прерываются. При таких условиях, можно задаться вопросом, являлось-ли серьезным стремление Австрии к соглашению, и не было ли оно просто средством для того, чтобы возложить ответственность за конфликт на Россию. Мой английский коллега ночью обратился с призывом к чувству человечности Ягова, Последний заявил, что вопрос очень серьезен и что он должен ждать русского ответа на ультиматум. Затем он сказал сэру Гошену, что ультиматум требует прекращения русской мобилизации не только на германской границе, но также и на австрийской. Мой английский коллега, весьма удивленный этим, зая-

---

[1]) „Livre jaune“ № 120.
[2]) Ibid. № 121.

вил ему, что такого рода требование ему представляется неприемлемым для России. Ультиматум Германии, посланный в тот самый час, когда соглашение между Веной и Петербургом кажется почти достигнутым, обнаруживает ее воинственную политику. Конфликт существует только между Россией и Австрией, и Германия может вмешаться только, как союзник Австрии. При этих условиях обе наиболее заинтересованные державы готовы начать переговоры, если Германия не желала бы со своей стороны войны; совершенно непонятным является то обстоятельство, что она посылает ультиматум России вместо того, чтобы продолжать работать, как это делают все другие державы, для создания мирного разрешения кризиса. Подписано: Ж. Камбон".

Да, совершенно непонятно; Ж. Камбон был совершенно прав, пользуясь этим выражением. Тем более непонятно, что император Вильгельм телеграфировал 31-го июля царю, что он может гарантировать желание со стороны Австрии придти к соглашению, и Николай II ему ответил [1]): «Я от всего сердца благодарю тебя за твое вмешательство, которое дает возможность надеяться, что все окончится дружественным образом. Технически трудно приостановить наши военные приготовления, которые были вызваны мобилизацией Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. За все время, пока будут длиться переговоры с Австрией по поводу Сербии, мои войска не произведут никакого вызывающего действия; в этом я даю тебе мое честное слово. Я совершенно доверяю божьему милосердию и тому, что, благодаря твоему вмешательству в Вене для блага наших обеих стран, мир в Европе не будет

[1]) Livre blanc p. 16.

нарушен. Сердечно твой Николай". Ультиматум, врученный и поддержанный, несмотря на это честное слово, явился, конечно, со стороны Германии актом гнусной преднамеренности.

В субботу 1-го августа Шен не дождался назначенного часа и появился на quai d'Orsay утром у Вивиани, возобновив тот запрос, который им был сделан накануне. «Франция—ответил председатель совета—будет считаться со своими интересами».—„Я признаю—возразил посол,—что мой вопрос несколько наивен", но так как Вивиани не сказал ему, что Франция останется нейтральной, Шен не мог выполнить инструкции канцлера и заявить, что Германия предполагает оккупировать Туль и Верден. Он не потребовал своих паспортов и ограничился выражением чувства своей любви к Франции и признательности за тот прием, который ему всегда оказывался. Вивиани ответил ему, что за последние несколько часов положение представляется ему более благоприятным. Англия приготовлялась сделать посредническое предложение, которое вызовет прекращение русских военных приготовлений, при условии, если другие державы поступят также; Сазонов присоединяется к этому предложению; с другой стороны, австрийское правительство заявило о своем нежелании ни увеличить свою территорию за счет Сербии, ни даже проникать на территорию санджака и что оно готово обсудить в Лондоне, вместе с другими державами, самые основы австро-сербского вопроса. «Как могло случиться—спросил Вивиани,—что как раз в этот момент Германия прерывает всякие переговоры и пред'являет ультиматум России?» Смущенный Шен ограничился ответом, что он не знает о происшедших изменениях в этом вопросе за последние 24 часа, и что, может

быть, действительно есть надежда на его разрешение; он указал далее, что им не получено никаких новых сообщений от правительства, и что он должен получить осведомление И он снова заявил о своем искреннем желании присоединить свои усилия к усилиям Франции в целях достижения разрешения конфликта. Вивиани настаивал на той тяжелой ответственности, которую приняло бы на себя императорскос правительство, если в таких условиях оно бы взяло на себя ничем неоправдываемый почин в непоправимом шаге нарушения мира. [1])

1-го августа, в полдень, истекал срок, назначенный России Германией, относительно общей демобилизации. В этот час германское императорское правительство отправило в Петербург официальный текст об'явления войны, который гр. Пурталес должен был вручить России. [2]) Посол посетил Сазонова в 7 часов вечера по русскому времени и, так как министр не мог обещать ему полной и немедленной демобилизации, он вручил ему заранее приготовленный документ об об'явлении войны. После полудня царь телеграфировал однако еще раз кайзеру: «Я получил твою телеграмму. Я понимаю, что ты вынужден мобилизоваться, но я хотел бы получить от тебя такую же гарантию, какую я дал тебе, чтобы знать, что эти мероприятия не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры во имя спасения наших стран и общего мира, который столь дорог нашему сердцу. Наша столь долгая дружба окажется способной, с помощью бога, помешать пролитию крови. Полный доверия, я нетерпеливо жду твоего ответа. Николай II [3]).

---

[1]) „Livre jaune“ № 125.
[2]) Die deutschen Dokumente etc. № 542.
[3]) Ibid. № 546.

Ответ уже был послан. Это было об'явление войны.

Мы не могли предвидеть утром в субботу, что события будут развертываться с такой ужасающей быстротой. Однако, перед лицом угрожавшей Европе опасности, правительство республики думало только о том, как бы возможно дальше отложить приказ о мобилизации. Совет министров, собравшись утром, постановил, что этот приказ будет отдан по телеграфу. Чтобы придать мерам, которые мы вынуждены были принять, совершенно оборонительный характер, мы в то же самое время решили обратиться к французскому народу с коллективной прокламацией, подписанной президентом республики и всеми министрами, указывающей на то, что в своем горячем стремлении достичь мирного разрешения кризиса правительство будет продолжать, несмотря на военные приготовления, которые оно вынуждено предпринимать, дипломатические усилия, которые оно делало без остановки с начала конфликта. Советы благоразумия и спокойствия, которые мы давали, в конце концов были излишни. Никогда еще Франция не являла такого примера единства, хладнокровия и достоинства.

Вечером, в половине двенадцатого, Извольский, очень взволнованный, явился в Елисейский дворец и осведомил меня об об'явлении войны Германией России. Он имел приказ запросить меня о том, что намерена делать Франция. «Правительство—ответил я ему—вынесет по этому поводу решение. Я не сомневаюсь в том, что оно будет готово потребовать от палаты депутатов выполнения обязательств, которые возлагает на нас союз. Но не настаивайте на том, чтоб французский парламент немедленно об'явил войну Германии. С одной стороны, мы за-

интересованы в том, чтобы наша мобилизация была отложена возможно дольше до начала отпыне неизбежных военных действий; с другой стороны,— было бы лучше, если бы нам не пришлось выполнить союзного обязательства и об'являть войну. Если Германия нам ее об'явит сама, французский народ подымется еще с большим энтузиазмом, чтобы защищать свою землю и свою свободу».

Посол признал справедливость моих замечаний. Совет министров, немедленно созванный, собрался в 3 с четвертью часа утра; он единодушно одобрил ответ, который я дал Извольскому, и просил меня подтвердить ему это. Я на минуту вышел вместе с Вивиани, чтобы повторить послу от имени правительства то, что я лично сказал ему, и было решено, что мы будем ожидать событий раньше, чем выполнить наше союзное обязательство.

Утром, в воскресенье, 2-го августа Вильям Мартен переслал мне из Лондона от его величества короля Георга, датированное Букингамский дворец 1-го августа: «Дорогой и высокий друг,—писал король—я очень высоко ценю те чувства, которые Вы выразили мне столь сердечно и дружески, и я очень признателен Вам за то, что Вы высказали свою точку зрения так полно и так откровенно. Вы можете быть уверены, что настоящее положение в Европе является для меня причиной большой заботы, и я счастлив думать, что наши оба правительства столь дружественно работали вместе, чтобы попытаться изыскать мирное разрешение спорных вопросов. Для нас это явилось бы источником истинного удовлетворения, если наши соединенные усилия достигнут цели, и я еще не теряю надежды, что страшные события, которые кажутся столь близкими, могут быть избегнуты. Я удивляюсь той сдержан-

ности, с которой Вы и Ваше правительство воздерживаетесь предпринимать на границе вынужденные военные меры и занимаете позицию, которая не может ни в коем случае быть рассматриваема, как вызов. Я лично делаю все усилия перед русским и германским императорами, чтобы найти какое-нибудь средство, с помощью которого нынешние военные мероприятия могли бы быть во всяком случае отложены и через некоторое время представлены на спокойное рассмотрение державами. Я намереваюсь продолжить эти усилия, не прерывая их настолько долго, пока останется надежда на возможность полюбовного соглашения. Что касается линии поведения моей страны, то события идут столь быстро, что совершенно невозможно предвидеть их будущее развитие. Но Вы можете быть уверены, что мое правительство будет обсуждать откровенно с Камбоном все, что может представить интерес для наших обеих наций. Прошу считать меня, господин президент, Вашим искренним другом. Георг. Король-император».

В тот момент, когда мною получено было это письмо, надежда, которую питал король, к несчастию, была уже потеряна, потому что накануне, в субботу 1-го августа, в 19 часов 10 минут, Германия, прервав всякие переговоры, сделала вывод из своего ультиматума и об'явила войну России.

Но, что будет делать Англия?—Король об этом ничего не говорил, и сэр Эдуард Грей не мог еще отвечать Полю Камбону с положительной уверенностью. Германия требовала от Лондона об'явления нейтралитета; она его не получала; английское правительство оставалось господином своего поведения; британские эскадры были мобилизованы, и сэр Эдуард Грей расчитывал предложить своим коллегам за-

явить, что они воспрепятствуют проходу через пролив германских эскадр [1]).

Это был первый шаг. Но в тот час, когда война становилась неизбежной, мы ничего больше не знали.

После полудня, в воскресенье, Вивиани получил телеграмму от Поля Камбона с извещанием [2]), что после утреннего заседания совета министров сэр Эдуард Грей сделал нашему послу следующее заявление: «Я уполномочен дать заверение, что, если германский флот проникнет в Ламанш или пересечет Северное море, в целях начать военные операции против французских берегов или против французского торгового флота, британский флот окажет всяческое покровительство французам всею своею мощью».

Это заявление не было еще обещанием полного сотрудничества, и Англия была настолько мирно настроена, что она не решалась—вы это знаете—вмешаться в конфликт всеми своими силами раньше, чем она увидела нейтралитет Бельгии нарушенным Германией.

Мы провели таким образом день второго августа в очень большой тревоге. Утром советом министров было об'явлено осадное положение. Это решение вызвало обязательство собрать палаты в 24 часа. Они были созваны на вторник. Германские выступления продолжались на наших границах, и инциденты участились, несмотря на то, что наши войска все время держались в 10 километрах от границ. Вивиани вручил Шену мотивированный протест.

На следующий день, в понедельник, 3-го августа, утром кн. Русполли, итальянский поверенный в де

[1]) Livre jaune № 126.

[2]) Ibid. № 137.

лах (посол Титони был в то время у берегов Норвегии), посетил Вивиани и официально нотифицировал ему об'явление нейтралитета своей страны. Председатель совета министров горячо благодарил кн. Русполли и сказал ему, насколько Франция счастлива не завязывать с Италией братоубийственной борьбы. В то же самое время наш посланник в Брюсселе, Клобуковский, осведомил нас, что накануне вечером посланник Германии вручил бельгийскому правительству ультиматум, содержание которого вы знаете. Бельгия дала удивительный ответ, которого мир никогда не забудет, и германские армии начали свой поход на Льеж. Весь день прошел без того, чтобы французское правительство было определенно осведомлено о намерениях Англии. Сэр Эдуард Грей осведомил только Вивиани о том, что на заседании во вторник французское правительство может заявить палате: «В случае, если германская эскадра появится в проливе или в Северном море, чтобы, обогнув британские острова, аттаковать французские берега или французский военный флот и нападать на торговый французский флот, английская эскадра предложит французскому флоту свое полное покровительство с тем, чтобы с этого момента Англия и Германия оказались бы в состоянии войны».

Это являлось новым шагом, и Англия нам сбещала уже свое сотрудничество, но обещала условно, и если бы Германия не стремилась аттаковать нас с моря, Англия могла бы не вмешиваться. Что касается Германии, она не была расположена больше ждать. Она решила торопиться; и 3-го августа, в 18 часов 45 минут, Шен вручил Вивиани об'явление войны и потребовал свои паспорта. Вечером в 22 часа посол сел у Порт-Дофин в специальный поезд, который увез его в Германию в то время, как Ж. Кам-

бон вынужден был покидать Берлин в условиях, которые императорское правительство стремилось сделать возможно более стеснительными [1]).

В палате общин сэр Эдуард Грей сообщил в выражениях, весьма сочувственных Франции, что Германия ведет против нас наступательную войну, что, хотя Англия и не связана с нами никакими дипломатическими обязательствами, но что она связана с Францией искренней дружбой и что помимо этого ее национальный интерес заключается в том, чтобы наши берега не подвергнулись нападению со стороны германского флота. Он остановился также на ультиматуме, врученном Германией в Брюсселе, на письме, которое король Альберт адресовал королю Георгу, на гарантиях нейтралитета, которые были даны Белгии державами, и его речь была встречена приветственными аплодисментами всего собрания. В заседании английских министров, состоявшемся в субботу вечером, было постановлено отправить во вторник утром инструкцию английскому послу в Берлине, чтобы пригласить германское правительство взять обратно свой ультиматум и уважать нейтралитет Бельгии.

«Если Германия откажется сделать это—сказал сэр Эдуард Грей Полю Камбону,—это будет означать войну [2])».

Во вторник утром я снова написал королю Георгу, чтобы поблагодарить его за его письмо так же, как и за заявление сэра Эдуарда Грея. Я указал ему также на неотложность в установлении сотрудни-

---

[1]) Livre jaune № 155.

[2]) Телеграмма Поля Камбона, отправл. в 12 ч. 17 м. и полученная в 3 ч. 47 м. № 194.

чества для защиты территории Бельгии, так же как и территории Франции [1]).

Совет министров одобрил текст этого письма. Он дал также свое одобрение тому посланию, которое я приготовил для палат и которое Вивиани должен был прочесть в заседании их после полудня. Все присутствующие члены правительства покидали это заседание в чрезвычайном волнении и повторяли мне: «Как жаль, что Вы не могли быть там вместе с нами».

Священный союз, к которому я призвал нацию, заставил одновременно биться все сердца, и перед гнусным нападением, жертвой которого явилась Франция, она немедленно оказалась готовой ко всем усилиям, ко всем доблестям и ко всем жертвам. Она знала, что в течение долгих лет ее правитель-

---

[1]) Дорогой и высокий друг! Я благодарю ваше величество за письмо, которое Вы пожелали мне написать. Заявления, сделанные в палате общин королевским правительством, нашли во Франции сочувственный отклик. Entente cordiale наших обеих стран является теперь более тесным, чем когда либо, и известие о сотрудничестве принято общественным мнением с волнением и радостью. Полное согласие царит между морскими генеральными штабами наших обеих стран. Но до сих пор мы не осведомлены о том, что правительство вашего величества окончательно определило свои намерения относительно сотрудничества сухопутных сил. Его величество король Альберт обратился с призывом к нашей помощи, как и к вашей, чтобы защитить территорию Бельгии. Правительство республики отмечает, что, если бы для Англии было возможным высадить теперь же во Франции, с назначением в Бельгию, военные части, которыми Вы можете в данное время располагать, и сотрудничество которых явилось бы столь драгоценным, эта мера, дающая публично доказательство нашего братства по оружию, вызвала бы в Бельгии и во Франции весьма выгодное впечатление. Я считаю своим долгом выразить Вам мои чувства и снова поблагодарить Вас за свидетельство Вашей дружбы. Подписано: Пуанкаре".

ство делало все возможное, чтобы устранить катастрофу, которая готова была разразиться над Европой. Она всегда добросовестно сдерживала свои чувства печали и сожаления, которые у нее оставили поражение 1870 г. и потеря ею провинций. Она чувствовала себя невинной в том преступлении, которое готово было совершиться против человечества. Она могла пойти с высоко поднятым челом на поля сражения, где решалось будущее мира. Перед лицом австро-германского империализма она становилась в глазах народа живым символом права и свободы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие — проф. *И. Бороздина*	3
Кто такой **Пуанкаре?** — *М. Н. Покровского* ...	11
Глава I-я. Франция и Германия после 1870 г. ...	22
„ II-я. Союз с Россией и Entente cordiale ...	56
„ III-я. Марокко и балканский кризис	91
„ IV я. Драма в Сараево	132
„ V-я. Трагические дни	173
„ VI-я. Попытки сохранить мир. Война ...	212

Книги для детей и юношества.

А. С. Свентицкий. Книга сказаний о короле Артуре и о рыцарях Круглого Стола.

Д. А. Жаринов и Н. М. Никольский. Былое вокруг нас. Книга для чтения по русской истории. Ч. I и II. (От Петра Великого до наших дней).

Проф. Н. А. Кун. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. Ч. I. Боги. Ч. II. Герои. Книга I.

Проф. А. Е. Грузинский. Арабские сказки. Книга I, II, III.

Проф. Н. А. Кун. Сказки цыган. Книга I, II.

М. Х. Свентицкая. Русские народные сказки. Книга I, II.

Р. Киплинг. Маленькие сказки. Кн. I, II.

Разные.

Теория относительности Эйнштейна и ее философское истолкование. Статьи М. Шлика, В. Базарова, А. Богданова и П. Юшкевича.

Корифеи английской литературы. Избранные произведения в обработке для школ и самообраз. Английский текст с введ., примеч. и построчным словарем. Обработ. С. Г. Займовский.

№ 1. J. Ruskin. The King of the Golden River.

№ 2. Ch. Dickens. The Cricket on the Hearth.

С. Г. Займовский. Полный англо-русский словарь.

Печатаются и готовятся к печати.

С. И. Пфейфер. Детский клуб, его цель, значение и организация.

А. А. Фортунатов. История идеи трудовой школы.

С. Ф. Шацкий. Годы невзгод.

Его же. Вторая жизнь. Ч. II.

М. Н. Ковалевский. Русская революция в судебных процессах и мемуарах Кн. III. Процессы 1-го марта, 14-ти и второе 1-го марта.

История философии в марксистском освещении. Статьи Маркса, Энгельса, Каутского, Ленина, Плеханова, Деборина и др. Составлено В. Г. Столпнером и П. С. Юшкевичем.

Грацианский. Крестьянские и пролетарские движения Средние века.

А. К. Дживелегов. История революционных движений в Германии.

А. К. Дживелегов. Народные движения в эпоху Реформации.

П. П. Маслов. Крестьянские движения Ч. II.

Н. Н. Фирсов. Народные движения в России до XIX в.

В скором времени поступят в продажу:

История русской литературы до XIX в. Под ред. А. Е. Грузинского. Том I. Кн. I. Введение. Древнейший период (XI—XII вв.). Кн. II. Средний период (XIII—XVI вв.).

История русской литературы XIX в. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Том I—V.

Тип. «ДЕЛО». Ленинград, 5-я Советская, 44.